
**СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ**

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 9, № 1, 2017

Главный редактор – канд. пед. наук **В.Н. Абросимов**

Зав. редакцией – **Т.А. Магсумов**

Ответственный секретарь редакции – **Я.А. Максимов**

Технический редактор, администратор сайта – **Ю.В. Бяков**

Компьютерная верстка, дизайн – **Р.В. Орлов**

**SOCIETY OF RUSSIA: HISTORICAL SPACE,
LINGUISTIC STRUCTURES AND
PHILOSOPHICAL VALUES**

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 9, Number 1, 2017

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov, PhD**

Deputy Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Executive Secretary – **Ya.A. Maksimov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Красноярск, 2017

Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2017

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 9, № 1, 2017, 178 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Society of Russia: historical space, linguistic structures and philosophical values, Volume 9, Number 1, 2017, 178 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI).

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,
«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2017

Члены редакционной коллегии

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры "Иностранные языки и профессиональная коммуникация", Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», член Президиума АН РТ.

Галиева Фарид Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, Россия.

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в. ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет».

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия.

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик Филиала Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в г. Железногорске.

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВПО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске.

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии и истории ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет».

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, декан факультета Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет».

Корнилова Ирина Валерьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания ФГБОУ ВПО «Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов».

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, культурологии и туризма Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, начальник научного отдела ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры».

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры».

Покрищук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия.

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук.

Санко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарного знания ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса».

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургское ГАОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы».

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» .

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия».

Editorial Board Members

Bochkova Olga Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the department "Foreign languages and professional communication", Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Valeev Nail Mansurovich – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Philology, professor; Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan; member of the Writers' Union of Russia and the presidium of the Union of Russian ethnographers; Vice-President of the Republic of Tatarstan; Academician-secretary of the Department of Humanities of the Republic of Tatarstan.

Galieva Farida Gabdulkaevna – Senior Researcher, Institute of Ethnological Studies Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Candidate of History, Associate Professor of Moscow State Pedagogical University, Branch in Ufa.

Gasanov Magomed Magomedovich – Vice-Rector for Academic Affairs (Dagestan State University), Doctor of History, Professor.

Gotovtseva Anastasiya Gennadevna – Doctor of Philology, Associate Professor, assistant professor of literary criticism of the Faculty of Journalism of the Institute of the media «Russian State University for the Humanities».

Dotsenko Dmitry Vasilevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Zheleznogorsk Branch.

Zubova Yana Valerevna – Doctor of Social Sciences, Department of Management, Ukhta State Technical University, Branch in the city of Usinsk.

Zulyar Yuriy Anatolevich – Head of the Department of Political Science and the Faculty of History of Russian history, Irkutsk State University, Doctor of History.

Koptseva Natalia Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Humanities Institute, Siberian Federal University.

Kornilova Irina Valerevna – Doctor of History, Assistant Professor, Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Educational Technologies and Resources.

Litvin Aleksandr Alterovich – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Museology, culture and tourism, Kazan (Volga) Federal University.

Matsievskiy German Olegovich – Head of the Scientific Department of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Doctor of History, Associate Professor.

Mostitskaya Natalya Dmitrievna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State University of Culture and Arts.

Pokrishchuk Dmitriy Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Lecturer, Department of humanitarian and socio-economic disciplines Russian State Humanitarian University.

Popovkin Andrey Vladimirovich – researcher in the Department of Ethnography, ethnology and anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IIAE FEB RAS), associate professor of the philosophy of the Far Eastern State Technical University, Candidate of Philosophy.

Popovkina Galina Sergeevna – Senior Fellow of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of RAS (Vladivostok), Candidate of History.

Pulkin Maksim Viktorovich – Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural, Petrozavodsk State University.

Saenko Natalya Ryafikovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State Pedagogical University.

Serov Nikolay Viktorovich – Doctor of Cultural Studies, Professor of Philosophy and Cultural Studies St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work.

Sudovikov Mikhail Sergeevich – Doctor of History, Assistant Professor, Head of the department of national history, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Vyatka State University of Humanities».

Shirokalova Galina Sergeevna – Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy.

**ИСТОРИОГРАФИЯ.
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ**

**HISTORIOGRAPHY. HISTORY
OF SCIENCE AND TECHNOLOGY.
SOURCE STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-7-25
УДК 947.1/9

**РОССИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ XVIII–XIX ВЕКОВ
О КОНФЛИКТАХ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ И УЧАСТИИ
В НИХ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА**

Дубовиков А.М.

Цель. Цель данной статьи – показать сложность и неоднозначность отношений между казаками и русскими военными (прежде всего казаками) в период продвижения России в казахскую степь и Среднюю Азию, а также отражение данной проблемы в различных источниках.

Метод или методология проведения работы. В ходе проведения работы были использованы разноплановые источники, проливающие свет на данную проблему. Среди них документы XVIII–XIX веков, в основном, из Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), а также из военно-исторического архива (РГВИА). Используются также документы, собранные поручиком генштаба А.Д. Рябининым, важность которых связана и с тем, что архив Уральского казачьего войска пропал в годы гражданской войны. Не менее важными представляются две крупные работы офицеров, военных историков и теоретиков М.И. Иванина и М.А. Терентье-

ва, принимавших непосредственное участие в походах через казахскую степь и в присоединении Средней Азии. В меньшей степени использованы материалы других «живых источников» XIX века – уральских казачьих офицеров И.И. Железнова и Н.Г. Мякушина, а также служившего при Оренбургском военном губернаторе В.И. Даля. Важным источником являются и «Уральские войсковые ведомости» – единственная газета, издававшаяся в Уральском казачьем войске в последней трети XIX века.

Результаты. Все эти источники позволяют сделать ряд важных заключений. Они ярко свидетельствуют, что юго-восточные окраины России долго подвергались набегам «степняков», и это выработало у большинства пограничного казачьего населения устойчивую неприязнь к кочевым соседям. Неприязнь сохранялась долгое время, но в течение XIX века она постепенно снижалась вследствие социально-политических и экономических изменений, параллельно сокращалось и число конфликтов. Российские военные иногда проявляли излишнюю жестокость, а их командиры, выполняя указания свыше, не всегда были справедливы в отношении казахского населения. Но это не было основной тенденцией. Казахское общество было отнюдь не монолитно. Далекое не все представители знати пользовались уважением и авторитетом у простых людей; многие ханы и султаны нуждались в личной охране от своих же подопечных, которую осуществляли казаки. Нравы различных казахских родов и жузов порой имели существенные различия, обусловленные разными факторами, в том числе географическими. Чаще всего конфликты, волнения и мятежи происходили в Западном Казахстане (в Младшем казахском жузе), а самым непокорным и воинственным здесь был род «адай». Сложными были отношения казахов не только с казаками (или в целом с русскими), но и с другими соседями – узбеками, туркменами и прочими, порой приводившие к кровавым столкновениям. В то же время, источники свидетельствуют, что имело место и позитивное сотрудничество с казаками и их знатью в разных областях – политической, военной, хозяйственной, культурной.

Область применения результатов. Данные этой статьи могут использоваться историками, краеведами, другими научными и научно-педагогическими работниками, а также всеми, кто интересуется историей русско-казахских отношений.

Ключевые слова: В.А. Перовский; М.И. Иванин; М.А. Терентьев; И.И. Железнов; «Уральские войсковые ведомости»; уральские казаки; казахская степь; лаучи; Исатай Тайманов; Каип Галиев; Кенесары Касымов.

RUSSIAN SOURCES OF THE XVIII–XIX CENTURIES ABOUT THE CONFLICTS IN THE KAZAKH STEPPE AND THE INVOLVEMENT AND PARTICIPATION OF THE URAL COSSACKS

Dubovikov A.M.

Purpose. *The purpose of this article is to show the complexity and ambiguity of relations between Kazakhs and Russian military (primarily Cossacks) during the advance of Russia in the Kazakh steppe and Central Asia, as well as a reflection of this problem in different sources.*

Methodology. *In the course of the work, we have used diverse sources that shed light on this issue. Among them, documents of XVIII–XIX centuries, mainly from the State archive of Orenburg region (GAOO), as well as from the military historical archive (RGVIA). Used the documents collected by the Lieutenant of the General staff, A.D. Ryabinin, the importance of which is associated with the fact that the archive of the Ural Cossack troops lost during the civil war. Not less important are two major works of officers, military historians and theorists M.I. Ivanin and M.A. Terentyev directly involved in the campaigns through the Kazakh steppe and the annexation of Central Asia. To a lesser extent the materials used other “sources” of the XIX century the Ural Cossack officers I.I. Zheleznov, N.G. Makushin, and also serving at the Orenburg military Governor V. I. Dahl. An important source is and “Ural-*

skiye voiskoviye vedomostie” – the only newspaper published in the Ural Cossack army in the last third of the XIX century.

Results. *All these sources allow us to draw some important conclusions. They clearly indicate that the South-Eastern outskirts of Russia was long subjected to raids “nomads”, and it has developed most of the border of the Cossack population sustained hostility to the nomadic neighbors. The hostility persisted for a long time, but during the nineteenth century it was gradually decreasing due to the socio-political and economic changes in parallel decreased and the number of conflicts. The Russian military sometimes showed excessive cruelty, and their commanders, carrying out orders from above, was not always true in the Kazakh population. But it was not the main trend. The Kazakh society was not monolithic. Not all members of the nobility enjoyed respect and authority among the common people; many khans and sultans needed a personal guard from their own wards, which was carried out by Cossacks. The mores of various Kazakh tribes and clans often had significant differences, caused by different factors, including geographical. Most often, conflicts, unrest and rebellion occurred in Western Kazakhstan (the Kazakh Small Zhuz) and the rebellious and warlike, there was a kind of “Adai”. Difficult was the attitude of the Kazakhs not only with the Cossacks (or in General with the Russians), but also with other neighbors – Uzbeks, Turkmen and other, sometimes leading to bloody clashes. At the same time, sources reveal that took place and positive cooperation with the Kazakhs and their elites in different fields – political, military, economic, cultural.*

Practical implications. *The information in this article can be used by historians, ethnographers, other scientific and scientific-pedagogical employees, as well as all those interested in the history of Russian-Kazakh relations.*

Keywords: *V.A. Perovsky; M.I. Ivanin; M.A. Terentiev; I.I. Zheleznov; “Uralskiye voiskovyye vedomosti”; the Ural Cossacks; the Kazakh steppe; the camel jockeys; Isatai Taimanov; Kaip Galiyev; Kenesary Kasymov.*

Дореволюционный период российской истории в исторической науке Казахстана подвергнут более жёсткой критике, чем у советских авторов, которые признавали наличие прогрессивных моментов. Казахстан показан древней страной, которая попав под власть России, подверглась социально-экономической и культурной деградации, а её народ – частичному истреблению. Б. Аяган и М. Шаймерденова в своём учебнике утверждают, что российские колонизаторы «отбирали у коренного населения лучшие земли», отчего у казахов «к 1917 году было изъято более 45 миллионов десятин земли». Полмиллиона квадратных километров! Реально ли? При этом главным злом были не переселенцы, а «казачьи войска на территории Казахстана» [2, с. 6–7]. Казахстанские историки затрагивают казачества, чья история прямо связана с Казахстаном. А.С. Елагин в книге «Казачьи войска в Казахстане» привёл о них поверхностные, сопроводив комментариями о реакционности казачества и его вечной вражде с казахским народом [7]. В работе М. Абдилова отношения между казаками и казахами названы «геноцидом казахского народа» [1, с. 140]. К. Данияров отмечает, что «на колонизируемых землях активно формировались казачьи войска: Уральское, Оренбургское, Астраханское, Сибирское» [6, с. 5]. Он убеждён, что Нижняя Волга – исконно казахская земля. Националистические подходы возобладали повсеместно в республиках бывшего СССР. Часто в них мало науки и много политики. В этих условиях важно дать объективную оценку событиям, связанным с присоединением к России разных территорий и обусловленных этим межэтническими отношениями. Помощь в этом окажут материалы архивов, периодика, произведения мемуарного характера, другие источники.

Отношения между казахами и казаками в казахстанской историографии преподносятся исключительно в негативном свете не случайно. Упоминание о наличии какого-либо позитивного опыта в этом плане здесь просто недопустимо. Очевидно дело в том, что значительная часть земель бывших казачьих войск, активно действовавших на территории казахской степи и участвовавших в присоединении к России Средней Азии, сегодня оказались за

пределами России. Казахстану ныне принадлежит вся территория бывшего Семиреченского войска, почти вся территория Уральского, большая часть Сибирского и незначительная часть Оренбургского. По этой причине многие в Казахстане испытывают опасение, что обращение к истории этих регионов может привести к территориальным претензиям со стороны российских представителей или к появлению регионального сепаратизма. Дабы вопрос о том, чьи это территории, был окончательно закрыт, следует показать, что данные казачьи войска возникли в результате незаконного захвата казахских земель, а их население активно участвовало в гонениях на коренное население края, являясь проводником колониальной политики царизма. Но следует ли считать такой подход справедливым? На сегодняшний день Казахстан является дружественным России государством, и обращение к реальной истории уральского или сибирского казачества вовсе не следует считать покушением на территориальную целостность республики. Не только историки, но и потомки тех казаков имеют право на получение объективной информации о своих предках. К сожалению, после распада СССР проблема соотечественников по-прежнему остаётся актуальной.

До 1925 года казахов официально называли «киргизами». Иоасаф Железнов, казачий офицер и бытописатель, придерживался точки зрения, которую разделяло большинство его земляков. «В глазах казаков зауральские киргизы были не что иное, как враги», – писал он [8, с. 106]. Нелюбовь к казахам легко проследить в его литературных трудах. Пример – повесть «Василий Струняшев». Главный герой, именем которого она названа, попав в плен к казахам, пропитался ненавистью, и после побега мстит всю оставшуюся жизнь. В эпиграфе к третьему изданию сборник произведений И.И. Железнова «Уральцы: очерки быта уральских казаков» приведена его цитата: «Я, если разбирать меня с общей точки зрения – гуманист, но, коснись дело до интересов казаков, я – эгоист... Киргизы же для меня – создание совершенно постороннее». В очерке «Уральский казак» В.И. Даль создал яркий образ казака-уральца. Будучи оренбургским чиновником, Даль часто бывал в землях уральских

казаков, что позволило ему хорошо узнать их быт и нравы. Главный герой очерка, Проклятов, «немало сражался на своём веку, не говоря о всегдашней войне с киргизами» [5, с. 105].

Боевую летопись земляков изучал казачий офицер Н.Г. Мякушин. Он детально описал одну из экспедиций, отправленную для наказания рода «адай»: «Неожиданное появление казаков до того ошеломило хищников, что они не верили своим глазам, ... с криком «урус, урус» они начали выбегать из своих кибиток и защищаться с оружием в руках... Положение их было самое отчаянное: их поражали пулями, кололи пиками, рубили шашками и топтали конями... по всему полю в беспорядке лежали трупы киргиз» [10, с. 27–28].

Но откуда у казачьих авторов было столько неприязни к соседям-казахам? Ответ прост, если знать особенности их взаимоотношений в XVIII–XIX веках. Делами о конфликтах на границе Уральского (до 1775 г. – яицкого) казачьего войска (набегах, грабежах, угонах скота, потравах) изобилует Оренбургский областной архив [3, оп. 1. д. 17, д. 20, д. 33, д. 40 и др.]. Нападений можно было ожидать во время любых промыслов, что было отмечено ещё П.-С. Палласом [11, с. 430]. Нет оснований не доверять Железнову, писавшему: «Выезжая на покосы или на рыбную ловлю, казаки, даже в виду своих жилищ, должны были иметь такую же точно предосторожность, какая обыкновенно соблюдается во время войны на передовой цепи армии» [8, с. 71]. Периодически войсковая канцелярия приказывала усилить караулы в местах проведения промыслов [4, оп. 10. д. 204-а. л. 1-2об.]. В одном из документов 1760 года атаман Андрей Бородин перечислил нападения на форпосты и крепости Яицкого войска лишь за август-сентябрь, результатом стали угоны табунов, гибель, ранения и плен казаков. Тогда же предписывалось создать два яицких казачьих корпуса, чтобы «в потребном случае, совокупясь против злодеев киргиз-кайсаков, выступить в погонь соединенными силами за ними и в самые их улусы чинить» [13, с. 34, 36–37]. Но чувство опасности, по словам И.И. Железнова, у казаков не перерастало в чувство страха: «Чтобы киргизы одержали верх над казаками –

тому никто почти не хотел верить: так сильно у казаков сознание своего превосходства перед ордынцами» [8, с. 62].

До пугачёвщины правительство разрешало казакам самостоятельно преследовать «воров-киргизов» в их степи и брать заложников (аманатов) из числа их родственников. После того как это было запрещено, интенсивность нападений возросла. Угоны крупных табунов имели место в 1803, 1805 (близ Каршинского форпоста), 1807 (близ Генварцева и Глиненского форпостов), 1808 (близ Харкинского форпоста), 1809 (близ Глиненского и Рубёжинского форпостов), 1810 (вновь близ Харкинского) [4, оп.10. д.30, д.249-А, д.264, д.469, д.659, д.720]. Похищения людей (казаков и их работников) были зафиксированы в 1803, 1805 (казаки Кокаревы и казак Поленов), 1807 (казаки из Требушинского форпоста), 1808 (группа работников) [4, оп.10. д.30, д.155, д.273, д.400]. Грабежи казаков в приграничной зоне произошли в 1803 (ограблены работники полковника Акутина, группа купцов и есаул Тельнов), 1807 [4, оп.10, д.32, д.34, д.227, д.249]. Часто набеги сопровождались убийствами. В 1807 погиб казак Тюрюков. Тогда же, в ходе нападения на людей, косивших сено близ Требушинских хуторов, один работник был убит, двое захвачены для продажи в рабство, а казак-малолеток Бакалкин получил тяжёлое ранение. В 1808 году, защищая свою собственность, погиб урядник Попов [4, оп.10. д.249; д.273, д.400]. Подобные примеры можно продолжить.

Иногда преступления совершали казахи, работавшие у казаков, вступив в сговор с земляками. Например, в 1819 г. казак Баксаевской крепости Емельян Бородин, став в тёмное время суток свидетелем хищения коней Прохора Колпакова, пытался задержать воров, но получил смертельное ранение. Умирая, он успел назвать их имена – Аман Байгундиев (работник Колпакова) и его приятель Мурбаев [4, оп.10, д.2137, л.1-5]. Преследование не дало результатов из-за запрета перехода Урала. Такие случаи происходили и впредь. В 1880 году оренбургский губернатор, обращаясь к уральскому коллеге, сообщал, что «некоторых пастухов-киргизов» посещают «под видом гостей киргизы неодобрительного поведения», которые «занимаются хищением лошадей у городских жителей» [16, 1880. №45].

«Зная, что казаки не смеют переходить через Урал, в их степи, они [казаки – Д.А.] преспокойно собирались там вблизи казачьих станиц большими партиями и, выбрав удобное время и место, переплывали Урал, нападали невзначай», – отмечал И.И. Железнов [8, с. 71]. С ходатайствами об отмене запрета обращались и губернатор Г.С. Волконский, и сменивший его П.К. Эссен [14, с. 72]. Отменить запрет удалось лишь во 1823 году. «С тех пор как дозволили казакам преследовать киргизов за Уралом, киргизы год от году стали тише», – писал И.И. Железнов [8, с. 74]. Но столкновения продолжались; раньше казаки в основном, ловили «воров», совершавших в пограничье грабежи, а теперь становились участниками внутренних разборок между обитателями степи. После того как казахские старшины и султаны стали российскими подданными, игнорировать их конфликты было уже нельзя. Во 2-й четверти XIX века на сцену вышла целая плеяда «разбойников» и «мятежников» – Жоламан, Каип Галиев, Исатай Тайманов, Махамбет Утемисов, Кенесары Касымов и другие. М.И. Иванин считает, что проявления недовольства у казахов часто были обоснованными. Главными виновниками волнений, начавшихся во Внутренней орде, он считал хана Джангира и потакавшую ему оренбургскую власть. Хан дарил земли родственникам и прочим лицам (за взятки), выделив себе 400 тысяч десятин лучших угодий. Жалобы в Оренбург не давали результатов, и тогда недовольных поддержал старшина Исатай Тайманов. Поднятый им бунт во Внутренней орде был подавлен казаками, после чего перекинулся в Малую орду, где казаки полковника Геке и джигиты султана Айчувакова настигли и уничтожили «мятежников», включая лидера. М.А. Терентьев признаёт, что «мятежники» были «сильны и численностью, и сочувствием народа» [9, с. 87–88; 15, с. 32–37]. После смерти Джангира его злоупотребления стали поводом к «прекращению ханского достоинства» во Внутренней орде, а поземельные ярлыки признаны утратившими силу. Начались новые волнения, но исходившие уже от знати [9, с. 186–187]. Другим проявлением несправедливости М.И. Иванин считает создание в Оренбуржье новой линии (1830-е гг.): «Мы основали новую

Оренбургскую линию, заняв более 4 миллионов десятин превосходных пастбищных киргизских земель под казачьи поселения, без всякого вознаграждения киргизов». Хотя «занимая у них для наших поселений и укреплений луговые места и пастбища, необходимые также и пастушескому народу, следовало бы вознаграждать за это» [9, с. 186].

М.А. Терентьев тоже признаёт наличие несправедливости в отношении казахов. Прежде всего, она проявлялась в том, что вместо виновников часто страдали невинные люди. Яркий пример – действия полковника Мансурова по поимке «мятежников» Каипа и Жоламана: «Джуламан ушел за Эмбу, а главный руководитель волнений, султан Каип, бежал в Хиву». Однако Мансуров разорил аулы рода, не принадлежавшего к числу их сторонников, увеличив число недовольных [15, с. 32–34]. Генерал Генс, требуя верблюдов, не церемонился, сказав казахам, что ожидает «не толков, а повинения воле Императора, что, впрочем, в нужном случае она исполнится и без их согласия, содействием посланных уже и снаряжаемых еще в степь отрядов» [9, с. 84]. Утеген Мусабаев, убив группу спящих россиян, бежал, но расстреляны как заложники были посторонние люди [15, с. 201–202].

Не отличался гуманизмом в отношении казахов и Перовский. После нападения хивинцев на небольшой русский отряд, многие вожаки верблюдов (лаучи) были сильно напуганы. Собравшись у походного штаба Перовского, они заявили, что дальше не пойдут. После угроз толпа разошлась, но семеро остались. По приказу Перовского казаки расстреляли по очереди двоих, после чего остальные пятеро упали на колени, прося пощады [9, с. 125–126]. По мнению М.И. Иванина, «нужно употребить десятки лет хорошего управления, развития торговли и здоровой политики для установления приятных отношений с этими племенами». «К сожалению, генерал-адъютант Перовский не последовал этому пути», – заключил М.И. Иванин [9, с. 186].

Казахский род «адай» кочевал на северо-востоке Прикаспия и гораздо чаще других родов фигурировал в сводках о набегах. Кочевья

адаевцев находились между российскими, хивинскими и иранскими землями, что провоцировало их род к занятию работорговлей больше, чем другие. С другой стороны, это влияло на менталитет рода, обретшего имидж самого разбойного, воинственного и непокорного. Этот род, входя в Малую орду, по утверждению М.А. Терентьева, «ни во что не ставил своего султана-правителя» [15, с. 159]. В 1825 г. для наказания адаевцев был выслан крупный отряд полковника Берга, через год подобное задание получил полковник Щапов. Их отряды состояли, преимущественно, из уральских казаков [14, с. 76].

Лоцманы, плохо знавшие отмели у Мангышлака, часто сажали суда на мель, становясь жертвами адаевцев. В 1812 г. казачья команда Мотыгина захватила адаевцев, грабивших судно купца Ашуева [4, оп.10, д.1703, л.7]. В 1836 г. от разграбления адаевцами суда спасла дежурившая на водах команда сотника Ерыклинцева. За это очередное наказание осуществили пять сотен уральских казаков [10, с. 13]. В 1839 г. адаевцы разграбили и сожгли каспийские суда с грузом для Хивинской экспедиции, после чего напали на Провинский пост, угнав скот [9, с. 127]. Затем сорвали поставку Перовскому верблюдов, захватив и отправив в Хиву сопровождавшего верблюдов корнета Аитова [9, с. 133–134]. Для экзекуции были посланы уральские казаки полковника Бизянова, к которым добавились джигиты султана Айчувакова. Настигнув «злодеев» в устье Эмбы, казаки и джигиты уничтожили их до пятисот человек [12, оп.6. д.5446. л.99; 9, с. 149–150].

Места уничтожаемых мятежников занимали преемники. Вместо Каипа, Исатая и прочих объявились Касым, его сын Кенисары и другие. В 1843 г. к наградам были представлены 17 уральских казаков (5 офицеров, 12 нижних чинов) за участие в отряде уральского казачьего полковника Бизянова «противу скопищ мятежных киргиз» султана Кенесары. В списке также имелись оренбургские казаки, башкиры и казахи [12, оп.6, д.5446, л.96-130].

С 1869 года в «Киргизском крае» вступало в силу новое положение об управлении. Оно вводилось в рамках либеральных реформ и ставило целью урезание прав знати с предоставлением народу

права выбирать аульную и волостную власть. Султанов-правителей заменяли начальники дистанций, назначаемые региональной властью. Избирались и муллы, ранее назначаемые муфтиями. Это вызвало недовольство значительной части духовенства и знати. «Орда, как тогда уральские казаки называли киргизов, заволновалась: мятежные шайки и скопища напали на форпосты, изгоняли целые табуны лошадей, напали на почту и даже на наши вооруженные отряды», – писала пресса [16, 1897, №41]. Масло в огонь подливали и хивинские эмиссары.

В 1870 году, под предлогом несогласия с новым положением, адаевцы подняли мятеж. Вести переговоры пытался Мангышлакский пристав Рукин. У адаевцев он велел сопровождавшим его уральским казакам сдать оружие, как просили хозяева. Казакам пришлось подчиниться, после чего часть их была убита, часть попала в плен. «В миниатюре здесь повторена была от «а» до «я» вся трагедия Бековича-Черкасского; ничего не читают, ничего не знают эти господа», – заметил М.А. Терентьев [15, с. 169]. Затем адаевцы осадили Форт Александров, для защиты которого с Кавказа был выслан отряд полковника Кутайсова, а из Гурьева – отряд подполковника Саранчова. Вглубь кочевий адаевцев, к озеру Чушка-куль, выдвинулся подполковник Байков с казаками генерала Бизянова и ротой солдат. Отряд Байкова прошёл без дневного отдыха по безводной степи 500 вёрст. Особо отличились три уральских казака (Соколов, Любимов и Халимов), которые наряду с донцами и оренбуржцами геройски отразили нападение адаевцев [15, с. 170]. Даже М.И. Иванин, часто сочувствовавший казахам, считает, что сделать из адаевцев российских подданных не удастся, а потому «дорожить ими нет надобности» [9, с. 167–168].

Известия о конфликтах в казахской степи и её российском пограничье регулярно публиковались в местной прессе. Пик таких публикаций пришёлся на 1869–1873 гг. (от введения нового положения до взятия Хивы). «Уральские войсковые ведомости» сообщали, что 6 апреля 1869 г. в войсковом собрании состоится благотворительный концерт «в пользу семейств убитых киргизами близ Горяченского

форпоста 11 казаков». В следующем номере отмечалось, что концерт принёс 91 рубль [16, 1869, № 14, 15]. В 1871 г. та же газета писала, что «шайка киргиз, не принявших положение» угнали 558 лошадей у казахов Бестюбинской волости для продажи в Хиве [16, 1871, № 10].

Ошибочно считать, что конфликты у казахов были лишь с русскими. Часто вспыхивала вражда между родами, не говоря уже о конфликтах с калмыками, башкирами, туркменами. «Роду адайскому, самому воровскому и злейшему из киргизских родов, все роды более или менее враждебны», – писал И.И. Железнов [8, с. 141]. В 1840 г. ташкентский бек, пообещав мятежному Касыму помочь порохом и свинцом, напал на него, убив его, его семью и его окружение. Это была месть за то, что, мстя за брата, его сын вероломно убил 40 ташкентцев [15, с. 33]. Хивинцы регулярно совершали нападения на казахов, кочевавших в районе Сырдарьи. Поэтому основание на её берегу Раимского укрепления (1847 г.) было одобрено ими. В отместку им, хивинцы, как отметил М.А. Терентьев, «расчebarили более тысячи кибиток наших киргизов, утопили 30 грудных детей, забрали 21 семейство в плен». А вскоре «обойдя Раим, хивинцы бросились в Каракумы, расчebarили чиклинцев и дюрткиринцев, перерезали стариков, раскидали по степи младенцев, а женщин забрали в плен» [15, с. 148–149].

Противоречия между казахской знатью и её подопечными порой были предельно обострены. В 1805 г. с просьбой прислать казаков для «усмирения киргиз» обращался хан Айчувак [4, оп.10, д.148, л.1-3]. С такими просьбами обращались и другие представители казахской верхушки. Казаки охраняли султанов не только от «мятежников». «Многие султаны прежде не смели и показываться в степь без казачьего конвоя, до того были ненавидимы своими подвластными», – свидетельствует М.А. Терентьев [15, с. 97]. В 1805 г. уральские казаки сопровождали хана Букея, в 1807 – хана Джантюрю, в 1814 – хана Алгазы [4, оп.10, д.141, д.378, д.1153]. Формуляр урядника Лагашкина типичен: «43 лет, грамотный, в 1827 году служил при султane-правителе западной части Области оренбургских киргиз» [12, оп.6, д.5446, л.96].

Часто конфликты случались не только между казахскими родами, но и между отдельными семьями на бытовой почве. Так, ночью в одном из аулов Джуламан Табынчурин с сообщниками похитили невесту, убив её мать Джаксыкызы, похитив верблюдов и ковер [16, 1871, № 46]. В другом ауле «шайкою киргиз» была убита и ограблена Тайдук Тургенбаева [16, 1880, № 26]. Похищение «киргизской девицы» завершилось дракой между казахами Внутренней Орды, в ходе которой был убит один из её участников [16, 1885, № 26]. Байбагул и Коблан Джулаевы с сообщниками напали на земляков, убив одного из них, ранив двоих и угнав 400 баранов [16, 1891, № 23].

Наряду с конфликтами между казахами и казаками, имел место и позитивный опыт. Представители казахской знати не раз оказывали содействие российским властям в поимке и выдаче мятежников, в поиске и освобождении пленных, предупреждали об опасности. Например, начальники дистанций Узбекгалиев и Шигазин предупреждали начальника Тополиной крепости Бородина о готовящемся нападении «воров-киргизов» [4, оп.10, д.5082, л.5]. За помощь в освобождении из плена казака был награждён старшина рода джагалбайлы Тюлегенов [4, оп.10, д.59, л.1-5], а старшина Котлумбаев «за усердную службу и преданность России» получил две награды (в 1803 и 1815 гг.) [4, оп.10, д.181, л.1-6; д.1135, л.14]. Простой казах Курамсин получил медаль за спасение казака Казанцева [4, оп.10, д.3709, л.1-14]. Среди участников похода Перовского, получивших награды, имелись и казахи [4, оп.10, д.4927, л.1-57]. О Баймухаммеде Айчувакове М.И. Иванин сказал, что он «известен своим усердием» [9, с. 127, 149].

Некоторые казахи меняли веру, например, в 1758 г. старшина Байтебек с подопечными [3, оп.1, д.48, л.26]. Примеров было немало и в XVIII, и в XIX веке. Например, в 1888 г. «Уральские войсковые ведомости» писали, что «на основании протоколов съезда выборных» в войско зачислены «выкресты из киргизов» Павел Чесноков и Василий Жибериков [16, 1888, №1].

Среди лиц, представленных к наградам за отличие в действиях против Кенесары, было много казахов. Только среди старшин, биев и султанов из отряда Бизянова (1843 г.) представлены к наградам

были 28, в том числе султаны Ахмед и Арслан Джантюрины [12, оп.6, д.5446, л.123–134].

Когда в 1847 г. казаки полковника Ерофеева отбивали нападение хивинцев на правобережье Сырдарьи (считавшееся границей), на помощь им подоспели джигиты батыра Джан-ходжи, обратив хивинцев в бегство и преследуя их на собственной территории [15, с. 89].

Отличившиеся были и в кампании 1873 года. «Уральские войсковые ведомости» отмечали, что император «соизволил пожаловать знаки отличия военного ордена 2-й степени киргизам Уральской области Иржану Чулакову и Мангышлакского приставста Глегеню Исенжанову, за оказанные ими отличия во время Хивинского похода» [16, 1878, № 1]. После награждения подопечных подполковника Головацкого, некоторые из числа награждённых вскоре умерли от ран, среди них казах Молдабай [15, с. 213].

Терскую сотню, двигавшуюся к Хиве, окружили несколько тысяч адаевцев. Лаучи бежали, но посыльные Айтмагомет и Ирджан храбро сражались плечом к плечу с казаками [15, с. 122–125].

Калнияз Туркестанов, доставляя почту, сбился с пути. Не найдя колдцов, он зарезал двух лошадей, чтобы пить их кровь. Когда надежда выжить иссякла, он, умирая от жажды, зарыл почву в песок, воткнув в него палку с шапкой, чтобы русским легче было её найти [15, с. 194].

Отряд, двигавшийся из Орска через Тургайскую область и Туркестанский округ, по словам Терентьева, повсюду встречал у казахов достойный приём: «Сами войска сознались, что успешным движением своим они обязаны усердию и заботливости киргизов, которые выставляли на всяком ночлеге даже больше кибиток, чем было назначено, сена накладывали на пол до полуаршина, а сверху застилали кошмами и отказались от платы». Казахские старшины, сопровождая отряд в пределах своих волостей, оказывали разные услуги также бесплатно. «Такое поведение людей, еще недавно волновавшихся из-за нового положения, указывает, конечно, на известную перемену в их образе мыслей», – констатирует Терентьев. Губернатор Крыжановский тогда исхлопотал личную благодарность царя населению многих аулов и награды наиболее отличившимся

лицам. Как пишет Терентьев, ««царское спасибо» разнеслось по степи, как справедливая награда народу, делившемуся и кровом, и теплом, и запасами» [15, с. 184–186].

Не любивший казахов Железнов не верил, что они могут помогать русскими бескорыстно, считая это проявлением хитрости [8, с. 98]. Но приведённые примеры позволяют усомниться в объективности его позиции.

Русские к казахам порой также проявляли добрые отношения. Например, в 1875 г. казак Давыд Карташов, проходивший службу в Средней Азии, спас двух тонущих казахских мальчиков, за что получил серебряную медаль «За спасение погибавших» на Владимирской ленте [16, 1877, № 4].

Таким образом, конфликты в казахской степи и участие в них казаков имели долгую историю. Взаимоотношения российских властей с казахской знатью складывались непросто. С течением времени менялись задачи, стоящие перед Россией в казахской степи. Сначала – охрана границы с ней. Затем – поиск опоры путём вовлечения казахской знати в российское подданство, поддержка лояльных к России ханов и султанов в борьбе с их противниками, превращение службы российскому государству в обязанность казахской знати, постепенное сужение её полномочий и привилегий, создание в казахской степи укреплений для продвижения в Среднюю Азию и т.д. Всегда находились люди, в силу разных причин (потеря статуса, зависть, неприятие новых порядков и т.п.) недовольные действиями российской власти. Их «мятежи» подавлялись при активном участии казаков, чьи командиры (зачастую не являвшиеся казаками) порой проявляли излишнюю жестокость. Но кроме тех, кто занимал непримиримую позицию, были и те, кто стремился сотрудничать с российской властью, и не только ради личной выгоды, но и следуя своим убеждениям. Поэтому представлять казахов и казаков извечными врагами (как это делают многие историки из ближнего зарубежья) несправедливо и ошибочно. Их отношения были не столь однозначны; немало свидетельств и позитивных контактов. Казахи нередко помогали казаками и их командирам искать и ловить мятежников, способствовали

освобождению их пленных, предупреждали о готовящихся нападениях. Участвовали они и в наказаниях мятежных родов, и в военных кампаниях в Средней Азии. И не только как вожаки верблюдов, но и как курьеры, и как проводники, и как разведчики. Непосредственно участвуя в боях, многие проявляли отвагу и героизм.

Кроме того, отношения казахов с другими их соседями (не русскими и не казаками) в местах контактных зон были отнюдь не безоблачны. Иногда случались конфликты, выливавшиеся в кровавые столкновения. Конфликты возникали даже между отдельными казахскими родами, порой имевшими различия в ментальности. Иными словами, в казахской степи сплелись воедино многие проблемы и противоречия, решать которые было непросто, а потому нельзя давать им упрощённую оценку.

Сегодня на постсоветском пространстве колониальная политика царской России повсеместно заслуживает осуждения, как у историков, так и у политиков. Казаки же рассматриваются как её инструмент, как основная военная сила, обеспечивавшая эту политику. В значительной мере, такой подход справедлив. Но осуждая колониализм в принципе, нельзя отрицать наличие и ряда позитивных последствий присоединения к России Казахстана и Средней Азии для их народов.

Список литературы

1. Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана / Под ред. Ж. Касымбаева. Алматы: Казахстан, 1994. 160 с.
2. Аяган Б.Г., Шаймерденова М.Д. История Казахстана. Учебник для 9 класса. Алматы: Атамура, 2013. 400 с.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), фонд № 3 («Оренбургская губернская канцелярия»).
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), фонд № 6 («Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора»).
5. Даль В.И. Уральский казак. С. 100–115 // Избранные произведения В.И. Даля. М.: Правда, 1983. 448 с.
6. Данияров К. История Казахского государства. Ч.2. Казахстан-колония России XVIII–XX вв. Алматы: Жибек жолы, 2000. 196 с.

7. Елагин А.С. Казачьи войска в Казахстане. Алматы: Казахстан, 1993. 80 с.
8. Железнов И.И. Василий Струняшев. Роман из казачьей жизни. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 211 с.
9. Иванин М.И. Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1874. 268 с.
10. Мякушин Н.Г. Секретная экспедиция уральских казаков. Уральск: Войсковая типография, 1903. 35 с.
11. Паллас П.С. Путешествия по различным провинциям российской империи. Ч.1. СПб.: Императорская академия наук, 1809. 657 с.
12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), фонд № 405 («Департамент военных поселений»).
13. Рябинин А.Д. Уральское казачье войско. Ч. 2. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1866. 108 с.
14. Сапунов Д.А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России (40-е – 90-е годы XIX века): Дисс. ... к.и.н., Челябинск, 2001. 259 с.
15. Терентьев М.А. Хивинские походы Русской Армии. М.: Вече, 2016. 464 с.
16. Уральские войсковые ведомости (газета, г. Уральск) за 1867–1897 годы.

References

1. Abdirrov M.J. *Istoriya kazachestva Kazakhstana* [History of the Cossacks of Kazakhstan]. Almaty: Kazakhstan Publ., 1994. 160 p.
2. Ayagan B.G., Shaimerdenova M.D. *Istoriya Kazakhstana* [History of Kazakhstan]. Almaty: Atamura Publ., 2013. 400 p.
3. State archive of Orenburg region, Fund no 3.
4. State archive of Orenburg region, Fund no 6.
5. Dahl V.I. *Uralskiy kazak* [Ural Cossack]. *Polnoye sobraniye sochineniy V.I. Dalya* [Selected works of V.I. Dahl]. М.: Pravda Publ., 1983: 100–115.
6. Daniyarov K. *Istoriya Kazakhskogo gosudarstva* [History of the Kazakh state]. Part 2. Almaty: Zhibek Zholy Publ., 2000. 196 p.
7. Elagin A.S. *Kazachii voiska v Kazakhstane* [Cossack troops in Kazakhstan]. Almaty: Kazakhstan Publ., 1993. 80 p.

8. Zheleznov I.I. *Vasily Strunyashev. Roman iz kazachiei zhizni* [Vasily Strugachev. Novel of Cossack life]. Saint-Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ., 1910. 211 p.
9. Ivanin M.I. *Opisaniye zimnego pohoda v Hivu v 1839–1840* [Description of a winter trek to Khiva in 1839–1840]. Saint-Petersburg: Partnership “Public benefit” Publ., 1874. 268 p.
10. Myakushin N.G. *Sekretnaya ekspediciya uralskih kazakov* [A secret expedition to the Ural Cossacks]. Oral: Voyskovaya tipografiya Publ., 1903. 35 p.
11. Pallas P.S. *Puteshestviya po razlichnym provinciyam Rossiickoi Imperii. Ch. I.* [Travel on different provinces of the Russian Empire. Part I]. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1809. 657 p.
12. Russian state military historical archive (rgvia), Fund no 6.
13. Ryabinin A.D. *Uralskoye kazachye voisko. Ch.2.* [Ural Cossack troops. Part 2]. Saint-Petersburg: E. Weimar Publ., 1866. 108 p.
14. Sapunov D.A. *Uchastiye kazachestva Urala I Sibiri v prisoyedinenii Srednei Azii k Rossii. 40-e – 90-e gg. XIX veka* [Participation of the Cossacks of the Urals and Siberia in joining Central Asia to Russia (40’s – 90-ies of the XIX century)]. Chelyabinsk, 2001. 259 p.
15. Terentiev M.A. *Khivinskie pokhody Russkoy Armii* [Khiva campaigns of the Russian Army]. Moscow: Veche Publ., 2016. 464 p.
16. *Uralskiye voiskovyie ведомosti* (newspaper, Uralsk) for years, 1867–1897.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Дубовиков Александр Маратович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Философия, история и правоведение» Поволжский государственный университет сервиса ул. Гагарина, 4, г. Тольятти, 445017, Российская Федерация alex@dubovikov@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dubovikov Alexander Maratovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of “Philosophy, history and jurisprudence” Volga Region State University of Service 4, Gagarin Str., Tolyatti, 445017, Russian Federation alex@dubovikov@yandex.ru

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

HISTORY OF FOREIGN AFFAIRS AND FOREIGN POLICY

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-26-41

УДК 9 (94)

ИСТОКИ УСТАНОВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ С КИТАЕМ

Ларченко В.Ю.

Статья посвящена актуальной в условиях современной политико-экономической реальности теме обращения к истории и истокам установления взаимосвязи между Россией и Китаем в религиозном аспекте. Статья рассматривает установление религиозного взаимодействия между Россией и Китаем в конце XVII – начале XVIII века посредством распространения православия на территории Китая и деятельности русской православной миссии, в частности первой и второй миссий. В статье подробно рассматривается закрепление православия на территории Китая, его официальное узаконение, жизнь и деятельность албазинцев, как первых православных, а также сама деятельность членов первой и второй православной миссий, их содержание и условия пребывания в Китае.

Цель – проанализировать процесс установления религиозного взаимодействия между Россией и Китаем в конце XVII – начале XVIII века посредством распространения православия на территории Китая.

Метод и методология проведения работы. Автор использует сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты. В ходе проведенного исследования установлено, что деятельность первой и второй православных миссий имело целью установление взаимоотношений между Россией и Китаем, в том числе для расширения торговли и установления выгодных дипломатических отношений, что было видно изначально из указа Петра I. При чем условия для деятельности первых членов миссии были поставлены благоприятные. Развитие образования, изучение языков, обмен культурными и религиозными ценностями явились немаловажной составляющей, реализованной членами русской православной миссии.

Область применения результатов. Материалы данного исследования могут быть использованы в образовательном процессе и в дальнейшей научно-исследовательской работе, связанной с изучением деятельности русской православной миссии в Китае.

Ключевые слова: Русская православная миссия в Китае; албазинцы; члены первых миссий.

ORIGINS OF RELIGIOUS ESTABLISHMENT OF RUSSIAN INTERACTION WITH CHINA

Larchenko V.Y.

The article is devoted to the topical in modern political-economic reality theme of the subject refer to the history and origins of the establishment of the relationship between Russia and China in the religious aspect. The article deals with the religious establishment of interaction between Russia and China at the end of XVIIth – beginning of XVIIIth centuries, through the dissemination of Orthodoxy in China and the activities of the Russian Orthodox Mission, in particular the first and second missions. The article details the consolidation of Orthodoxy in China, its official legalization, the life and work albazintsis as the first Orthodox, as well as the activities of the members of the first and sec-

and itself Orthodox missions, their content and the conditions of stay in China.

Purpose – *to analyze the process of establishing a religious interaction between Russia and China at the end of XVIIth – beginning of XVIIIth centuries, through the dissemination of Orthodoxy in China.*

Methodology. *The basic of research is the comparative historical and problem-chronological methods.*

Results. *In the course of the study it was found that the activities of the first and second Orthodox missions was aimed at the establishment of relations between Russia and China, including the expansion of trade and the establishment of favorable diplomatic relations, which was originally seen from the decree of Peter I. The development of education, language learning, exchange of cultural and religious values were an important component sold by members of the Russian Orthodox mission.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the educational process and in further research work related to the study of the activities of the Russian Orthodox Mission in China.*

Keywords: *Russian Orthodox Mission in China; albazintsis; members of the first missions.*

Православие впервые появилось в Китае в XIII веке, благодаря нескольким десяткам тысяч русских, взятых в плен монголами при нашествии на Русь. В своей работе «Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования» иеромонах Николай Адоратский (епископ Оренбургский и Уральский) отмечает знаменательный факт, что православие в этом случае «не вторгалось насильственно на Срединную империю, как то было с другими исповеданиями» [8, с. 253], а было привнесено мирно. Причем привезенные пленные были назначены монгольскими завоевателями Китая в военную службу и в последующем ассимилировались с местным населением. На протяжении следующих веков, также было проникновение православия в Китай посредством привоза военнопленных с территории России.

В 1685 году были взяты в плен китайцами русские албазинцы – русские казаки, проживающие в пограничном с Китаем остроге Албазин на спорной территории на реке Амур. При взятии острога Албазин китайские войска под предводительством «генерала Ланьтаня и католических миссионеров» [9, с. 330] насчитывали 15000 человек, 100 пушек и 50 осадных орудий. В самом же остроге «кроме пашенных людей и женщин с детьми» было 450 казаков, 3 пушки и 300 орудий [9, с. 330].

Острог был взят, 45 казаков «с несколькими женщинами и детьми» [9, с. 331] откликнулись на предложение китайского императора Канси и добровольно сдались в плен, остальным пленным – около 300 чел. [9, с. 332] – было разрешено уйти в Нерчинск. Албазинцам, тем которые сдались в плен, была предложена служба у китайского богдыхана в Пекине, на что они согласились, и привезли на территорию Китая иерея Максима. С этого года и берет свое начало официального исчисления деятельности русской православной миссии в Китае.

В Китае богдыхан предоставил албазинцам в пользование территорию в самом Пекине, дал возможность для постройки часовни, а самих русских причислил к наследному воинскому сословию. Военному сословию, как главной опоре китайского императора, предоставлялись в то время казенные квартиры, ежемесячное пособие «по 3 ланы серебра (5 с лишним русских рублей) и по 22 мешка в год рису, что составляет до 110 пудов ежегодно» [9, с. 337]. Помимо этого, подросткам из солдатских семей выплачивалась половина солдатского жалования: 1,5 ланы в месяц и часть рисового пайка [9, с. 337]. Также было рассчитано единовременное пособие: 20 рублей в случае женитьбы, 25 рублей – по случаю смерти отца или матери [9, с. 337]. Привезенные русские пленные были причислены к маньчжурской гвардии в роту Гудэи, которая именовалась «русской ротой», вероятно из-за того, что в нее входили разные беглецы из России, потомки русских пленников. Также албазинцам были назначены местные жены «из разбойничьего приказа (шньбу)» [9, с. 339].

Типаж пекинских албазинцев сильно изменился к середине XVIII века. Изнеженные таким китайским отношением, деньгами, уважением, они стали пренебрегать своим положением, не уделяли внимание образованию и воспитанию, не утруждали себя умениями в ремеслах. Вот так описывают типаж потомков русских албазинцев-казаков: «Нерасчетливый, занятый собой и своим благородством, грубый, необразованный, суеверный, вероломный, лукавый, не знавший чем избавиться от тяготивших над ним свободного времени и несносной скуки, постоянно слонявшийся по улицам, гостиницам и театрам, куривший под час опиум, пускавшийся в азартную игру и другие преступления, большой душой и телом, он скоро очутился в неоплатных долгах у столичных ростовщиков...» [9, с. 340]. Такой тип албазинца удерживался на всем протяжении истории миссии в Китае. Позднее, при расширении торговых отношений России с Китаем, албазинцы стали выполнять еще и роль толмачей или драгоманов (переводчиков, т.к. они знали китайский и русский языки). Албазинцы являлись непосредственно носителями православия на территории Китая, при чем они представлялись не как русские, а как уже ассимилировавшиеся китайцы.

Первостепенной задачей миссионерства в Китае (на первых порах отца-иерея Максима) было поддержание православных традиций среди албазинцев и других потомков пленных в Китае, проповедовавших православие (проведение богослужений и совершение приходских треб). Затем к данной категории людей присоединились и местные китайцы, желавшие приобщиться к новой вере. Отец-иерей Максим и его паства представляли образец православного послушания, хотя самих албазинцев, а порой и детей отца Максима упрекали в несоблюдении христианских догм и в «некоторых суевериях китайского язычества».

В 1696 году отцом Максимом была освящена полученная от китайского императора часовня святой Софии Премудрости Божией [3, с. 245], куда приходили албазинцы и порой китайцы, особенно слуги, «охотно посещавшие русскую церковь, которые, ста-

новья в притвор, без шапок слушали богослужение» [9, с. 346]. Первоначально при иерее из-за неимения в часовне специальных помощников обязанности чтецов и певцов, а также церковного старосты совершали сами албазинцы. За все время своего пребывания в Китае отцу Максиму так и не были присланы помощники из России, хотя он уже был стар и нуждался в приемнике. При некоторых русских торговых караванах, приходивших в Пекин, бывали и священники, но они не оставались надолго, и при этом не имели дозволения от китайского правительства совершать открытые богослужения.

Отец Максим скончался в 1711 году (но по некоторым источникам в 1712 году, точной даты его смерти нет) [9, с. 346] и до этого периода он вел свою пастырскую деятельность.

Активная же деятельность православной миссии началась в начале XVIII века, когда указом Петра I (от 18 июня 1700 года) было утверждено создание постоянной православной миссии в Пекине с утверждением в Тобольске митрополита. В указе Петра I было подчеркнуто, что членами миссии стоит выбирать «добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и монгольскому языку и грамоте научиться, и их суеверие познав, могли твердыми св. евангелия доводами многие души области темные сатанинские привести в свет познания Христа Бога нашего и тамо (в Пекин) живущих и проезжих христиан от прелести всякой идолослужения их отвадить», да и чтобы люди эти смогли привести китайский народ к «святому делу и к российского народа людям, которые по вся годы с караваны для торга и для всяких посылок погруженных ездят, учинить себя склонительных» [10, с. 462–463]. Таким образом делался определенный акцент на установление торгово-дипломатических отношений России с Китаем посредством проповедования православия в Пекине.

Петром I был назначил главой сибирского миссионерства в Тобольске в 1701 году митрополит Филофей, приехавший из «малороссии» (территория Украины). С собой он привез и нескольких лиц для будущей миссии в Китай.

Не сразу удалось установить взаимодействие на отправку данной миссии в Пекин с китайским императором. Только к концу 1712 года было получено данное согласие (причем император Канси просил, чтобы с миссией был отправлен в Китай доктор медицины) и к началу 1713 года сформирована миссия из следующих лиц:

- 1) Архимандрит Иларион Лежайский, малоросс, родом из Чернигова, воспитанник киевской духовной академии.
- 2) Священник Лаврентий.
- 3) Дьякон Филлимон [10, с. 468–469].

Помимо этого были назначены семь церковников:

- 1) Иосиф Дьяконов (умер в Пекине около 1736 года).
- 2) Никанор Ключов (умер в Пекине в 1737 году).
- 3) Петр Максимович Якутов (умер в Пекине в 1737 году).
- 4) Григорий Смагин (выехал в Россию в 1718 году).
- 5) Федор Колесников (выехал в Россию в 1717 году).
- 6) Андрей Попов (выехал в Россию в 1717 году).
- 7) Иосиф Афанасьев (выехал в Россию в 1717 году) [10, с. 468–469].

Первая православная миссия, отправленная в Пекин, была обеспечена всем необходимым: иконы, ризница, утварь, богослужебные книги, митра из Тобольской архиерейской ризницы. Помимо этого в содержание миссии были отпущены следующие денежные поощрения, которые отражают насколько значимой она была:

- 1) Архимандриту Илариону – 300 рублей.
- 2) Священнику и дьякону – по 60 рублей каждому.
- 3) Семерым человекам церковникам (певчим и служителям) – по 80 рублей.
- 4) Сороч ведер вина.
- 5) Давать, что надобно к проживанию до самой границы, на пути следования во всех монастырях членам миссии (указ от архиерея Тобольского).
- 6) Из Иркутска следовало получать ежегодно жалование: архимандриту Илариону 100 рублей в год (и 160 рублей на два

года), священнику и дьякону – по 20 рублей в год, певчим – по 10 рублей на каждого человека.

- 7) Начальнику миссии вручено 28 серебряных ложек, 6 серебряных чашек, два суконных кафтана, коричневая атласная ряса [10, с. 470–471].

В 1715 году миссия добралась до Пекина из Тобольска и была там встречена с особым почетом и вниманием. Богдыхан зачислил членов миссии в высшие сословия государства: архимандрит был удостоен чина мандарина 5-й степени, священник с дьяконом – мандаринов 7-й степени, а певчие были причислены к сословию солдат [10, с. 474]. Всем членам миссии были отведены казенные квартиры возле албазинской церкви, а также временное пособие: «архимандриту 800 лан серебра (1500 рублей), и ему же на служителей 600 лан (около 1100 рублей), священнику и дьякону по 600 лан каждому и на служителей по 400 лан, церковникам по 300 лан и на служителей по 200 лан каждому» [10, с. 474]. Помимо это, им было назначено ежемесячное жалование: священнослужителям по 4,5 ланы серебра, церковникам по 1,5 ланы и рис. Через три года членам миссии полагались еще разовые выплаты: «архимандриту по 40 лан (70 рублей), священнику и дьякону по 30 лан, церковникам по 20 лан» [10, с. 474]. Также членам миссии было предложено жениться. И миссионерам, изучившим китайский и маньчжурский языки, было предложено работать в трибунале внешних сношений для перевода грамот, полученных от российского сената, и посылавшихся в сенат китайской коллегией иностранных дел. Одним из таких переводчиков позднее стал Иосиф Дьяконов.

Китайское правительство к появлению такой миссии отнеслось благосклонно, и даже до 1858 года членам православной миссии выплачивало жалование и натуральное содержание. При этом пекинское правительство относилось к членам миссии «покровительственно и благодушно: не только не подвергало их гонениям и изгнанию, ... напротив содержало их во всяком благопризнании, без малейшего притеснения» [8, с. 257]. Данное особо

благосклонное отношение императорского двора послужило возможностью к большему развитию торговли, т.к. толмачи, драгоманы, купцы, другие приезжие часто обращались по прибытию именно к членам миссии с просьбой решить тот или иной вопрос (в качестве перевода, например, т.к. члены миссии знали китайский язык, или для того, чтобы договориться по условиям вывоза и ввоза товара).

Архимандрит Иларион устроил «правильное и стройное богослужение», чем привлек в православную церковь не только албазинцев, но и других «язычествующих» жителей Пекина. При этом архимандрит заслужил уважение и самого богдыхана, который присылал каждый месяц в миссию чиновника и тот узнавал о здоровье архимандрита и нуждах миссии. Хотя количество обращенных китайцев и не было велико.

В 1718 году в связи со смертью архимандрита Илариона (возможно из-за ревматизма), отъезда на родину трех священников в 1717 году и одного в 1718 году (которые остались в Сибири и в Китае не вернулись), был назначен начальником миссии иеромонах Иннокентий Кулчицкий. С ним в Пекин поехали в 1721 году два иеромонаха, два дьякона и несколько служителей. Но отношение китайского правительства к православной миссии в этот период несколько изменилось, усложнились отношения по ввозу и вывозу товаров в Россию. Возможной причиной этого являются действия католических миссий в Китае, в частности иезуитов, которые были ближе к китайским властям, находясь при дворе богдыхана и являясь советниками, особенно в международных делах. Часто иезуиты были на приемах и принимали иностранных послов, при этом являясь переводчиками.

Поэтому приезд новых членов миссии был официально не разрешен китайским правительством, а приезжающие члены миссии имели наставление говорить, что они приехали только для надлежащих похорон архимандрита Илариона. Но иезуиты все равно не пропустили новую миссию. Преосвященный Иннокентий Кулчицкий остался в Иркутске, в учрежденной Иркутской кафедре.

Только в 1727 году был разрешен въезд новым членам Пекинской духовной миссии. Во многом из-за изменившегося отношения китайского богдыхана к католикам. В частности, из-за смерти в 1723 году 70-летнего императора Канси и вступления на престол его четвертого сына Юнь-чжена, который был не столько благосклонен к европейцам, новым императором был осуществлен ряд проверок, которые выявили много злоупотреблений со стороны приближенных ко двору католиков. В результате этого были высланы многие из некогда приближенных ко двору лиц с территории Пекина.

В частности, членами новой миссии стали: архимандрит Антоний Платковский, священник Иоанн Филиппович Филимонов, иеродиакон Иосиф Ивановский, трое учеников. Священник Лаврентий и три псаломщика, находящиеся в Пекине еще при первой миссии и состоявшие при албазинской церкви, были оставлены на своих должностях (члены миссии постоянно менялись, но в данном случае были оставлены предыдущие священнослужители, что свидетельствует о том, что они себя хорошо зарекомендовали в период первой миссии). Так была сформирована вторая миссия в Пекин. Жалование членам второй миссии было повышено, а именно: «архимандриту 550 рублей в год и на церковные расходы 50 рублей, священнослужителям по 130 рублей» [11, с. 109]. Ученики получали по 130 рублей в год, затем эта сумма увеличилась до 200 рублей. Такой оклад жалования оставался неизменным до 1735 года. Помимо этого дополнительно было определено еще 1250 рублей архимандриту, двум священникам, трем ученикам и на церковные расходы.

Высокое жалование, особое отношение к членам миссии, в том числе правительственного двора Китая, давало привилегии членам Русской православной миссии. Отдаленность от непосредственного контроля из Тобольска дала и свободу действий, что повлекло к ухудшению работы членов миссии. Этому способствовало пьянство, воровство, различные физические и духовные болезни, коррупция. Поэтому большинство из последующих

членов миссии наложило отрицательный отпечаток на деятельность миссионерства. Но на первых порах, имея высокий статус, т.к. именно их выбрали для данной миссии, их члены старались и несли свою службу достойно. Хотя это может зависеть и от личностных качеств самих миссионеров. Возможно, этому способствовал и состав паствы, состоящий из пекинских албазинцев, имевших не самые лучшие моральные ценности в последующем, и китайских бедняков.

В последующем было совершено 20 миссий в Китай, которые продолжались до XX века.

«В глазах китайцев миссии не имели политического характера: тем не менее начальникам и членам ее часто удавалось приобретать расположение тех лиц, которые так или иначе могли иметь влияние на ход политических дел китайской империи» [8, с. 258], тем самым способствуя торговле и влияя на дипломатию между Россией и Китаем. В последующем все же православной миссии было официально разрешено являться посредницей при дипломатических и торговых отношениях России с Китаем, которые велись отдельно и самостоятельно от миссии.

При православной миссии в Китае в XVIII веке велось обучение учеников и студентов, подготавливавших их для драгоманской службы, т.е. к должности переводчика и посредника между европейскими и азиатскими странами. Здесь велось обучение их китайскому и маньчжурскому языкам. Также благодаря этому обучению из школ православной миссии вышли первые русские консулы, трудившиеся на Дальнем Востоке. При этом обучение шло и для самих китайцев. Они обучались русскому языку для последующей государственной службы, где необходимо было знание данного языка. За это обучение миссия получала от пекинского правительства хорошее жалование и награды.

Таким образом, в конце XVII – начале XVIII веков сформировалось новое направление религиозного взаимодействия на территории Китая посредством распространения православия русскими. Официально было узаконено создание Пекинской духовной мис-

сии в 1700 году указом Петра I и дано одобрение Синода. Первоначально в обязанности миссии входило только поддержание необходимых треб пленных русских – албазинцев. Но в последующем деятельность миссионерства расширилась: появилась церковь, к религии стали приобщаться и местные жители. Содержание членов миссий, в частности первой и второй, было на высоком уровне и поддерживалось китайским правительством. Членам миссии необходимо было знать китайский язык, в последующем они преподавали русский язык для китайцев. Также самими миссионерами велось в последующем обучение китайскому языку будущих русских дипломатов и переводчиков. Члены миссии могли трудиться в трибунале внешних сношений в Китае для перевода различных документов с русского языка на китайский и наоборот, полученных от российского сената, и посылавшихся в сенат китайской коллегией иностранных дел. Роль членов миссии, особенно первой, высоко ценилась, им оказывались особенные почести со стороны китайского императора, а также обеспечение членов миссии жалованием и привилегиями. При этом, осуществляя деятельность в религиозном, культурном и образовательном аспектах, члены миссии влияли и на ход дипломатических и торговых взаимоотношений между Россией и Китаем. В последующем данный статус был приобретен официально.

Список литературы

1. Барановский М. Пекинская духовная миссия // Атеист. 1930. Февраль. №49. С. 10–35.
2. Епископ Иоанн. Современное состояние православной миссии в Китае // Китайский Благовестник. 1910. Выпуск 8-й. С. 16–27.
3. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 688 с.
4. Захаренко И.А. Востоковедческое изучение трансграничных регионов России и Китая: историко-географический и картографический аспект : Электронный информационный журнал [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. №2. Проблемы востоковедения.

2013. Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_18/6256-zaharenko.html (27 сент. 2016).
5. Кое-что о русской православной Миссии на Д. Востоке // Государственный архив Российской Федерации, фонд 9452, опись 1, дело 35. 14 л.
 6. О западных вероисповеданиях / Сочинение проф. Московского ун-та протоиерея А.М. Иванцова-Платонова. М.: Издание книгопродавца А.Д. Ступина, 1894. 164 с.
 7. Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной миссии в Китае / Отв. ред. М.Н. Боголюбов, архимандрит Августин (Никитин), сост. Н.А. Самойлов. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 160 с.
 8. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования (посвящается русским синологам). Иеромонах Николай (Адоратский). I. Положение православия и православной миссии в Китае // Православный собеседник Казанской духовной академии. Казань: Типография Императорского Университета. 1887. Февраль. С. 252–266.
 9. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования (посвящается русским синологам). Иеромонах Николай (Адоратский). II. Начало амурского вопроса и история Албазина III. Православная миссия в Даурии. Положение албазинцев в Пекине. Миссионерская деятельность о.Максима // Православный собеседник Казанской духовной академии. Казань: Типография Императорского Университета. 1887. Март. С. 317–351.
 10. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования (посвящается русским синологам). Иеромонах Николай (Адоратский). IV. Заботы российского правительства об албазинцах. Организация и отправление в Пекин первой православной миссии. Деятельность ее. V. Посольства в Пекин Льва Измайлова и Саввы Владиславича в связи с вопросом о православной епископии в Китае // Православный собеседник Казанской духовной академии. Казань: Типография Императорского Университета. 1887. Апрель. С. 460–507.
 11. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования (посвящается русским синологам). Иеромонах Николай (Адоратский). VI.

- Кяхтинский трактат. Организация и отправление в Пекин второй духовной миссии. Деятельность ее // Православный собеседник Казанской духовной академии. Казань: Типография Императорского Университета. Часть вторая. 1887. С. 99–136.
12. Русская духовная миссия в Пекине [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (20 июля 2016).
13. Bigelow P. Missions and Missionaries in China / Poultney Bigelow // *The North American Review*. Vol. 171. No. 524 (Jul., 1900), pp. 26–40.
14. Liu Yu. The Complexities of a New Faith : Xu Guangqi's Acceptance of Christianity / Y. Lie // *Journal of Religious History*. Jun. 2013. Vol. 37. Issue 2, pp. 228–244.
15. Parry A. Russian (Greek Orthodox) missionaries in China, 1689–1917: their cultural, political, and economic role: дис... д-ра филос. наук / А. Ратти; пер. В. Ю. Ларченко. Chicago, Illinois, 1938. P. 140.

References

1. Baranowski M. Pekinskaya dukhovnaya missiya [Beijing spiritual mission]. *Ateist* [Religion]. №49. 1930. February, pp. 10–35.
2. Bishop John. Sovremennoe sostoyanie pravoslavnoy missii v Kitae [The current state of the Orthodox Mission in China]. *Kitayskiy Blagovestnik* [Chinese evangelist]. 1910. Issue 8th, pp. 16-27.
3. Efimov A.B. *Ocherki po istorii missionerstva Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Essays on the history of the missionary work of the Russian Orthodox Church]. Moscow: Publishing House of PSTGU, 2007. 688 p.
4. Zakharenko I.A. Vostokovedcheskoe izucheniye transgranichnykh regionov Rossii i Kitaya: istoriko-geograficheskiy i kartograficheskiy aspekt [Oriental studies of cross-border regions of Russia and China: Historical and geographical and cartographic aspect]: Electronic Information Journal [Electronic resource]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva]. №2. Oriental problems. 2013. Access: http://www.tuva.asia/journal/issue_18/6256-zaharenko.html (27 September 2016).
5. Koe-chto o russkoy pravoslavnoy Missii na D.Vostoke [Something about the Russian Orthodox mission in the Far East]. *Gosudarstvennyy*

- arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation], F. 9452, Op. 1, D. 35. P. 14.
6. *O zapadnykh veroispovedaniyakh* [Western religions] / Composition prof. Moscow University archpriest A.M. Ivantsov-Platonov. M.: 1894. 164 p.
 7. *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke: 275-letie Rossiyskoy Dухovnoy missii v Kitae* [Christianity in the Far East: the 275th anniversary of the Russian Spiritual Mission in China]. SPb.: Andreev and Sons, 1993. 160 p.
 8. Pravoslavnaya missiya v Kitae za 200 let ee sushchestvovaniya (posvyashchaetsya russkim sinologam). Ieromonakh Nikolay (Adoratskiy). I. Polozhenie pravoslaviya i pravoslavnoy missii v Kitae [The Orthodox mission in China for 200 years of its existence (dedicated to Russian Sinology). Hieromonk Nicholas (Adoratsky)]. *Pravoslavnyy sobesednik Kazanskoy dukhovnoy akademii* [Orthodox interlocutor Kazan Theological Academy]. Kazan: Printing of the Imperial University. 1887. February, pp. 252–266.
 9. Pravoslavnaya missiya v Kitae za 200 let ee sushchestvovaniya (posvyashchaetsya russkim sinologam). Ieromonakh Nikolay (Adoratskiy). II. Nachalo amurskogo voprosa i istoriya Albazina III. Pravoslavnaya missiya v Daurii. Polozhenie albazintsev v Pekine. Missionerskaya deyatelnost' o. Maksima [The Orthodox mission in China for 200 years of its existence (dedicated to Russian Sinology). Hieromonk Nicholas (Adoratsky)]. *Pravoslavnyy sobesednik Kazanskoy dukhovnoy akademii* [Orthodox interlocutor Father Maksim Kazan Theological Academy]. Kazan: Printing of the Imperial University. 1887. March, pp. 317–351.
 10. Pravoslavnaya missiya v Kitae za 200 let ee sushchestvovaniya (posvyashchaetsya russkim sinologam). Ieromonakh Nikolay (Adoratskiy). IV. Zaboty rossiyskogo pravitel'stva ob albazintsakh. Organizovanie i otpравlenie v Pekin pervoy pravoslavnoy missii. Deyatelnost' eya. V. Posol'stva v Pekin L'va Izmaylova i Savvy Vladislavicha v svyazi s voprosom o pravoslavnoy episkopii v Kitae [The Orthodox mission in China for 200 years of its existence (dedicated to Russian Sinology). Hieromonk Nicholas (Adoratsky)]. *Pravoslavnyy sobesednik Kazanskoy dukhovnoy akademii* [Orthodox interlocutor Kazan Theolog-

- ical Academy]. Kazan: Printing of the Imperial University. 1887. April, pp. 460–507.
11. Pravoslavnaya missiya v Kitae za 200 let ee sushchestvovaniya (posvyashchaetsya russkim sinologam). Ieromonakh Nikolay (Adoratskiy). VI. Kyakhtinskiy traktat. Organizovanie i otravlenie v Pekin vtoroy dukhovnoy missii. Deyatel'nost' ee [The Orthodox mission in China for 200 years of its existence (dedicated to Russian Sinology). Hieromonk Nicholas (Adoratsky)]. *Pravoslavnyy sobesednik Kazanskoy dukhovnoy akademii* [Orthodox her interlocutor Kazan Theological Academy]. Kazan: Printing of the Imperial University. Part two. 1887, pp. 99–136.
 12. *Russkaya dukhovnaya missiya v Pekine* [The Russian Spiritual Mission in Beijing]. Access: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (20 July 2016).
 13. Bigelow P. Missions and Missionaries in China. *The North American Review*. Vol. 171. No. 524 (Jul., 1900), pp. 26–40.
 14. Liu Yu. The Complexities of a New Faith : Xu Guangqi's Acceptance of Christianity. *Journal of Religious History*. Jun. 2013. Vol.37. Issue 2, pp. 228–244.
 15. Parry A. Russian (Greek Orthodox) missionaries in China, 1689–1917: their cultural, political, and economic role / A.Ratty. Chicago, Illinois, 1938. P. 140.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Ларченко Валентина Юрьевна, аспирантка

Иркутский государственный университет

*ул. Чкалова, 2, г. Иркутск, Иркутская область, 664025, Рос-
сийская Федерация*

valentiinka@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Larchenko Valentina Jurevna, Postgraduate Student

Irkutsk State University

2, Chkalov Str., Irkutsk, 664025, Russian Federation

valentiinka@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ. ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

REGIONAL AND LOCAL HISTORY. REGIONAL STUDIES THROUGH HISTORY

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-42-56

УДК 947.084.5/631

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА СТАХАНОВЦЕВ КИРОВСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ

Чемоданов П.А.

Цель. Целью статьи является анализ деятельности руководства предприятий и профсоюзных организаций Кировского региона по стимулированию труда в стахановском движении в указанный период.

Метод или методология проведения работы. Автор анализирует фактические данные с использованием историко-сравнительного, историко-типологического и статистического методов и на этой основе формулирует свою классификацию стимулов, побуждавших рабочих рассматриваемого региона становиться стахановцами.

Результаты. В конце автор приходит к выводу о преобладании материальной составляющей стимулирования стахановского труда над нематериальной, чем, по его мнению, и объясняется эффективность проводимой в этом направлении политики профсоюзных комитетов и заводских администраций.

Область применения результатов. *Статья может быть использована в научно-педагогической и учебной деятельности профессиональными историками, экономистами и социологами, а также студентами перечисленных специальностей.*

Ключевые слова: *стахановское движение; мотивация труда; нормы выработки; привилегии; индустриализация; экономический интерес.*

MAIN DIRECTIONS OF INCENTIVE STAKHANOVISTS KIROV REGION IN THE SECOND HALF OF 1930

Chemodanov P.A.

Purpose. *The purpose of the article is the analysis of the management enterprises and the trade union organizations of the Kirov region to incentive the Stakhanovite movement in the given period.*

Methodology. *The author analyzes the facts using comparative, typological and statistical methods, and on this basis formulates classification incentives, that encourage workers of the region to become Stakhanovites.*

Results. *The author comes to the conclusion that the rule of the material component incentive Stakhanovite labor over intangible than, in his opinion, explains the effectiveness of the policy trade-union committees and factory administrations carried out in this direction.*

Practical implications. *The article can be used in scientific, educational and learning activities by professional historians, economists, sociologists and students of these disciplines.*

Keywords: *the Stakhanovite movement; labor motivation; production quotas; privileges; industrialization; economic interest.*

С началом форсированной индустриализации в советской экономике обострилась проблема стимулирования труда. Причиной этого было свертывание НЭПа и ликвидация остатков рыночных отношений, а также экономические трудности времен первой

пятилетки, одним из проявлений которых стало введение в 1928 году карточной системы распределения основных продуктов питания. Все перечисленное, в сочетании с «уровниловкой» при начислении заработной платы, не позволяло повысить мотивацию работников отечественной индустрии и сельского хозяйства, без чего невозможно было успешно завершить советский модернизационный проект.

Осознавая это, высшее руководство СССР середине 1930-х годов реализовало ряд мер, направленных на повышение заинтересованности населения в результатах своего труда. Так, в 1935 году практически одновременно была проведена отмена карточной системы и начато массовое внедрение прогрессивно-сдельной системы оплаты труда в промышленности. Вместе с тем, для коренного перелома в отношении советских граждан к труду требовался толчок, каковым, в конечном счете, стало начавшееся в конце августа того же года на Донбассе стахановское движение.

Вопрос трудовой мотивации с самого начала являлся одним из центральных в нем, поскольку Москва уже осенью 1935 года стала требовать от партийных и хозяйственных руководителей на местах распространения нового движения, что, в свою очередь, заставляло их предпринимать меры, стимулирующие рабочих становиться стахановцами. Автор данной статьи ставит себе целью проанализировать основные направления такого стимулирования в стахановском движении второй половины 1930-х годов на материалах отдельного региона страны – Кировского края (области).

Все стимулы, прослеживающиеся в деятельности стахановцев Кировского региона, можно условно разделить на две больших группы: материальные и нематериальные. Согласно современным исследованиям, первый из перечисленных типов достался сталинской экономике «в наследство» от НЭПа, в рамках которого ему «отводилась ведущая роль в системе мотивации труда рабочих», а связан он был преимущественно с дифференциацией оплаты труда в зависимости от квалификации работников, производительности их труда, условий работы [23, с. 390].

Что касается роли денежных стимулов в развитии собственно стахановского движения, то ее подчеркивали уже некоторые публицисты-современники. В частности, Л.Д. Троцкий рассматривал «погоню за длинным рублем» в качестве главного условия распространения движения, однако оговаривался, что «не советские администраторы изобрели секрет сделщины», и по своей сути эта система «наиболее соответствует капиталистическому способу производства» [22, с. 46–47].

Факт материальной заинтересованности стахановцев в своих успехах изначально не замалчивался и в советском официозе, однако преподносился как соответствующее социалистическому строю явление. В частности, на первой странице номера «Кировской правды» от 16 октября 1935 года в отношении стахановского движения утверждалось: «Это движение за высокую производительность труда открывает перед рабочими дорогу к резкому улучшению материально-бытового положения. Работа Стаханова–Бусыгина – пример правильного сочетания общественных и личных интересов» [15, л. 1].

Стоит заметить, что обоснование высоких заработков стахановцев в подобном ключе встречалось и в последующей советской историографии. К примеру, в фундаментальной «Истории советской социалистической экономики» эта сторона движения преподносилась следующим образом: «В борьбе за повышение производительности труда большое значение приобрела работа по улучшению организации заработной платы в целях более полного и последовательного осуществления принципа распределения по труду» [14, с. 101]. Расшифровывая основную мысль авторов текста, можно сказать, что в рамках стахановского движения реализовывался т.н. «основной принцип социализма», кратко выражающийся фразой, приписываемой французскому мыслителю Анри Сен-Симону: «От каждого по способностям, каждому – по его труду».

Значимость денежной мотивации для стахановского движения понимали и руководители советской индустрии. В этом смысле показателен пример отечественной шелковой промышленности,

предприятия которой одними из первых перешли на прогрессивно-сдельную систему оплаты труда. Проведенный перед этим анализ практики начисления зарплаты рабочим и ИТР отрасли показал, что «действующая повременно-премиальная система является непригодной для оплаты ... работников шелковой промышленности по следующим причинам: система предусматривает незначительные премии за достижения, которые не могут создать *экономической заинтересованности* в улучшении производственного процесса». Данный тезис подтверждался конкретными цифрами. Так, инженерам за снижение себестоимости продукции на 5% предусматривалась премия в размере всего 3% к окладу [20, л. 32].

Кроме того, значимость для себя денежного фактора не отрицали и непосредственные участники стахановского движения из Кировского региона. К примеру, стахановец механического цеха №1 Воткинского машиностроительного завода токарь Н.А. Фролов в одной из бесед с корреспондентами откровенно заметил, что во время производственного процесса у него «нет никаких дум, кроме тех, чтобы как лучше поработать, побольше заработать, еще лучше устроить свой быт» [19, с. 29].

В качестве конкретных примеров денежного стимулирования стахановского труда рассмотрим уровень зарплат отдельных передовиков Кировского края (с декабря 1936 года – области) после их включения в стахановское движение. Источники свидетельствуют, что разница между доходами стахановцев и остальных рабочих на предприятиях края обозначилась уже в октябре 1935 года, т.е. в первый месяц развития стахановского движения в регионе, и сохранялась в последующие годы.

Показателен пример «зачинателей» стахановского движения на заводе «Ижсталь» – мастера молотового цеха А. Бабина и его коллеги по цеху кузнеца А.И. Блинова. Первый увеличил свой месячный заработок с 450 рублей в сентябре 1935 года до 1190 рублей в октябре, т.е. примерно в 2,6 раза [18, с. 11]. Еще больший рост заработной платы продемонстрировал А.И. Блинов: он заработал в октябре 1935 года 1371 рубль, в то время как в предыдущие месяцы

его зарплата в среднем составляла 375 рублей [21, с. 37]. Нехитрый подсчет позволяет сделать вывод, что заработок передовика возрос примерно в 3,7 раза.

Другой образец кратного увеличения доходов после включения в стахановское движение являла трудовая практика машиниста-стахановца Кировского паровозного депо по фамилии Трегубов: его заработок в сентябре 1935 года составлял 350 рублей, а в феврале 1936 года он получил месячную зарплату уже в размере 950 рублей [11, л. 480]. Таким образом, в данном случае наблюдался рост в 2,7 раза.

При этом стоит иметь в виду, что обозначенный, немалый по тем временам, уровень доходов был характерен, в первую очередь, для стахановцев тяжелой промышленности и транспорта Кировского региона. Применительно к отраслям промышленности группы «Б» размер зарплат основной массы рабочих, а, следовательно, и стахановцев (так как их заработок зависел от уровня зарплаты усредненного рабочего по отрасли), был значительно ниже. К примеру, стахановец меховой фабрики «Белка» г. Слободского В. Баталов в период после включения в движение и до декабря 1935 года в среднем зарабатывал в месяц по 300 руб. Средний же его заработок до вступления в движение составлял всего 105 рублей [5, л. 7]. Однако в данном случае стоит учитывать и тот факт, что возраст упомянутого рабочего на тот момент составлял 16 лет. Можно предположить, что небольшой «стартовый» уровень зарплаты в его случае был, не в последнюю очередь, обусловлен отсутствием трудового стажа.

Следующий момент заключался в том, что даже в рамках отдельного предприятия какой-либо отрасли доходы передовиков варьировались в зависимости от специальности. Показательной в этом смысле является статистика зарплат лучших стахановцев завода «Кировский металлист» за 1937 год. Так, формовщик И.Н. Утробин при среднегодовой производительности труда 165% получал в среднем 541 рубль в месяц. В то же время токарь Т.И. Тимин при выработке 161% в среднем зарабатывал 480 рублей, а стержневщи-

ца Н.К. Перминова, выполняя норму на 200%, получала среднемесячную зарплату в размере 294 рубля [3, л. 139].

Значимость денежного стимулирования труда передовиков проявлялась и в таком распространенном тогда явлении, как борьба с «уравниловкой» в начислении заработной платы. Всплеск этой борьбы на территории Кировского региона наблюдался в ходе комсомольского рейда «Легкой кавалерии» в поддержку стахановского движения (январь – февраль 1936 года). «Кавалеристы» выявили, к примеру, такой факт «уравниловки»: на Сарапульской швейной фабрике два рабочих, один из которых выполнял норму на 80%, а другой на 150%, получали одинаковую зарплату [4, л. 12].

Призывы покончить с «мелкобуржуазной уравниловкой» относительно зарплаты в рамках стахановского движения также присутствовали в выступлениях партийных и хозяйственных руководителей регионального уровня. К примеру, заведующий промышленным отделом крайкома ВКП (б) М.Н. Родин, выступая на краевом слете стахановцев-лесорубов 13 ноября 1936 года, отметил: «У нас получается здесь (*в лесной промышленности* – П.Ч.), что если вместе работают, делят поровну. Это, конечно, неправильно, надо всех перевести на индивидуальную сдельщину. Такая уравниловка в зарплате не дает стахановцам больше получать и больше выполнять норму» [7, л. 7].

Материальное стимулирование стахановского труда не ограничивалось высокой зарплатой. Значительна была роль нерегулярных материальных поощрений – премий, которые могли находить как денежное, так и не денежное выражение. Во втором случае премирование осуществлялось ценными, по меркам того времени, предметами и дефицитными товарами.

В источниках нашли отражение факты премирования стахановцев Кировского региона за производственные успехи. В частности, упоминаемый машинист Кировского паровозного депо Трегубов на I Кировской краевой партийной конференции (11–17 марта 1936 года) отмечал, что по итогам 1935 года ему была выдана премия в размере 3000 рублей [11, л. 480]. Другим примером подобного

поощрения стахановского труда является ситуация с передовиком лесной промышленности М.И. Буяновым. Он за осенне-зимний сезон 1938–1939 гг., применяя стахановские методы, дал результат равный 145 дневным нормам. За это участник движения был награжден премией в размере 200 рублей, а также карманными часами [9, л. 22].

Отдельным видом вознаграждения для стахановцев являлись премии за рационализаторские предложения. Со стороны партийных и комсомольских организаций также велась борьба за своевременную выдачу соответствующих вознаграждений. В ходе упоминаемого рейда «Легкой кавалерии» комсомольскими активистами «был вскрыт факт преступного халатного отношения к авторским предложениям» на комбинате учебно-технического школьного оборудования г. Кирова. Было установлено, что стахановец Созинов за несколько месяцев до этого внес рационализаторское предложение, которое через определенное время было внедрено в производство. Однако руководство цеха не удосужилось уведомить об этом передовика, а также выдать ему полагающуюся «авторскую премию» [12, л. 53].

Однако и премиями материальная заинтересованность стахановцев в результатах своего труда не исчерпывалась. В условиях советской действительности 1930-х годов не меньшее значение имели альтернативные материальные стимулы. Их характер зависел от условий конкретного предприятия, поскольку распределение имеющихся в наличии материальных благ зависело от администрации и профсоюзных комитетов.

Перейдем к конкретным примерам такого стимулирования. В частности, затрагиваемый выше передовик В. Баталов на I Кировском краевом совещании стахановцев отмечал на этот счет: «Как мне помогает дирекция? Правда, дирекция помогает хорошо. К октябрьским торжествам провели мне электричество, радио, дали ответственную карточку ходить в столовую. Эту карточку получают только директора. Дали сезонный билет ходить в клуб и сидеть на первых местах...» [5, л. 7].

Стахановцы конкретного предприятия также обладали привилегиями при распределении имеющегося в распоряжении жилищного фонда и строительстве нового жилья. К примеру, одним из направлений работы администрации завода «Кировский металлист» по поддержке стахановского движения в 1938 году было «оказание преимущества стахановцам и ударникам при предоставлении квартир», а также «помощь в подыскивании дефицитных материалов при постройке стахановцами собственных домов» [3, л. 115]. В интересующий нас период в регионе также были случаи целенаправленного строительства жилья исключительно для участников движения. К примеру, по указанию администрации уржумской лесопристанни для работающих там стахановцев к февралю 1936 года было выстроено отдельное общежитие [7, л. 69].

Еще одним направлением работы руководящего состава предприятий по развитию стахановского движения было оказание помощи стахановцам в ремонте уже полученной жилплощади, а отсутствие таковой критиковалось со стороны контролирующих органов. К примеру, в отчете промышленного отдела обкома ВКП (б) за 1937 год была отмечена «нездоровая скачкообразность» в динамике численности стахановцев на металлургическом заводе г. Кирс. В числе причин такого положения указывалась, что «ни партийный комитет, ни хозяйственное руководство не занимались конкретными вопросами организации стахановского движения», практически прекратив поощрять лучших передовиков. В качестве иллюстрации к этому утверждению приводился следующий факт: в годовом отчете о работе завода в графе «ремонт квартир стахановцев» значилась смешная сумма 60 рублей 63 копейки [8, л. 7].

Кроме того, руководители предприятий, следуя указаниям центрального и регионального начальства, стремились создавать для стахановцев комфортные условия непосредственно на производстве. Это могло выражаться, к примеру, в лучшей обеспеченности сырьем и инструментом, а также в доступе к более качественному или дешевому питанию. Так, в столовой кожевенного комбината г. Сарапула еще осенью 1935 года были введены специальные сто-

лы для стахановцев, а сами передовики получили право питаться по сниженным ценам [1, л. 23].

Оказывать преимущество стахановцам при распределении материальных благ обязаны были и профсоюзные комитеты. Стоит отметить, что Всесоюзный центральный совет профсоюзов, в сравнении с другими ведомствами союзного уровня, включился в поддержку стахановского движения с опозданием, за что неоднократно критиковался в центральной прессе в первые несколько недель после рекорда А.Г. Стаханова. Так, в номере «Правды» за 13 октября 1935 года утверждалось: «Несомненно, рекорд безразличия к стахановскому движению остается за ВЦСПС. До сих пор профсоюзы не обмолвились и словом о стахановцах, не говоря уже о помощи и руководстве движением» [18, л. 1].

Однако уже 18 октября 1935 года ВЦСПС ответил на эту критику постановлением, где содержались требования ко всем профорганизациям страны «немедленно покончить с бюрократически безразличным отношением к организации и руководству стахановским движением, оказывая всемерную помощь каждому стахановцу...». При этом Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов обязывал все нижестоящие профсоюзные организации «окружить особым почетом, вниманием и всесторонней заботой каждого стахановца, создать лучшие материально-бытовые и культурные условия жизни стахановцам и их семьям» [16, л. 1].

После этого профсоюзные организации на предприятиях Кировского региона начали проводить соответствующую линию в жизнь. Этому способствовали решения краевого совета профсоюзов. Так, 6–7 сентября 1936 года в Кирове проходило общерегиональное совещание Кировского крайсовпрофа, которое приняло постановление относительно стахановского движения, где указывалось, что «все культурно-бытовое обслуживание должно проводиться, в первую очередь, среди стахановцев». Далее в документе конкретизировались основные направления данной работы: санаторно-курортное обслуживание, культурно-массовые мероприятия и детские учреждения [2, л. 38].

Профсоюзные комитеты на конкретных предприятиях старались следовать приведенным выше указаниям. Так, в отчете о работе завода «Кировский металлист» за 1938 год подчеркивалось, что «по линии завкома стахановцы и ударники преимущественно направлялись на курорты, в дома отдыха, на лечение и т.д.» [3, л. 115].

При всем разнообразии материальных мотивов для вступления в ряды стахановцев в Кировском регионе, не менее важную роль в развитии движения играли и нематериальные стимулы. К числу таковых следует отнести, прежде всего, повышенное внимание к стахановцам со стороны руководителей разного уровня, а также различные формы прославления и популяризации их трудовой деятельности.

Распространенным проявлением внимания к передовикам со стороны руководства являлось их постоянное участие в торжественных мероприятиях. Это могли быть партийные и комсомольские отчетно-выборные конференции, профессиональные слеты и совещания и т.д. Важность такого внимания для отдельных стахановцев подтверждается их собственными высказываниями. Характерным являлось выступление стахановца Суводского лесопромышленного хозяйства (Советский район) по фамилии Попов, который на I краевом слете стахановцев-лесорубов (г. Киров, 16–18 февраля 1936 года) подчеркнул, что он, «приехавший из деревни простой мужик, считает за счастье быть делегатом на ... слете стахановцев-лесорубов вместе с краевыми руководителями» [6, л. 87].

Практика проведения стахановских слетов и совещаний на самих предприятиях Кировского региона зародилась еще осенью 1935 года и сохранялась в течение всего интересующего нас периода. В частности, на кожевенном комбинате им. Коминтерна г. Кирова только за 1937 год было проведено 5 общекомбинатовских слетов стахановцев и 198 производственных совещаний в цехах с их участием [13, л. 43].

Еще одним побудительным мотивом для продолжения стахановского труда служило прославление трудовых успехов участников движения. Таковое в интересующий нас период осуществлялась через прессу (заводские, районные и региональные газеты), а также

через «доски почета», располагающиеся непосредственно в производственных помещениях. К примеру, в отчете профсоюзного комитета кожевенного комбината им. Коминтерна г. Кирова описаны следующие мероприятия по развитию стахановского движения за октябрь 1935 года: «Проведен общекомбинатовский слет стахановцев 17 октября с[его] г[ода]... В больших портретах оформлены стахановцы в клубе и в помещении, где проходил слет... Проведена работа со стороны редакции многотиражки: индивидуальные беседы со стахановцами и передача [их] методов работы через газету» [1, л. 15].

Газеты регионального уровня, в свою очередь, вплоть до начала 1940-х годов почти в каждом номере публиковали портреты стахановцев тех или иных предприятий, сопровождаемые сообщениями об их достижениях. Кроме того, активно публиковались открытые письма передовиков, в т.ч. с жалобами на начальство, что также можно расценивать как свидетельство особого положения участников стахановского движения. В этом смысле показателен факт публикации в одном из октябрьских номеров газеты «Комсомольское племя» за 1938 год открытого письма стахановок промартели «Мебель» с жалобами на начальство за отсутствие комфортных условий проживания в общежитии [17, л. 3].

Рассмотренные выше направления стимулирования труда стахановцев дали положительный эффект в течение относительно небольшого периода времени. Так, только за полтора неполных года (сентябрь 1935 года – декабрь 1936 года) численность стахановцев достигла 40% от общего количества всех индустриальных рабочих Кировского региона [10, л. 13].

Приведенные факты позволяют выделить преобладающие направления стимулирования труда в стахановском движении Кировского региона, реализуемые местными хозяйственными руководителями и профсоюзными организациями в указанный период. Первое, и самое важное, направление было связано со стимулами материального характера: высокими зарплатами, премиями, расширенным доступом к жилью, качественному питанию и дефицитным товарам. Второе направление составляли нематериальные стимулы:

внимание со стороны партийного и хозяйственного руководства, широкое и публичное освещение трудовых успехов.

Все перечисленное позволяет сделать вывод о том, что практика стимулирования стахановского труда в Кировском крае (области) во второй половине 1930-х годов имела в своей основе личный (по большей части материальный) интерес. Именно в этом лежали корни эффективности проводимой политики, позволившей вовлечь десятки тысяч местных рабочих в орбиту стахановского движения.

Список литературы

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 495. Оп. 1. Д. 12.
2. ГАКО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 39.
3. ГАКО. Ф. 847. Оп. 1. Д. 193.
4. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. 1255. Оп. 1. Д. 45.
5. ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 599.
6. ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 306.
7. ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 307.
8. ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 285.
9. ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 181.
10. ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 111. Д. 414.
11. ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 26.
12. ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 45.
13. ГАСПИ КО. Ф. 6833. Оп. 8. Д. 32.
14. История социалистической экономики СССР в семи томах. Т.4: Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР. 1933–1937 гг. М.: Изд-во «Наука», 1976. 519 с.
15. Кировская правда. 1935. № 239.
16. Кировская правда. 1935. № 241.
17. Комсомольское племя. 1938. № 122.
18. Правда. 1935. № 283.
19. Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. Киров: Издательство «Кировской правды», 1936. 96 с.

20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7604. Оп. 8. Д. 26.
21. Стахановцы Ижстальзавода. Ижевск: УДГИЗ, 1936. 125 с.
22. Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М.: Книга по требованию, 2012. 172 с.
23. Ульянова С.Б. «То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2006. 530 с.

References

1. *Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti (GAKO)* [State Archive of the Kirov region (SAKR)]. F. 495. Op. 1. D. 12.
2. *GAKO* [SAKR]. F. 495. Op. 1. D. 39.
3. *GAKO* [SAKR]. F. 847. Op. 1. D. 193.
4. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Kirovskoj oblasti (GASPI KO)* [State Archive of Social and Political history of the Kirov region (SASPH KR)]. F. 1255. Op. 1. D. 45.
5. *GASPI KO* [SASPH KR]. F. 1255. Op. 1. D. 599.
6. *GASPI KO* [SASPH KR]. F. 1255. Op. 2. D. 306.
7. *GASPI KO* [SASPH KR]. F. 1255. Op. 2. D. 307.
8. *GASPI KO* [SASPH KR]. F. 1290. Op. 2. D. 285.
9. *GASPI KO* [SASPH KR]. F. 1290. Op. 4. D. 181.
10. *GASPI KO* [SASPH KR]. F. 1290. Op. 111. D. 414.
11. *GASPI KO* [SASPH KR]. F. 1955. Op. 1. D. 26.
12. *GASPI KO* [SASPH KR]. F. 1955. Op. 1. D. 45.
13. *GASPI KO* [SASPH KR]. F. 6833. Op. 8. D. 32.
14. *Istorija socialisticheskoj jekonomiki SSSR v semi tomah. T.4: Zavershenie socialisticheskogo preobrazovanija jekonomiki. Pobeda socializma v SSSR. 1933–1937 gg.* [The history of the socialist economy of the USSR in seven volumes. V.4: Completion of the socialist transformation of the economy. The victory of socialism in the USSR. 1933–1937]. Moscow: «Nauka» Publ., 1976. 519 p.
15. *Kirovskaja Pravda* [Kirov truth]. 1935. № 239.

16. *Kirovskaja Pravda* [Kirov truth]. 1935. № 241.
17. *Komsomol'skoe plemja* [Komsomol tribe]. 1938. № 122.
18. *Pravda* [True]. 1935. № 283.
19. *Rabotat' po-stahanovski. Stahanovcy Kirovskogo kraja* [Work as a Stakhanovites. Stakhanovists of the Kirov region]. Kirov: «Kirovskaja pravda» Publ., 1936. 96 p.
20. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki (RGAJe)* [Russian State Archive of Economy (RSAE)]. F. 7604. Op. 8. D. 26.
21. *Stahanovcy Izhstal'zavoda* [Stakhanovites of Izhstal'zavod]. Izhevsk: UDGIZ Publ., 1936. 125 p.
22. Trockij L.D. *Predannaja revoljucija: Chto takoe SSSR i kuda on idet?* [The Revolution Betrayed. What is the USSR and where is he going?]. Moscow: Kniga po trebovaniju Publ., 2012. 172 p.
23. Ul'janova S.B. «To na skaku, to na boku»: Massovyje hozjajstvenno-politicheskie kampanii v petrogradskoj/leningradskoj promyshlennosti v 1921–1928 gg [“That gallop, then on the side”: Massive economic and political campaign in the Petrograd/Leningrad industry in 1921–1928]. Saint-Petersburg.: Polytechnic University Publ., 2006. 530 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Чемоданов Павел Андреевич, аспирант кафедры Отечественной истории и этнологии
Вятский государственный университет
ул. Московская, 36, г. Киров, Кировская обл., 610000, Российская Федерация
pavelche1492@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Chemodanov Pavel Andreevich, Post-Graduate Student of the Department of National History and Ethnology
Vyatka State University
36, Moskovskaya, Kirov, Kirov region, 610000, Russian Federation
pavelche1492@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

SOCIAL PHILOSOPHY

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-57-66

УДК 101.1:316

ПРИЧИНЫ РАЗРАСТАНИЯ КОРРУПЦИИ: ПАТЕРНАЛИСТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Мухамедьярова Л.В.

Цель. В статье рассмотрены патерналистские отношения как детерминанты коррупционных явлений.

Метод или методология проведения работы. Диалектический метод к познанию социальных и общественных явлений позволил проанализировать коррупцию и патерналистские отношения как детерминанты ее проявления в современном социокультурном ландшафте, феноменологический метод способствовал установлению различий коррупционных проявлений в обществе.

Результаты. Существование патерналистских отношений опосредует распространение коррупционных явлений в обществе, что приводит к растрате государственных средств и имущества, неэффективному использованию общественных благ, подавлению предпринимательской активности, снижению качества производимых услуг и товаров, увеличению социальной дифференциации населения, подрыву демократических устоев общества, снижению авторитета и доверия к государству со стороны общества, ослаблению управленческого потенциала государственного аппарата, торможению в проведении необходимых социально-политических, социально-экономических и управленческих решений.

Область применения результатов: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и практической деятельности при рассмотрении и анализе трансформаций различных социальных отношений, происходящих в современности, в том числе с точки зрения коррупционного образа действий.

Ключевые слова: коррупция; патернализм; детерминанты коррупционного поведения.

THE REASONS FOR THE PROLIFERATION OF CORRUPTION: PATERNALISTIC RELATIONS IN THE RUSSIAN SOCIETY

Mukhamedyarova L.V.

The aim: the article describes the paternalistic relationship as determinants of corruption.

Method of work: the Dialectical method to the knowledge of the social phenomena made it possible to analyze corruption and paternalistic relations as determinants of its manifestations in the contemporary socio-cultural landscape, the phenomenological method facilitated distinction of corruption in society.

Results: the Existence of paternalistic relations in society mediates the proliferation of corruption phenomena in the society, which leads to waste of public funds and property, mismanagement of public goods, the suppression of entrepreneurial activity, reduce the quality of goods and services, increasing social differentiation of the population, undermine the democratic foundations of society, the diminution of credibility and confidence in the state from society, the weakening of the managerial capacity of the state apparatus, the inhibition of the socio-political, socio-economic and management decisions.

The scope of the results: the basic provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and practical activities in the examination and analysis of the transformations of different social

relations taking place in modern times, including from the point of view of corrupt behaviour.

Keywords: *corruption; paternalism; the determinants of corrupt behaviour.*

В современных условиях коррупционные явления стали не только неотъемлемой частью государственно-властных структур, но и распространились в самых различных сферах общественной жизни. Коррупция из деяния трансформируется в системное явление, поражающее все институты общества. Наличие дискреционной власти расширяет возможности получения различного вида благ, следовательно, коррупционные составляющие возможны при наличии любых властных полномочий. Коррупция как действие направлено не только на обогащение, но на получение поддержки от лица, обладающего доступом к общественным благам и возможностями их перераспределения. Процессы формирования и развития коррупционных явлений опосредованы совокупностью самых различных факторов, в том числе и отношениями патернализма, характерными для доиндустриального этапа развития цивилизации. Феномен патернализма, проявляющийся в большей или меньшей степени у самых различных народов и на всех уровнях общественного развития, во многом предстает существенным фактором, определяющим различные виды коррупционных действий.

В научной литературе феномен патернализма анализируется, прежде всего, политологами, социологами и экономистами. Традиции патернализма исследуют и зарубежные исследователи. В последнее время ученые стали обращать внимание на взаимную обусловленность и зависимость феномена патернализма и коррупции, прежде всего ее экономических аспектов. Так, американские ученые С. Роуз-Аккерманн, А. Крюгер, Р.Ф. Притцль и др. в своих исследованиях показали негативное влияние коррупции на эффективность национальной экономики и мировой экономической системы в целом. С. Роуз-Аккерманн, например полагает, что для понимания коррупции необходим общий экономический подход, включающий причины возникновения коррупции, виды, следствия, механизмы противодействия коррупции и т.д. [3].

Патернализм как совокупность социальных отношений продолжает сохранять существенные позиции в совокупности общественных отношений не только в России, но и в зарубежных странах. Например, граждане США продолжают демонстрировать непоколебимую веру в силу государства и власти. В России мздоимство, посулы, лихоимство, кумовство, как специфические виды коррупционных деяний, усугубляются культурными и историческими особенностями развития.

В недавнем историческом прошлом России государственный патернализм предполагал, прежде всего, проявление преданности, исполнительности и свободу действия только по указанию сверху в «рамках дозволенного». В ментальной отечественной традиции преклонение перед властью проявилось в «державности». В соответствии с ней государство воспринимается как абсолют, а его глава – как отец родной, он стоит над законом и обладает неограниченной властью, позволяющей ему казнить или миловать своих подданных. Такое восприятие сильного государства, и представление верховной власти способной решить все проблемы индивида, включая повседневные, Н.А. Бердяев называл чертой нашего национального характера [2, с. 123].

В современной действительности патерналистские отношения способствуют оформлению коррупции в виде nepотизма и фаворитизма, которые характерны и для социальных устройств западноевропейских стран. В интересах транснациональных компаний проводится откровенная протекционистская политика. Субсидии на производство сельскохозяйственных культур и продовольственной продукции достигают значительных размеров.

Традиционно под патернализмом понимаются отношения, свойственные патриархальной общине, характеризующиеся доминированием коллектива над индивидом, жесткой внутренней иерархией, немонетарными формами отношений. Основу патернализма составляет система строгой субординации, в которой нижестоящие лица надеются на проявление защиты и заботы вышестоящего лица.

Как форма социальных отношений патернализм присутствует во всей совокупности вертикальных и горизонтальных связей. Отношения «патрон–клиент» предстают естественной формой защитой

индивида в традиционном обществе. Устойчивые патерналистские отношения культивируют неформальные отношения и усиливают зависимость от благосклонности ресурсообладателя. Личная преданность, подкрепленная подарками, определяла круговую поруку окружающих. Подношение подарков воспринималось признаком проявления хорошего тона. Подчиненный получал поддержку взамен на лояльность. С расширением аппарата управленцев использование служебного положения для личных поборов с населения приобрело общепринятую норму. Ориентированность партнеров коррупционных отношений на долговременность и стабильность взаимосвязей определялись не только статусом и рангом патрона, но и величиной достижения материального вознаграждения. На уровне общественного сознания вымогательство подношений за использование служебных полномочий стало средством решения проблемы.

Патернализму присущи следующие характерные черты:

- 1) зависимость подчиненного от патрона, опосредованная дифференцированным доступом к власти и ресурсам, в условиях недостаточности ресурсов жизнеобеспечения;
- 2) направленность на обоснование подчинения с подчеркиванием заботливой роли патрона;
- 3) восприятие в качестве патрона отдельного индивида, а подчиненными – всех зависимых;
- 4) систематизация и институционализация социальных отношений, предстающих в качестве объектов управления;
- 5) реализация не только на уровне деятельности индивида, но во всем спектре социальных взаимоотношений и государства в целом [1, с. 188].

В реалиях отечественной действительности патернализм представит важнейшим социальным институтом, свойственный советским и отчасти постсоветским реалиям общественной практики. В недавнем прошлом патерналистские традиции дополнялись системой государственного патернализма, наиболее полно реализованный в социальной сфере (образование, здравоохранение, обеспечение жильем, коммунальное обслуживание и т.д.). Бесплатная медицина, образо-

вание и иные льготы воспринимались как обязанность государства, что в значительной степени способствовало формированию у граждан социального иждивенчества. В советском обществе социальная защищенность обеспечивалась полной занятостью, гарантированной выплатой минимума заработной платы, обеспечением товарами и услуг, предоставляемых бесплатно или за символическую цену. Советский патернализм адекватно отвечал ценностным ожиданиям и установкам работников по выполнению предписанных функций. Он отражал состояние неразвитости самостоятельных начал и в целом представлял собой самодостаточную сущность социальных отношений, воспринимаемых большинством населения в качестве естественных. Патернализм, по большому счету, составлял основу во взаимоотношениях индивидов как на уровне общества в целом, так и в трудовых коллективах, в частности. В совокупности трудовой занятости для большинства работников отношения патернализма создавали возможность удовлетворения лимитированных потребностей в обмен на определенную трудовую активность.

Реформационные процессы в России начала 1990-х годов способствовали пересмотру значительной частью населения патерналистской установки. За прошедшие десятилетия доля самостоятельных людей, живущих по принципу «все зависит от меня и моих близких», существенно выросла. В то же время в массовом сознании продолжает сохраняться потребность в предоставляемых государством различного рода социальных благах и льготах как само собой разумеющихся ресурсах, гарантированных властью. Социальную базу патернализма образует объективная потребность социальной защиты низкостатусных слоев населения. При сложившейся ситуации отказ от государственного патернализма практически невозможен, т. к. с неизбежностью произойдет снижение доверия к государству и властным институтам. Поэтому государственная социальная политика направлена на оказание помощи неимущим и малоимущим, инвалидам, престарелым, многодетным семьям и иным беспомощным и беззащитным представителям общества. Однако реализация государством многочисленных функций социального обслуживания обуславливает сохранение патерналистских традиций и усиление ресурсной зависи-

мости от обладателя властными полномочиями. Следствием сохранения социального патернализма предстает рост численности «слуг народа» с их многочисленными функциями, что с неизбежностью способствует усилению бюрократической коррупции. Сохранение патернализма способствует росту авторитаризма и бюрократизации в системе управления, в которой превалируют формальная сторона ведения дел и пренебрежение ее сущностью. Особым свойством бюрократизма предстает извращенное отношение к делу, творческой его сути, самое губительное – извращение гуманистической основы человеческих отношений. С ростом образовательного уровня, расширением общего кругозора у работников происходит усиление стремления к самостоятельности в труде, к активному участию в принятии решений. Однако отстраненность от процесса управления и отсутствие возможности влияния на принимаемые решения существенно снижают стремление работника к раскрытию своего творческого потенциала и вынуждают его переносить свои интересы в другие сферы жизнедеятельности. В процессе бюрократизации управления усиливается отчуждение управленцев от исполнителей. Вследствие разбухания аппарата управления возникает «дефицит доступности», который с неизбежностью создает предпосылки для должностных злоупотреблений. Незрелость гражданского общества и социальная пассивность, отчуждение населения от власти позволяет чиновнику получать «должностную ренту».

Помимо рассмотрения патернализма как совокупности социальных отношений властвования и зависимости, глубоко укоренившихся в формах убеждений и ожиданий населения, данный феномен предстает в качестве управленческой линии и достаточно полно отражает поведенческую стратегию руководства. Достаточно жесткая иерархичность системы управления и подчеркнутая дистанцированность между уровнями иерархии предстают условиями проявления патерналистских отношений.

Патернализм как процесс и результат взаимодействия по «вертикали» следует рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, это взаимоотношения руководителей и подчиненных, проявляющихся в методах контроля, принятия решений и их восприятия управляемы-

ми. На уровне обладания властными полномочиями это проявление своеобразного патернализма «сверху». С другой стороны, практика управления состоит из отношений нижестоящих работников к вышестоящим лицам, характеризующихся подчинением и восприятием принятых решений. В свою очередь, восприятие, осознание и ожидания подчиненными тех или иных действий руководства предстает патернализмом «снизу». Проявления патернализма «сверху» и «снизу» взаимосвязаны между собой, обуславливают и воспроизводят друг друга.

В перспективе, с утверждением и развитием принципов рыночного хозяйствования, либеральных ценностей, расширением границ свободы труда, патерналистские установки с неизбежностью будут снижаться. Оперирование исключительно командно-административными методами управления трудовыми коллективами, как свидетельствует практика, весьма малоэффективно. Сегодня происходит легитимация новых форм трудовой активности, значительно расширяются возможности выбора мест занятости и т. д. Неформальная сторона управления, нематериальные стимулы труда и личные связи будут вытесняться формальными, должностными и функциональными отношениями. Практика повседневного руководства постепенно освобождается от неформальных рычагов управления, все более опирается на монетарные принципы наказания и поощрения. С усилением экономической рациональности в управлении межличностные отношения принимают все более утилитарный и прагматичный характер. Постепенно размываются патриархальные основы контроля и управления, утверждаются отношения партнерства, предполагающие сотрудничество на принципах свободы и взаимного уважения, сохранения дружеских отношений между коллегами. Партнерство в деловых отношениях способствует реализации профессионализма и саморазвития личности. Уже по своему содержанию партисипативный стиль управления способствует организации социального партнерства в трудовом коллективе.

Рыночные отношения с неизбежностью будут нивелировать государственный патернализм, репродуцирующий коррупцию во властных отношениях. Действенность институтов и механизмов социального контроля, участие общественности в решении жизненно важных про-

блем, индивидуальная социальная активность позволят существенно ограничить произвол бюрократического аппарата и, соответственно, снизить остроту проявления коррупционных деяний. С утверждением партнерства между лицами наемного труда и руководством патерналистские мировосприятие и мироощущение, воспроизводящие патриархальные отношения, патерналистская ориентация работников утратят свое значение. В общественной практике «бытовая» или низовая формы коррупции, во многом опосредованные отношениями начальник – подчиненный, утратят свои мотивационные составляющие.

В самых общих чертах общественная опасность коррупции выражается в следующем:

- 1) государственная политика диктуется частными интересами лиц, находящихся у власти и способных влиять на власть в масштабах, превосходящих деятельность власти по реализации общественных интересов;
- 2) прямые потери от коррупции снижают уровень благосостояния населения, но доходы государственного бюджета, косвенно уменьшая объем производимого валового национального продукта;
- 3) коррупция расширяет теневую экономику, разрушает конкуренцию;
- 4) коррупция трансформирует рыночные отношения, дискредитируя принцип конкуренции;
- 5) вследствие нерационального расходования бюджетных средств создаются предпосылки развитию экономического кризиса;
- 6) коррупция в органах управления разлагает не только их самих, но и аппараты управления крупных корпораций. Соответственно происходит общее снижение эффективности управления.

Таким образом, следует подчеркнуть, что высокий уровень распространения коррупционных явлений приводит к растрате государственных средств и имущества, неэффективному использованию общественных благ, подавлению предпринимательской активности, снижению качества производимых услуг и товаров, снижению инвестиционной привлекательности страны, увеличению социальной дифференциации населения, подрыву демократических устоев об-

щества, снижению авторитета и доверия к государству со стороны общества, ослаблению управленческого потенциала государственно-го аппарата, торможению в проведении необходимых социально-политических, социально-экономических и управленческих решений.

Список литературы

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М.: Экономика, 2004. 620 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2008. 336 с.
3. Colazingari S., Rose-Ackerman S. Corruption in a Paternalistic Democracy: Lessons from Italy for Latin America // *Political Science Quarterly*, 1998, no 3, 113 p.

References

1. Abercrombie N., Hill S., Turner B. S., *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological dictionary]. Moscow: Economics, 2004. 620 p.
2. Berdyayev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Eksmo, 2008. 336 p.
3. Colazingari S., Rose-Ackerman S. Corruption in a Paternalistic Democracy: Lessons from Italy for Latin America. *Political Science Quarterly*, no 3, (1998): 113 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мухамедьярова Лэйсян Венировна, старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки
Уфимский юридический институт МВД России
ул. Муксинова, 2, Уфа, Респ. Башкортостан, 450103, Российская Федерация
www.mzi-02@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Mukhamedyarova Leysyan Venirovna, Senior Lecturer
Ufa Law Institute of the Russian Interior Ministry
2, Muksinova Str., Ufa, Bashkortostan, 450103, Russian Federation
www.mzi-02@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-67-76

УДК 101.1:316

ИЗМЕНЕНИЯ СЕМЕЙНО-ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИЕТАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Сазонова П.В.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать процесс и результаты социальных трансформаций современных обществ с точки зрения изменения семейно-гендерных отношений и определить социокультурную, экономическую и демографическую направленность этих изменений.

Методология проведения исследования. Методологическим основанием статьи является междисциплинарный подход, основанный на социально-философских интенциях объединения социологической, экономической, политической, демографической отраслей знания, работающих в русле обсуждения заявленной проблематики.

Результаты. В статье содержится авторская рефлексия по поводу процесса трансформации современных обществ с позиций семейно-гендерных отношений, на основании которой формулируются рекомендации по использованию результатов социальных трансформаций в пределах властных компетенций.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в сфере социально-политического проектирования с целью повышения эффективности комплекса социально-политических мер, направленных на поддержку семьи в современной России.

Ключевые слова: общество; социальные трансформации; гендер; семья; родительство; дискурс; семейная политика.

**SOCIETAL TRANSFORMATIONS OF MODERN SOCIETIES:
CASES OF FAMILY AND GENDER RELATIONS**

Sazonova P.V.

***Purpose** of the research is to analyze the process and the results of the societal transformation of modern societies in terms of changes in family and gender relations, and to determine the socio-cultural, economic, and demographic nature of these changes.*

***Methodology.** The methodological foundations of the research is an interdisciplinary approach based on socio-philosophical intentions combining sociological, economic, political, and demographic approaches to the discussed issue.*

***Results.** The research contains the author's reflection on the process of transformation of modern societies from the standpoint of family and gender relations, which allows the author to propose recommendations for the authorities on the implementations of the outcome of societal transformations within power discourse.*

***Practical implications.** The results of the study can be used in the field of socio-political engineering to improve the efficiency of social and political measures aimed at supporting the family in contemporary Russian society.*

***Keywords:** society; societal transformations; gender; family; parenting; discourse; family policy.*

Сегодня повсеместно в развитом мире трансформации общественных структур и процессов отмечаются динамикой и всеохватностью, и каждое общество пытается решать задачи адаптации к быстро меняющимся экономическим, социальным и демографическим реалиям в целях предупреждения возможных рисков и напряжений. В последние годы в социальных исследованиях на первый план выходит анализ общественных процессов с точки зрения логики и перспектив глобализации. Немецкий исследовательский коллектив во главе с В. Цапфом обращает вни-

мание на новый характер современных модернизационных процессов, когда уже индустриализированные и урбанизированные общества предпринимают попытки «удержать, сохранить развитие и совладать с новыми вызовами путем инноваций и реформ» [4, с. 20]. Сегодня все страны оказались вовлеченными в гонку за лидерством, в которой впереди идущие пытаются сохранить и увеличить преимущество путем наращивания научно-технического и человеческого потенциала, в то время как все более сложной задачей стран второго эшелона становится стимулирование форсированного рывка посредством адекватных и согласованных реакций на природные, политические, экономические, и социальные вызовы.

Вступление мира в эру глобального развития породило новые формы неравенств. Информатизация и компьютеризация общественных процессов является одним из ключевых аспектов формирования постиндустриального, информационного, или знаниевого общества. Информационные технологии, проникая во все сферы общественной жизни, трансформируют структуру и содержание общественных отношений во всех социальных масштабах – от становления макросоциальных концепций цифровой демократии и информационной экономики до трансформации паттернов дружбы и любви в пространстве социальных сетей.

В микросоциальной перспективе исследователи акцентируют внимание на глобальных изменениях связности жизненного цикла и изменениях траекторий перехода личности к взрослости. Этот процесс существенным образом растягивается во времени из-за роста временных затрат на образование и распространения практики контроля репродуктивности, становится все более варибельным и зависимым от различных социально-демографических факторов: класса, этничности, места проживания и пр. [3, с. 152]. В результате в поколенческих общественных структурах выделяется особая группа молодых взрослых индивидов, обладающих существенным объемом экономических и социокультурных ресурсов, которые позволяют им управлять собственными биографическими

процессами, параллельно предъявляя высокие требования к внешней среде [5]. Они имеют высшее образование, ориентированы на профессиональную самореализацию и карьеру, отдают предпочтение мобильности и личной свободе взамен долгосрочным трудовым обязательствам и стабильности.

Рост важности качественного образования и карьеры для женщин как потребностей более высоких порядков приводит к изменению комплекса социальных норм поведения, в том числе брачного и репродуктивного. За последние 30 лет в развитых странах среднее количество детей в семье сократилось с 2.9 до 1.6 ребенка; средний возраст первого рождения у женщины увеличился на 5 лет [19, с. 15]. При этом, низкая и поздняя фертильность в большей степени является атрибутом высокообразованных женщин среднего класса. Материнство для таких женщин становится все более рискованным проектом, потому что сопряжено с двумя типами издержек: прямыми финансовыми потерями вследствие прерванной занятости, а также снижением объема человеческого капитала из-за потери квалификации.

Новую категорию гендерного неравенства обнаруживает германский социолог К. Юрчук, обращаясь к теме взаимоотношений современных индивидов со временем. Возросшая фрагментация общественных пространств и дерегуляция ранее устойчивых жизненных циклов (образовательного, брачно-семейного, досугового и проч.) стали предпосылками формирования круглосуточного общества, в котором возможность и умение управлять собственным временем становится обязательным условием качества жизни [11, с. 291; 13]. Количественные исследования паттернов мобильности работающих мужчин и женщин также свидетельствуют, что женщины, будучи «привязанными» к семье, месту ее проживания и образования детей, оказываются стесненными в выборе занятости с точки зрения связанной с ней свободы передвижения [16].

Следствием индивидуализации современного общества [6] становятся повсеместные тенденции деинституционализации и

модернизации семейных отношений, появление новых форм брака и семьи [7]. Зарегистрированный семейный союз перестает быть единственно легитимным институтом с правом контроля над сексуальностью и деторождением, а также единственной сферой самореализации и идентификации женщин; партнерство и деторождение отдаляются друг от друга и образуют отдельные институты. Европейская социология предлагает понятие постсемьи как новой, более гибкой формы брачно-репродуктивного и интимного поведения, которая основывается на договоре между партнерами и требует постоянных переговоров и работы над собой [8]. Структура семьи становится все более сложной и обширной, зачастую включая в себя не только непосредственно родственные связи, но также друзей, знакомых, наемных работников. В рамках подобных, расширенных внутрисемейных сетей, циркулируют разнообразные типы поддержки и ресурсообмена, которые дополняют либо компенсируют неэффективные государственные и социальные институты, а их новые конфигурации все чаще выходят за пределы кровного и брачного родства и формируют отличные от традиционных паттерны заботы и ухода. Современная семья, таким образом, становится динамичным компонентом общества, реагирующим и отражающим социальные, культурные и политические изменения.

Трансформации института семьи приводят к возникновению новых контекстов и социальных вызовов, требующих реакции со стороны академического и властного дискурсов. Рост числа разводов, повторных браков и внебрачных рождений существенным образом усложняют социальную ткань, в которую оказываются вплетены новые идентичности и формы межличностных взаимодействий (например, совместное проживание детей от разных браков, дублированное отцовство в случае повторного брака матери). Одним из результатов трансформации семьи стало появление мультилокального родительства [15, с. 16; 18], которое трансформирует повседневные практики ребенка и оказывает противоречивое влияние на процессы взросления, воспитания и учебы.

Жизнь ребенка на два дома требует психологических усилий по адаптации к нормам и правилам жизни разных семей, затрудняет процессы учебы и ограничивает в выборе видов активности: например, делает невозможным участие в ежедневных тренировках спортивной команды [15, с. 18; 17].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, академические дебаты по поводу трансформаций семьи и родительства поляризованы. Есть исследователи, которые трактуют социальные перемены как распространение ценностей эгоистического индивидуализма, карьеризма и потребительства, девальвацию родительского участия и заботы, утрату взаимных обязательств членов семьи по отношению друг к другу [1]. Другие социальные теоретики, в противовес, трактуют современные тенденции в оптимистической перспективе, видя в них тенденцию к формированию более свободных и равноправных биографических проектов [7; 8].

Во-вторых, на смену косным, в структурном и ценностном планах, взаимоотношениям между поколениями приходят новые многообразные формы современного рефлексивного родительства, требующего личностной зрелости, осознанности и самостоятельности. Идентичность хорошей матери теперь не требует принесения себя в жертву интересам детей, но, напротив, предполагает высокий уровень образования, профессиональную занятость и даже карьерные успехи как условие аккумуляции большего объема экономического и социокультурного капитала для последующей его инвестиции в детей [19]. В современных концепциях семьи артикулируется новый тип ответственного, вовлеченного отцовства, которое интенсивно, содержательно и приобретает черты важного жизненного проекта [2, с. 84]. Быть хорошим отцом означает не только быть добытчиком, но также и стремление быть рядом для своих детей: проводить с ними содержательно полезное время, принимать более полное участие во всех видах родительских практик.

Таким образом, важность системного анализа современного общества последовательно артикулирована в академическом дискурсе. Масштабное международное исследование обнаружило, что степень влияния негативных и позитивных эффектов глобализации на жизнь общества зависит от того, какую направленность принимает социально-экономическая и семейная политика государства [13, с. 5], а ряд межстрановых компаративистских исследований демонстрируют влияние семейной политики на гендерные паттерны трудового участия [12; 14]. Возникновение социальной идентичности *работающей матери* сформулировало запрос на разработку и реализацию отдельного направления социальной политики, ориентированного на устранение барьеров и создание условий для оптимального совмещения профессиональных, семейных и родительских ролей. Заметим, что именно в тех странах, где государство предпринимает усилия по имплементации гендерно сбалансированной модели семейной политики, описанные выше паттерны родительства получают наибольшее распространение. Делается вывод, что семейная политика должна отражать динамику социетальных трансформаций и при этом на идеологическом уровне быть основана на принципах признания многообразия общества с точки зрения конфигураций биографического пути, ценностных ориентиров и семейно-репродуктивных образцов.

Список литературы

1. Лексин В.Н. Государственная семейная политика и обычная русская семья // *Общественные науки и современность*. 2010. №2. С. 57–69.
2. Рождественская Е.Ю. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // *Социологический журнал*. 2010. №3. С. 75–89.
3. Солодников В.В. Глобальные демографические и институциональные изменения семьи // *Социологические исследования*. 2014. №7. С. 152–154.
4. Цапф В., Хабах Р., Бульман Т. Германия: трансформация через объединение // *Социологические исследования*. 2002. №5. С. 19–37.

5. Чернова Ж.В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 288 с.
6. Bauman Z. Liquid modernity. London: John Wiley & Sons, 2013.
7. Beck U., Beck-Gernsheim E. Families in a runaway world // The Blackwell companion to the sociology of families, 2004, pp. 499–514.
8. Giddens A. The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies. London: John Wiley & Sons, 2013.
9. Jensen A.M. Mobile children: Small captives of large structures? // Children & Society, 2009, vol.23, no 2, pp. 123–135.
10. Jurczyk K. Entgrenzte Arbeit, entgrenzte Familie: Grenzmanagement im Alltag als neue Herausforderung. Berlin: edition sigma, 2009.
11. Jurczyk K. Time in Women's Everyday Lives Between Self-Determination and Conflicting Demands // Time & Society, 1998, no 2–3, pp. 283–308.
12. Kenworthy L. Jobs with Equality. Oxford: Oxford University Press, 2008.
13. Lange A., Jurczyk K. The Globalized Family // DJI-Bulletin, 2010, pp. 4–6.
14. Pettit B., Hook J.L. Gendered Tradeoffs: Women, Family, and Workplace Inequality in Twenty-One Countries. New York: Russell Sage Foundation, 2009.
15. Schier M., Proske A. One Child, Two Homes // DJI-Bulletin, 2010, pp. 16–19.
16. Schneider N.F., Ruppenthal S., Lück D. Beruf, Mobilität und Familie // Zukunft der Familie. Prognosen und Szenarien. Opladen, 2009. S. 111–136.
17. Tazi-Preve M.I. Politik zu Vaterschaft // SWS-Rundschau, 2009, vol. 49, no 4, s. 491–511.
18. Walper S. Separation can be a salvation for the children // DJI-Bulletin, 2010, pp. 14–16.
19. Williams F. Rethinking families. London: Calouste Gulbenkian Foundation, 2004.

References

1. Leksin V.N. Gosudarstvennaja semejnjaja politika i obychnaja russkaja sem'ja [The state family policy and an ordinary Russian family]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no 2 (2010): 57–69.
2. Rozhdestvenskaya E.U. Otcovstvo: liberal'nyj trend ot otca k pape? [Fatherhood: the liberal trend from father to daddy?]. *Sociologičeskij žurnal*, no 3 (2010): 75–89.
3. Solodnikov V.V. Global'nye demograficheskie i institucional'nye izmenenija sem'i [Global demographic and institutional changes in the family]. *Sociologičeskie issledovanija*, no 7 (2014): 152–154.
4. Zapf W., Habich R., Buhlman T. Germanija: transformacija cherez ob'edinenie [Germany: the transformation through the unification]. *Sociologičeskie issledovanija*, no 5 (2002): 19–37.
5. Chernova Z.V. *Sem'ja kak političeskij vopros: gosudarstvennyj proekt i praktiki privatnosti* [The family as a political issue: the state project and privacy practices]. St.Petersburg, European University Press, 2013. 288 p.
6. Bauman Z. *Liquid modernity*. London: John Wiley & Sons, 2013.
7. Beck U., Beck-Gernsheim E. Families in a runaway world. *The Blackwell companion to the sociology of families*, 2004: 499–514.
8. Giddens A. *The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies*. London: John Wiley & Sons, 2013.
9. Jensen A.M. Mobile children: Small captives of large structures? *Children & Society*, vol.23, no 2 (2009): 123–135.
10. Jurczyk K. *Entgrenzte Arbeit, entgrenzte Familie: Grenzmanagement im Alltag als neue Herausforderung*. Berlin: edition sigma, 2009.
11. Jurczyk K. Time in Women's Everyday Lives Between Self-Determination and Conflicting Demands. *Time & Society*, no 2-3 (1998): 283–308.
12. Kenworthy L. *Jobs with Equality*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
13. Lange A., Jurczyk K. The Globalized Family. *DJI-Bulletin*, 2010: 4–6.
14. Pettit B., Hook J.L. *Gendered Tradeoffs: Women, Family, and Workplace Inequality in Twenty-One Countries*. New York: Russell Sage Foundation, 2009.

15. Schier M., Proske A. One Child, Two Homes. *DJI-Bulletin*, 2010: 16–19.
16. Schneider N.F., Ruppenthal S., Lück D. Beruf, Mobilität und Familie. *Zukunft der Familie. Prognosen und Szenarien*. Opladen, 2009: 111–136.
17. Tazi-Preve M.I. Politik zu Vaterschaft. *SWS-Rundschau*, vol. 49, no 4 (2009): 491–511.
18. Walper S. Separation can be a salvation for the children. *DJI-Bulletin*, 2010: 14–16.
19. Williams F. *Rethinking families*. London: Calouste Gulbenkian Foundation, 2004.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Сазонова Полина Владимировна, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, аспирант; PhD-студент

Томский государственный университет; Франкфуртский университет имени Вольфганга Гёте

пр. Ленина, 36, г. Томск, Томская область, 634050, Российская Федерация; пл. Теодора Адорно, 6, г. Франкфурт-на-Майне, 60323, Германия

lukinapv@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sazonova Polina Vladimirovna, Senior Lecturer, Department of State and Municipal Management, Postgraduate Student; PhD-student
Tomsk State University; Johann Wolfgang Goethe University Frankfurt am Main

36, Lenina ave. 36, Tomsk, 634050, Russian Federation; Theodor-W.-Adorno Platz 6, Frankfurt am Main, 60323, Germany

lukinapv@rambler.ru

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЫ. ЭТИКА И ЭСТЕТИКА

PHILOSOPHY OF RELIGION AND CULTURE. ETHICS AND AESTHETICS

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-77-87

УДК 117+247.5+7.01

ЭНТЕЛЕХИЯ ИКОНОПИСНОГО ОБРАЗА ЮРОДИВОГО

Туминская О.А.

Цель. *Статья посвящена изучению взаимоотношению образа юродивого во Христе и его иконописного отражения. Энтелехия в данном ракурсе рассматривается как эволюционная форма, особый раздел бытия Образа. Актуальность исследования данной проблемы раскрывается в неугасающем интересе современной политической и культурной общественности к юродскому эпатажу. Предметом анализа выступает эволюция христианской иконографии. Энтелехия – основной инструмент методологического анализа поставленной проблемы. Автор ставит целью раскрыть корреляционную связь энтелехии юродства и энтелехии иконописного образа юродивого.*

Метод или методология проведения работы. *В статье применены методы корреляционных связей, историко-искусствоведческой реконструкции и герменевтики.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что автор призывает различать явление юродства и явление иконописания юродивых. Вместе с тем автор настаивает на правильности применения термина энтелехии относительно иконогра-*

фии юродства, а не иконописания. Иконопись образа юродивого во Христе появилась не ранее XVI в. в России, а термин «иконография юродства» может быть применен к искусству первых веков существования христианства. Высказывается предположение, что энтелехия как метод метафизического развития человеческого духа обладает той уникальной созидательной потенцией, которая устойчиво формирует новые корреляционные связи явления юродства, его проявления в жизни современного общества и его отражения в искусстве.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в курсах по истории философии, искусствоведению и культурологии.

Ключевые слова: энтелехия; юродство во Христе; иконописание юродивого; раннехристианская иконография; типы иконы.

ENTELECHIES ICON IMAGE A HOLY FOOL

Touminskaya O.A.

Purpose. The article is devoted to the «entelechy» concepts for the study of the evolution of the iconography of the image of the holy fool in Christ. The relevance of the study of the problem is revealed in the undying interest in contemporary political and cultural community to shocking. The subject of the analysis of the evolution in favor of Christian iconography. Entelechy – the main tool of methodological analysis of the problem. The author aims to reveal correlations category entelechy entelechy foolishness and iconographic image of the holy fool.

Methodology. The paper used the methods of correlations, Art and Historical Reconstruction and hermeneutics.

Results. The results concluded that the author calls to distinguish between the phenomenon and the phenomenon of foolishness iconography fools. However iconography, the author insists on the correct application of the term entelechy relatively iconography of foolishness and not icon painting. Iconography of the image of the holy fool in

Christ there was not before the XVI century. in Russia, and the term “the iconography of foolishness” can be applied to the art of the first centuries of Christianity. It is suggested that as a method of metaphysical entelechy of the human spirit has the unique creative potency, which steadily creates new correlations phenomenon foolishness, its manifestation in the life of modern society and its reflection in art.

Application results. *Results of the study can be used in courses on the history of philosophy, art and culture.*

Keywords: *entelechy; foolishness in Christ; God’s fool iconography; early Christian iconography; the philosophy of the spirit.*

Введение

В настоящей статье анализируются алогичные (на первый взгляд) корреляционные связи: энтелехия иконографии христианства и иконописный образ юродивого. Возникшие в разное время и в разных исторических условиях эти два явления близки тем, что выполнили одинаковую функцию – ораторско-пропагандистскую и духовно-агагическую. Существовала и третья, менее заметная для большинства верующих – ранжирование по глубине веры, по истинности исполнения церковных обрядов и воспитания в себе истинной любви к Богу через наблюдение за поведением юродивого.

Цель – раскрытие корреляционной связи энтелехии юродства и энтелехии иконописного образа юродивого.

Материалы исследования

Философская категория существования материи обозначает несколько возможностей форм ее бытийной экзистенции. В каждом из них метафизическое двигательное начало является и зарядом, и конечной фазой определенного витка материи. Метафизическое начало в осмыслении энтелехии искусства (в частности – раннехристианского искусства) является одновременно и завершенной фазой процесса создания системы христианских символов (причем качественно новой системы) на раннем этапе объединения разрозненных общин верующих и потенцией для будущего развития. Со-

вершенствование иконографии христианских символов переросло в иконописание, которое еще не возникло в античную эпоху. Но именно в то время зерно цветовосприятия символов в процессе ритуального действия было посеяно и взошло в эпоху Раннего Возрождения в фресковой живописи Западной Европы и расцвело в русском иконописании Позднего Средневековья.

«Энергия», по Аристотелю, есть процесс реализации возможного, деятельность, акт; «энтелехия» – завершение этой деятельности, то конечное состояние, к которому она приводит [15, с. 20–27]. В энергии на первый план выступает осуществление возможности, переход ее в действительность, а в энтелехии – полное исчерпание возможности, доведение дела до конца. Таким образом, энтелехия выступает как реализация того, что имелось в потенции, а базисной структурой, которая разворачивает из себя описание онтологической реальности, можно считать упорядоченную триаду: возможность (потенция) – энергия – энтелехия. «Дело – цель, а деятельность – дело, почему и «деятельность» (*energeia*) производна от «дела» (*ergon*) и нацелена на «осуществленность» (*entelecheia*)» [2, с. 20–25].

Примечательно для раскрываемой темы наблюдение А.И. Гончарова об энтелехии иконописи первых веков существования христианства: «Иконопись уже при возникновении несла в себе энтелехию юродства» [4, с. 93]. Согласимся с заявленным тезисом в том, что христианская изобразительная символика выросла из политеистической культуры и поэтому совершенно закономерно использовала знаки, символы и смыслы, свойственные предыдущей эпохе, но превращая их в свои монотеистические обозначения. В этом замечании нет противоречия. Новое вырастает на почве старого, процесс смены исторических эпох или художественных стилей происходит за счет накопленного потенциала в предыдущем времени и зародившегося внутри этой массы новой движущей силы. В разряде первичного предъявления, а затем путем постепенного усложнения изобразительных символов организация первых христиан пыталась привлечь на свою сторону язычников. Несоответствие между задачами изображения, выражения божественного, идеального формами земными, чувственными, изобразительными находит compro-

мисс на пути выражения идеи в аллегории и символике [5, с. 27; 11, с. 47–50]. Изобразительные знаки в разных вариациях дополняют и расширяют смысл устной проповеди, которая несла главнейшую пропагандистскую функцию. Притчи и символы были непонятны основной массе язычников, поэтому необходимо было вести разъяснительную работу путем слухового и визуального воздействия. Апологеты новой религии в вопросах просвещения паствы прежде всего обращаются к составлению синаксарей, миней, а также обращаются к иконе. Изобразительная сторона восточного христианства в момент перехода от политеизма к монотеизму новоизбранным неведома, еще должно пройти время, чтобы видимые знаки и символы дошли до сознания публики, осмыслились ими и были приняты как доказательство новой религии. На этот процесс уходили годы. Можно сказать, что иконопись как художественное ремесло, включающее в себя технические и художественные моменты, складывается ко времени Вселенских Соборов, к VII–VIII вв. Выполненное по правилам, постепенное приготовление поверхности для иконописи – ковчежение, составление красок, нанесение графьи, левкашание, послойное нанесение Образа до момента освящения иконы в церкви – это и есть самодостаточная, полная и автономная система жизнеспособности существования иконного Образа. Энтелехия иконописи заключается в гармонии материального и идеального в ней. С переводом иконы в другой материал (масляные краски) или с несоблюдением каких-либо технических условий ее написания целостность создания а, затем, и узнавания Образа нарушается и система не может жизнедействовать. Энтелехия, по определению А.Ф. Лосева – это обязательное соединение материи и формы. Следовательно, материя и форма в иконописном производстве соединены гармонично и целостно, являя собой пример энтелехийности. Более того, А.Ф. Лосев, основываясь на определениях эстетики Аристотеля, выделяет важнейший принцип познания «прекрасного и благого», что, несомненно, относится к восприятию иконописного Образа. В сочинении А.Ф. Лосева сказано: «Прекрасно то, что доставляет бескорыстие и созерцательное удовольствие, будучи морально высоким» [7, с. 183]. Символы христианской ре-

лигии, вписанные в общий колорит иконы, нужны не только для узнавания, но и для любования, для возвышения к Истине, ибо созерцание Образа ведет к работе ума и души, а, следовательно, выполняют эстетическое и анагогическое воздействие. «Христианство брало знаки, символы и смыслы из политеистической культуры, трансформировало их, превращая в свои символы и смыслы, не раскрывая, не декодируя их для язычников, провоцируя насмешки, клевету и гонения со стороны тех, кто не желает понимать и рассуждать...» [4, с. 93]. В следствие предложенного объяснения, можем утвердительно сказать, что именно иконографию имел ввиду А.И. Гончаров, высказывая мысль о переводе иконографических символов язычества в область иконографии монотеистического сознания. Таким образом, речь идет об энтелехии *иконописи*, а не иконографии. На основании тезиса об энтелехии юродства в иконописи и ее взаимосвязи с юродской иконографией, выполненной в технике иконописания, утверждаем, что образ юродивого во Христе является одной из самых значительных вершин христианского изобразительного искусства, ибо он полон, самостоятелен и совершен. Средневековая культура представляет собой гипертекст, стержнем которого является христианское вероучение. Изложенное в книжности, оно обуславливало характер визуальных видов искусства и формировало письменную и устную культуру.

Иконография юродивых сложилась на основе агиографических текстов о них и канонических изображений наиболее почитаемых святых, содержащихся в иконописных подлинниках [16; 17]. В круг нашего интереса входит корпус византийской агиографической литературы о восточных салёсах, русской житийной литературы о русских юродивых Христа ради и примыкающий к агиографии жанр «душеполезных историй» [6, с. 272–283]. Главной источниковедческой базой является своеобразный, но малоизученный пласт русского искусства – иконы (памятники церковного искусства) с изображением юродивых русского православия. Также материал для искусствоведческого анализа собран в результате так называемых полевых исследований.

На русской почве иконопись юродивых связана с распространением самого явления юродства Христа ради и приходится на следующее время: начало (конец XIV–XV вв.), подъем (XVI–XVII вв.) и нивелирование (XVIII–XIX вв.). Потенция самого явления перешла в форму его художественного отражения. Во времена Римской империи это были тайные знаки последователей ессеев [11, с. 35, 73], в русском Средневековье – это иконопись.

Первые иконы о юродивых приходятся на середину – вторую половину XV в.: «Одигитрия Смоленская», «Ростовские чудотворцы с Исидором и Максимом блаженным на полях», «Прокопий Устюжский» (вторая половина XV в.) [12, с. 210]. Надо учесть, что стимулом для появления икон с образами юродивых стала практика Соборной канонизации митрополита Макария 1547–1549 гг. Ранее середины XV в. образы юродивых в иконописи появиться не могли. Московские Соборы сосредоточили и художественные силы вокруг своего города. Изначально преобладали иконы местного письма, затем, после прославления, могли главенствовать произведения центральной школы Москвы и близлежащих земель. Соборы 1666–1667 гг. выявили «лжеюродивых». Е. Анисимов указывает, что «церковная власть времен Петра I преследовала лже-юродивых (ханжей), которых предписывалось помещать в монастыри “с употреблением их в труд до конца жизни”. Елизавета Петровна Указом 1732 г. воспрещала “впускать юродивых в кощунных одеждах в церкви”, где они кричали, пели и делали разные бесчинства во время богослужения, единственно из корыстного желания обратить на себя внимание богомольцев» [1].

Результаты исследования

Византийское юродство перешло в юродство во Христе, признанное в православной Руси. Энтелехия явления юродства в форме византийского социума изжила себя, но дала энергию для развития православного юродства в форме религиозного аскетизма. Юродство можно назвать лишь формой служения Господу, это крайняя аскеза, которая не возводится в образец для послушания. Завершив

свой исторический путь, юродство возродилось в иконописании. Реестр образов юродивых выделен в определенную типологию [14].

Типы икон с образами юродивых являют собой определенную стадию энтелехии иконописания святых: персональные [9, с. 125], парные [16, с. 180], в предстоянии [17, с. 141], минейные [10, с. 172–173], палеосные [10, с. 172–173], пядничные [8, с. 77–88] и др. Следующая стадия художественного воплощения этих аскетов переходит в примеры академической живописи (В. И. Суриков, В.Г. Перов, А.И. Каменев) и в иконопись позднего времени [13, с. 233–250], тесно связанную с академической традицией [3, с. 232]. Для реалистического этапа изобразительного искусства в России равнение на юродское несогласие стало признаком нон-конформизма, явившись гранью культурно-политического перфоменса, формой протеста против идеологии социалистического лагеря.

В настоящее время такого юродства, которое было приближено к византийско-древнерусскому образцу, не существует. Следовательно, само явление, пройдя все фазы своего исторического развития, приблизилось к финалу. Но можно предположить, что посредством сохранения и поклонения мощам этих святых и через их иконописные образы фаза угасания не исчерпала себя, а продлилась. Произошел своеобразный процесс стагнации. Иконописные образы юродивых – продолжение этого явления, но в иной форме.

Заключение

В результате анализа рассматриваемой проблемы очевиден вывод. Самодостаточность, свойственная энтелехии, пронизывает как явление юродства, которое уже не повторится в своем первичном виде, характерном для византийского и древнерусского времени, так и иконописание юродивого во Христе. Энтелехия как продолжающаяся энергия самосовершенствования личности в настоящее время и в будущем может проявиться лишь в созерцательной функции, в воздействии на духовный потенциал современного зрителя. Образ «юродивый во Христе» представляет одну из малочисленных групп визуально-пластических произведений XVI–XIX вв., объединенных сходством их художественного образа по содержанию, форме, функциям и структуре.

Список литературы

1. Анисимов Е. Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра. URL: <http://e-libra.ru/read/214452-rossiya-v-seredine-xviii-v.-borba-zanaslodie-petra..html> (дата обращения: 02.11.2016).
2. Аристотель. Метафизика. Кн. 9. М., 1981. 365 с.
3. Вагнер Г.К. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М.: Искусство, 1974. 268 с.
4. Гончаров А.И. Энтелехия юродства в «Слове» Даниила Заточника // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2004. № 1. С. 92–102.
5. Каган М.С. Морфология искусства: Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Части I, II, III. Л.: Искусство, 1972. 440 с.
6. Ковалевский И., свящ. Юродство во Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. Изд. 3-е. М.: Изд. Ступина, 1902. 284 с.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики. В 8 тт. Т. 4. Аристотель и поздняя классика. М.: АСТ, 2000. 880 с.
8. Мельник А.Г. Пядничные иконы конца XVI–XVII вв. русских святых // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 77–88.
9. Подлинник иконописный XVIII в. М.: Изд-е С.Т. Большакова [Репринтное издание], 1998. 189 с.
10. «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб.: Palace Edition, 1995. 349 с.
11. Свенцицкая И.С. Тайные писания первых христиан. М.: Политиздат, 1981. 288 с.
12. Святые земли Русской / Альманах. Вып. 287. СПб.: Palace Editions, 2010. 255 с., ил.
13. Святые образы: Русские иконы XV–XX веков из частных собраний / Автор текста И.Л. Бусева-Давыдова. М: Эксперт-клуб, 2006. 432 с.
14. Туминская О.А. Блаженные и юродивые в русской иконе XVI–XIX веков. СПб.: Изд-во РГПУ имени А.И. Герцена, 2014. 203 с., илл.
15. Узкова Е.С. Божественные энергии в философии исихазма // Дельфис. 2003. № 35 (3). С. 20–27.

16. Успенский А.И. Подлинник иконописный. М., 1903. 189 с.
17. Филимонов Г.Д. Сводный иконописный подлинник XVIII века. М., 1874. 430 с.

References

1. Anisimov E. *Rossia v seredine XVIII veka. Borba za nasledie Petra* [Russia in the middle of the XVIII century.: The struggle for the legacy of Peter]. <http://e-libra.ru/read/214452-rossiya-v-seredine-xviii-v.-borba-za-nasledie-petra.html>
2. *Aristotel. Metaphizika* [Metaphysics]. Book 9. М., 1981. 365 с.
3. Wagner G. *Problema zanrov v drvnnerusskom iskusstve* [The problem of genres in the ancient art]. М.: Art, 1974. 268 p.
4. Goncharov A.I. Entelechia jurodstva v «Slove» Daniila Zatochnika [The entelechy foolishness in the «Word» Daniel the Exile]. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism.* 2004. № 1.
5. Kagan M.S. *Morfologija iskusstva: Istoriko-teoreticheskoe issledovanie vnutrennego stroenija mira iskusstv* [Morphology of art: Historical and theoretical study of the internal structure of the world of the arts]. Part I, II, III. L., 1972. 440 p.
6. Kovalevskij I., pr. *Jurodstvo vo Hriste i Hrista radi Jurodivie* [The foolishness in Christ and for Christ's sake fools Eastern and Russian Church]. Ed. 3-rd. М.: The publication Stupin, 1902. 284 p.
7. Losev A. *Istorija antichnoj estetiki 8 t.* [History of ancient aesthetics]. 8 v. Vol. 4. *Aristotel i pozdnja klassika* [Aristotel and later classics]. М.: AST, 2000. 880 p.
8. Melnik A. Pjadnichnie ikoni konza XV–XVII vekov russkich svjatich [Icons “Pjadnitsa” end XVI–XVII centuries. Russian saints]. *Ancient Rus. Questions medieval studies.* 2 (44). 2011.
9. *Podlinnik ikonopisniy XVIII veka* [The original iconic XVIII century]. М.: Edit. Bolshakov Reprint, 1998. 189 p.
10. «*Preschistomu Obrazu Tvoemu poklonjaemsja...» Obraz Bogomateri v proizvvdenijach iz sobranija Russkogo Muzeja* [«Your worship the image of Immaculate ...» The image of Our Lady of the works from the collection of the Russian Museum]. St. Petersburg: Palace Edition, 1995. 349 p.

11. Svetsitskaya J.S. *Tajnie poslanija pervich Christian* [Secret writings of the early Christians]. M.: Politizdat, 1981. 288 p.
12. *Svjatie zemli Russkoj* [Holy Land Russian]. Almanac. Vol. 287. St. Petersburg, Palace Editions, 2010. 255 p.
13. Buseva-Davidova I.L. *Svjatie obrazi: Russkie ikoni XV–XX vekov iz chastnich sobranij* [Holy Images: Russian icons of 15–20th from private collections]. M., 2006. 432 p.
14. Tuminskaya O. *Blazennie i Jurodivie v russkoj ikone XVI–XIX vekov* [Blessed and Holy fools in the Russian icon of 14–19th centuries]. St. Petersburg: Ed. RGPU, 2014. 203 p., illustr.
15. Uzkova E.S. Bozestvennij energii v filosofii isichazma [Divine energy in the philosophy of quietism]. *Delfnis*. [Delphis]. No 35 (3). 2003.
16. Uspenskij A. *Podlinnik ikonopisnij* [The original iconic]. M., 1903. 189 p.
17. Filimonov G. *Svodnij ikonopisnij podlinnik XVIII veka* [Consolidated podlinnik iconic 18th century]. M., 1874. 430 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Туминская Ольга Анатольевна, ведущий методист научно-просветительской деятельности, кандидат искусствоведения
Государственный Русский музей
ул. Инженерная, 4, г. Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация
touminskaya@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tuminskaya Olga Anatolevna, Leading Methodologist of Scientific and Educational Activities, Ph.D.
The State Russian Museum
4, Inzhenernaya Str., St. Petersburg, 191186, Russian Federation
touminskaya@mail.ru
SPIN-code: 1794-9111
ORCID: 0000-0003-0160-8299
Researcher ID: P-5399-2016
Scopus Author ID: 455345

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

GENERAL AND APPLIED LINGUISTICS

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-88-99

УДК [81:159.923]:1

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

Котова Н.С., Кудряшов И.А.

Цель. Цель проводимого исследования заключается в выявлении особенностей влияния лексической парадигматики, т.е. системы противопоставленных на взаимной основе семантических признаков определенных групп глаголов, на употребление их видо-временных форм, а также обратного воздействия – влияния видо-временных форм на лексическое значение этих групп глаголов при определенных условиях функционирования. В данном случае мы рассматриваем парадигматику в средней иерархии языка – применительно к каждому уровню отдельно.

Методология. Изыскание проводится в синхронном плане на материале глагольной системы современного английского языка. Взаимодействие лексических и грамматических факторов в системе английского глагола рассматривается в функциональном аспекте. Такое рассмотрение дает возможность разграничить внутрисистемные явления и явления прагматического характера и тем самым выявить системно-структурные взаимоотношения лексических и грамматических факторов.

Материалом исследования послужила обширная группа глаголов.

С точки зрения взаимодействия лексического и грамматического в функционально-семантическом поле аспектуальности нас интересует значение, которое реализуется в оппозиции: *непредельность – предельность* (предельность соотносит действие с пределом, а непредельность обозначает действие безотносительно к его пределу). Конкретная методика, применяемая в анализе исследуемого материала, является комплексной, сочетающей в себе элементы описательно-сопоставительного и функционального методов.

Результаты. Взаимосвязь и взаимозависимость лексической и грамматической парадигматики создают определенную устойчивость в употреблении лексических единиц данной парадигмы с видо-временными формами глагола. Тенденции развития и изменения языкового знака в данном случае выражаются в процессах взаимозамещения и взаимопроникновения грамматических форм, в первую очередь, под влиянием прагматических факторов. На данном материале эта тенденция прослеживается в случаях употребления глаголов 4 и 5-ой оппозиции в формах *Continuous*, которые употребляются вместо *Indefinite*. Значение грамматической формы модифицирует значения глагола, особо выделяя при этом интенсивность действия, придавая ему определенную эмоциональную окраску.

Область применения результатов. Исследованный материал может найти оптимальное применение в сфере практической и теоретической лексикографии, в преподавании общей и частной (английской) лексикологии. Изыскание может оказать помощь в преподавании практического курса английского языка в средней школе и вузе при ориентации учебных программ на функциональное изучение грамматической системы языка.

Ключевые слова: система и структура языка; функциональный подход; глагол; предельность; непредельность; оппозиция; парадигматические отношения; парадигматический ряд; лексическое значение; грамматическое значение.

FUNCTIONAL INTERACTION OF LEXICAL AND GRAMMATICAL FACTORS IN THE ENGLISH VERB SYSTEM

Kotova N.S., Kudryashov I.A.

Purpose. *The purpose of the research conducted is revealing the peculiarities of lexical paradigmatics influence upon the usage of aspect and temporal verb forms and the opposite impact as well, i.e. the influence of aspect and temporal verb forms upon the lexical meaning of this verb groups under specific conditions of functioning. The lexical paradigmatics is considered as the system of mutually contrasted semantic features of particular verb groups. In this case, we analyze the paradigmatics in the middle language hierarchy for each language level separately.*

Methodology. *The research is conducted synchronically on the material of the contemporary English verb system. Interaction of lexical and grammatical factors in the English verb system is examined in a functional aspect. Such consideration gives a possibility to differentiate the intrasystem phenomena and phenomena of pragmatic character and expose the system-structural mutual relations of lexical and grammatical factors. The research material is the verb as massive word group.*

*From the point of view of interaction of lexical and grammatical factors in the functional and semantic field representing aspectuality, we get interested in the meaning which realizes in the opposition of atelicity – telicity (telicity correlates the action with the limit, and atelicity demotes the action irrespectively to its limit). **The technique** applied to the analysis of lexical and grammatical factors in the English verb system is complex combining descriptive and comparative and functional methods.*

Results. *Interrelations and interdependency of lexical and grammatical paradigmatics create particular sustainability in using the lexical unit of this paradigm with aspect and temporal verb forms. In this case, the tendencies of the language sign developing and changing are expressed in the process of the mutual substitution and interpenetration*

of grammatical forms primarily under the influence of paradigmatic factors. In this material this tendency is traceable in cases of using the verbs pertaining to 4-th and 5-th positions in the forms of Continuous which are used instead of Indefinite. The grammatical form meaning modifies the verb meaning specifying particularly the action intensity giving it the particular emotional coloring.

Practical implications. *The material investigated can be used in the sphere of practical and theoretical lexicography, in teaching general and particular (English) lexicology. The research can be of assistance in teaching practical English courses in secondary school and higher educational establishments if the programs are oriented on the functional study of the language grammatical system.*

Keywords: *language system and structure; functional approach; verb; telicity; atelicity; opposition; paradigmatic relations; paradigmatic row; lexical meaning; grammatical meaning.*

Взаимодействие единиц различных уровней предстает одной из характерных черт системы и структуры языка [1], [2]. Данной характеристикой обладают, в частности, единицы грамматического и лексического уровней. Так, объединение единиц в части речи осуществляется по грамматическим и лексическим признакам, словообразование и словоизменение включают явления как лексического, так и грамматического порядка.

Данная статья посвящена одному из частных вопросов указанной проблемы, а именно взаимодействию лексических и грамматических факторов в системе английского глагола. Вопрос этот подвергался анализу в современной лингвистике [3], [4]. Однако до последнего времени в его исследовании не использовался функциональный подход, и поэтому механизмы взаимодействия лексического и грамматического не оказались полностью раскрытыми.

Актуальность исследования диктуется тем фактом, что подобный ракурс анализа дает возможность разграничить явления внутрисистемные и парадигматического характера и тем самым

выявить функциональные взаимоотношения лексических и грамматических факторов.

Под парадигматическими отношениями мы понимаем различный характер противопоставлений языковых знаков одного уровня на основе общего, объединяющего их признака.

Сравним ряд глаголов с точки зрения данного противопоставления.

Непредельные: *to sit, to stand, to read.*

Предельные: *to flash, to dive, to shoot.*

Проанализируем толкования, которые даются каждому из глаголов в словаре Longman в их основном ядерном значении [5]:

sit – take or be in position in which body is supported more or less upright by buttocks resting on ground or raised seat;

stand – have or take or maintain upright position;

read – convert into the intended words or meaning (written or printed or other symbols);

flash – break suddenly into flame;

dive – plunge head foreword into water;

shoot – project abruptly.

Толкование значений данных глаголов позволяет судить о том, что они противопоставлены по признаку непредельность – предельность. Вместе с тем в самой системе значений данных непредельных глаголов можно обнаружить наличие противопоставления, но уже на периферии системы значений.

Ср.: *sit – sit down (be set upright)* – 5-е словарное значение; *stand – stand up, rise to one's feet from sitting* – 23-е словарное значение; *read – read of, find (thing) stated, find statement* – 5-е значение. Последнее значение подтверждается следующим примером: *I have read somewhere...*, при этом предлог *of* опускается и употребляется форма перфекта. Таким образом, перфектная форма делает глагол предельным, т.е. влияет на его аспектуальную характеристику.

Среди непредельных глаголов легко выделяется группа слов, обладающая непредельными субъективными характеристиками, свойственными когнитивному миру человека. Система оппозиций разворачивается в следующем направлении: непредельность – пре-

дельность; неопределенность, связанная с общим характером действия, – неопределенность, связанная с внутренними субъективными характеристиками предмета. Ср.: *to sit – to see, to stand – to love*. Внутри субъективные характеристики предмета могут противопоставляться внешним объективным характеристикам, которые отражают отношение предметов между собой. Например: *to see – to be; to love – to consist*. К глаголам, которые можно объединить на основании признака, выражающего объективные отношения между предметами, относятся: *belong, have, consist, contain, possess, equal, be, resemble, suffice, comprise, result*. В свою очередь, внутренние субъективные характеристики предмета могут быть противопоставлены по их виду. В связи с этим группу данных глаголов можно подразделить на такие подгруппы, как:

- глаголы, объединенные общим дифференциальным признаком, выражающим чувственное восприятие: *see, hear, smell, taste, feel*;
- глаголы чувств и эмоций: *love, adore, long, hate, respect, like, hope, want, wish, desire, detest, dislike, please, prefer*;
- процессы умственной деятельности: *agree, disagree, believe, disbelieve, differ, doubt, find, foresee, forget, imagine, know, mean, notice, recall, recognize, recollect, remember, suppose*.

Данную систему противопоставлений возможно представить в виде определенной парадигмы.

Схема 1.

**Парадигма противопоставлений предельных /
непредельных глаголов**

1. неопределенность <i>sit</i>	–	предельность <i>dive</i>
2. неопределенность – общего характера <i>sit</i>	неопределенность внутреннего субъективного характера <i>love, see, think</i>	
3. неопределенность – внутренне субъективного характера <i>love, see, think</i>	неопределенность объективных отношений <i>consist, equal</i>	

Окончание схемы 1.

4. неопределенность внутренне субъективного характера, но выражающая объективные чувственные восприятия <i>see, hear</i>	неопределенность, выражающая субъективные чувства и эмоции <i>love, hate</i>	
5. неопределенность, выражающая субъективные чувства и эмоции <i>love, hate</i>		неопределенность, выражающая проявления мыслительной деятельности <i>think, consider</i>

Выделение подобного парадигматического ряда лексем определяется грамматической парадигматикой и является выражением взаимосвязи лексических и грамматических факторов на соответствующих уровнях языковой системы.

Проанализируем, какие отношения грамматических структур в системе английского глагола определяют данную парадигматику. Ее аспектуальные характеристики непосредственно связаны с видо-временной системой и прежде всего с семами времени и вида. Поэтому в данном случае целесообразно рассмотреть оппозицию форм *Indefinite* и *Continuous*. Данные формы противопоставляются в настоящем времени, так как центром отсчета грамматического времени мы считаем момент речи, а при таком подходе план прошедшего и будущего соотносится с планом настоящего как изоморфные друг другу плоскости, где степень изоморфизма определяется спецификой каждого конкретного языка.

По временному признаку формы *Present Indefinite* и *Present Continuous* выражают настоящее время, по отношению же к моменту речи они находятся в приватной оппозиции (*sit – is sitting*). Форма *Present Indefinite* не выражает момента речи, форма *Present Continuous* его выражает и тем самым актуализирует действие, следовательно, временной признак выражается следующей оппозицией: *Present Indefinite* – невыражение момента речи, *Present Continuous* – выражение момента речи и соответственно: неактуальность – актуальность. По видовому признаку данные формы противопоставляются в оппозиции *Present Indefinite* – неопределен-

ность, *Present Continuous* – процессуальность. Указанный признак ограничивает протекание действия определенными рамками, передает некий конкретный отрезок, или этап действия в его конкретно-процессуальном протекании.

Парадигматическое значение форм *Continuous* ограничивает возможность их употребления с рядом неопределенных глаголов в системе лексической парадигмы. Неопределенные глаголы типа *sit, stand, read* могут выступать в процессном значении, не изменяя при этом своей семантики. По-видимому, этому способствует тот факт, что в системе своих значений они могут выражать и предельность действия. Что же касается глаголов, семантика которых выражает предельность (*dive, flash, shoot*), то их употребление с формами *Continuous* не противоречит парадигматическому значению этих форм, которое включает временной признак – момент речи и видовой признак – процессуальность.

При этом употребление предельных глаголов в *Continuous* раздвигает границы предела: *is diving, is flashing, is shooting*. Несовместимым оказывается парадигматическое значение форм *Continuous* для остальных групп лексической парадигмы. Действия, связанные с ними, являются выражением постоянных свойств одушевленного предмета (неопределенность внутренне субъективного характера) или же оказываются выражением объективных отношений между предметами реальной действительности.

Семантика данных глагольных групп не соотносится с моментом речи и не ограничивается каким-либо пределом. Стало быть, их употребление с точки зрения лексической и грамматической парадигматики с формами *Continuous* оказывается невозможным. Поэтому в контекстах, исключающих прагматические факторы, а также в контекстах, в которых момент речи выражается дополнительно показателем темпоральности *now*, эти глаголы употребляются в *Present Indefinite*. Ср.: *I see him now just where you are standing. Now I know how to settle it. I hate secrets.*

Таким образом, грамматическая парадигматика определяет характер группировки лексических единиц, то есть лексическую па-

радикалику, которая ограничивает функционирование отдельных видо-временных форм, в данном случае форм *Continuous*. Такое взаимодействие данных единиц лексического и грамматического уровней создает определенную стабильность и равновесие языковой системы. Если на парадигматической оси в рамках языковой системы лингвистический знак занимает присущее ему место в системе оппозиций и обладает определенным инвариантным значением, то на синтагматической оси он обнаруживает тенденции к изменению под влиянием таких факторов, как контекст и условия языковой коммуникации. Употребление глаголов данной лексической парадигмы в формах *Continuous* обнаруживает определенные особенности. В частности, глаголы, обозначающие объективные отношения между предметами (*consist, equal, be, have*), в *Continuous* не употребляются, благодаря своей семантике сохраняют устойчивые парадигматические отношения.

Менее всего употребительны с формами *Continuous* глаголы чувственного восприятия *see, smell, hear* и глаголы, выражающие эмоции *love, hate, want*. Употребление данных глаголов в *Continuous* обладает значительной эмоциональной выразительностью, достигаемой модификацией лексического значения видо-временной формы, которая актуализирует действие, ограничивает его предел и тем самым добавляет к лексическому значению яркость ощущений и переживаний. Ср.: *You are hearing it again! I'm loving every second of it. I'm hating it! I'm wanting to see them*. Исследователи отмечают, что подобные глагольные формы могут рассматриваться как «специализированные» средства вербализации эмоций [6, с. 331].

Перспективным, на наш взгляд, предстает исследование стилистических возможностей *Continuous* и *Indefinite* групп глаголов, задействованных в статье, в разных типах дискурса.

Список литературы

1. Чесноков П.В. Динамический синкретизм на разных уровнях языка // Язык. Дискурс. Текст: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. С. 251–254.

2. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
3. Declerck K. *The Grammar of the English Tense System: A Comprehensive Analysis*. Berlin. New York, 2006. 856 p.
4. Летучий А.Б. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 23 с.
5. *Longman Dictionary of Contemporary English*. London: Longman Group LTD, 2014. 877 p.
6. Хрисонопуло Е.Ю. Эпистемическая основа взаимосвязи значения и эмоционально-экспрессивных функций видо-временных форм глагола (на материале английского языка) // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сборник науч. трудов. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. Вып. 2. С. 331–344.

References

1. Chesnokov P.V. Dinamicheskij sinkretizm na raznyh urovnjah jazyka [Dynamic syncretism on different linguistic levels]. *Jazyk. Diskurs. Tekst: Mat-ly IV Mezhdunar. nauch. konf.* [Language. Discourse. Text: Materials of IV Intern. Sci. Conf.]. Rostov n/D.: IPO PI JuFU, 2009, pp. 251–254.
2. *Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funkcional'nost* [Sentence and text: consistency and functionality]. Collective monograph. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 p.
3. Declerck K. *The Grammar of the English Tense System: A Comprehensive Analysis*. Berlin. New York, 2006. 856 p.
4. Letuchij A.B. *Tipologija labil'nyh glagolov: semanticheskie i morfo-sintaksicheskie aspekty* [Labile verb typology: semantic and morphological and syntactic aspects]. М., 2006. 23 p.
5. *Longman Dictionary of Contemporary English*. London: Longman Group LTD, 2014. 877 p.
6. Hrisonopulo E.Ju. *Jepistemicheskaja osnova vzaimosvjazi znachenija i jemocional'no-jekspressivnyh funkcij vido-vremennyh form glagola (na materiale anglijskogo jazyka)* [Epistemic basis of interrelation between meaning and emotional and expressive functions of aspect and tempo-

ral verb forms (on the material of the English language)]. *Real'nost', jazyk i soznanie: Mezhdunar. mezhvuz. sbornik nauch. Trudov* [Reality, language and consciousness: International interuniversity collection of scientific papers]. Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina, 2002. Issue 2, pp. 331–344.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Котова Нина Сергеевна, профессор кафедры иностранных языков и речевой коммуникации, доктор филологических наук
Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ул. Пушкинская, 70, г. Ростов-на-Дону, 344002, Российская Федерация
ninakotova@mail.ru

Кудряшов Игорь Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и русского языка
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
ул. Большая Садовая, 105 / 42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация Россия
e-mail: igalk@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kotova Nina Sergeevna, Professor of the Foreign Language and speech Communication Department, Doctor of Philological Science
Southern Russian Institute of management-branch of Russian national economy and state service academy under the President of Russian Federation
70, Pushkinskaya Str., 70, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation
ninakotova@mail.ru

Kudryashov Igor Aleksandrivich, Doctor of Philological Science, Professor, Language Theory and the Russian Language Department
Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Sothern Federal University
105 / 42, Bolshaya Sadovaya Str., 105 / 42, Rostov-on-Don,
344006, Russian Federation Russia
e-mail: igalk@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-100-114

УДК 811.111

РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СОЗДАНИИ ПАРАДОКСА

Лекова М.В.

Цель. Несмотря на существование обильной научной литературы, посвященной парадоксу, представляется, что данное явление еще не получило должного внимания со стороны лингвистов. Цель настоящей статьи – описание стилистических механизмов, лежащих в основе парадоксальных высказываний. Материалом для исследования послужили сказки О. Уайльда, известного мастера парадоксов.

Методология проведения работы. В ходе исследования были использованы методы стилистической идентификации и классификации, описательный метод, а также контекстологический анализ.

Результаты. В статье парадокс определяется не только как логическая, но и как лингвистическая категория. В качестве стилистических маркеров парадоксов рассматриваются такие стилистические явления, как персонификация, гипербола, ирония, антитеза и контраст. Делается попытка доказать, что данные стилистические приемы парадоксальны по своей сути. Анализируются разновидности парадоксальных высказываний, порожденных использованием каждого из них в сказочном творчестве О. Уайльда.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в лекциях и на практических занятиях по литературоведению и стилистике английского языка.

Ключевые слова: парадокс; персонификация; гипербола; ирония; антитеза; контраст.

THE ROLE OF STYLISTIC MEANS IN CREATING PARADOX

Lekova M.V.

Purpose. Despite the existence of massive scientific literature devoted to paradox this phenomenon does not seem to have received

sufficient linguistic coverage. The purpose of the article is to describe stylistic mechanisms underlying paradoxical statements. The investigation was carried out on the material collected from the fairy tales by O. Wilde, the distinguished master of paradoxes.

Methodology. *The investigation is based on the methods of stylistic identification, classification and description, as well as contextual analysis.*

Results. *The article treats paradox not only as a logical, but also as a linguistic category. Among stylistic markers of paradoxes personification, hyperbole, irony, antithesis and contrast are analyzed. Attempts are made to prove that these stylistic devices are paradoxical by their nature. The article considers varieties of paradoxical statements spawned by each of them in the fairy tales by O. Wilde.*

Practical applications. *The results of the investigation can be employed at lectures and practical classes in Theory of literature and English stylistics.*

Keywords: *paradox; personification; hyperbole; irony; antithesis; contrast.*

Анализ многочисленных дефиниций парадокса свидетельствует о том, что ведущими дифференциальными признаками этого явления являются противоречивость, наличие алогизма, одновременная реализация отношений контраста и тождества, неожиданная трактовка привычного явления [3; 4; 8; 11; 12; 15].

Начало изучению парадокса было положено еще в древние времена, когда он находился в центре внимания математиков, логиков и философов. В настоящее время парадоксы широко изучаются в логике: парадоксальность считается одной из характерных черт современного научного познания. Важную роль играет парадокс в литературоведении. Отмечается огромная значимость этого средства для раскрытия замысла художественного произведения, анализируется его роль как средства интеллектуальной характеристики персонажа, как элемента, формирующего идиостиль автора, как средства интеллектуального и эмоционального воздействия на читателя, делаются попытки перенести понятие «парадокс» в область композиции.

Последнее время парадоксом интересуются и лингвисты: логические противоречия нередко находят выражение в языковом оформлении, то есть воплощаются с помощью языковых средств. Однако, несмотря на все возрастающий интерес к языковым парадоксам серьезных исследований в этой области пока мало.

В 2007 году вышла работа Б.Г. Танеева «Парадокс: парадоксальные высказывания», в которой речь идет об одном способе создания парадокса на уровне микроязыкового контекста – преобразовании устойчивых фраз. По наблюдениям автора, распространенными способами создания парадокса являются антонимическая замена одного из компонентов фразеологической единицы, перестановка компонентов и вклинивание нового компонента [5]. Тремя годами позже вышла статья Е.А. Яшиной «Оксюморон как средство создания алогизма в художественном тексте», в которой автор последовательно и убедительно доказывает наличие у оксюморона всех характерных особенностей парадокса и называет оксюморонное словосочетание минимальным языковым контекстом, способным породить парадокс [9]. Других более-менее значимых работ, посвященных стилистическим механизмам парадокса, не обнаружено.

Целью настоящего исследования является изучение значимости стилистических средств в создании парадокса. В качестве материала для исследования послужили сказки О. Уайльда. Известно, что творчество данного писателя изобилует парадоксами – парадоксальные персонажи, поступки, ситуации, сюжеты, высказывания. Парадоксальность является особенностью творческой манеры О. Уайльда и открывает широкие возможности для изучения парадокса [6; 7; 10; 14].

Как показало исследование, самым распространенным способом создания парадокса в сказочном творчестве писателя является олицетворение. Персонификация животных, растений, природных явлений и даже неживых объектов – это неотъемлемая часть сказки как жанра, часть ее фантастической составляющей. Фантастика так органично переплетается в сказке с реальностью, что их нередко невозможно разделить. Таким образом, создается особая сказочная реальность, парадоксальная по своей сути с точки зрения жизненной реальности.

Представляется, что персонификация отвечает всем характерным особенностям парадокса:

1. Персонификация основана на противоречии: с одной стороны, речь идет о неодушевленных предметах или животных, с другой – они описываются с помощью языковых средств, традиционно ассоциирующихся с человеком.

2. Для персонификации характерна одновременная реализация отношений контраста и тождества: с одной стороны, одушевленные и неодушевленные объекты взаимно исключают друг друга, с другой – составляют единое целое в контексте сказки, так как направлены на создание единого художественного образа.

3. Противоречивая природа и сосуществование отношений контраста и тождества в составе единого образа обуславливают алогизм персонификации.

4. В результате персонификации возникают странные образы, не соответствующие привычным представлениям о неодушевленных объектах.

В сказках О. Уайльда можно выделить несколько видов нарушений стереотипов категоризации действительности, которые приводят к различной степени персонификации и становятся ее формальными маркерами. Прежде всего, это использование в отношении неодушевленных объектов местоимений *he* и *she*.

В отдельную группу персонифицирующей лексики можно выделить слова, обозначающие части тела и физические характеристики сказочных персонажей. В ответ на предложение Ласточки полететь с ней в Египет Камыш качает головой: “*The Reed shook her head*” [13, с. 37]. Ласточка противится просьбе Счастливого Принца отдать его последний сапфир нуждающейся девочке. “*You would be quite blind then*”, – говорит она [13, с. 40]. Куст розы объясняет Соловью: “*The winter has chilled my veins*” [13, с. 44]. Ракета описывается как “*tall, supercilious-looking*”. Она кашляет, желая обратить на себя внимание: “*He always coughed before he made any observations, so as to attract attention*” [13, с.71].

К формальным маркерам персонификации относится также использование в отношении неодушевленных предметов, животных

и растений лексики, традиционно описывающей манеры, поведение и поступки людей. Так, рассуждая о своей возлюбленной (Камыше), Ласточка говорит: "She is a *coquette*"; "She is always *flirting with the wind*"; "You have been *trifling with me*" [13, с. 38]. Снег и Мороз приглашают в гости Северный Ветер, и он приходит: "Then they *invited the North Wind to stay with them, and he came*" [13, с. 49]. А Замечательная Ракета гордится своими изысканными манерами: "He had a *most distinguished manner*" [13, с. 72].

Неодушевленные персонажи, животные и растения в сказках нередко наделены способностью говорить, думать, рассуждать, философствовать. Ласточка говорит, что не любит мальчиков и обосновывает свою позицию: "Last year, when I was standing on the river, there were two bad boys, the miller's sons, who were always throwing stones at me" [13, с. 39]. Огненное Колесо и Римская Свеча спорят о любви: "But love is not fashionable any more, the poets have killed it. They wrote so much about it that nobody believed them... Romance is a thing of the past", – говорит Огненное Колесо. Римская Свеча возражает ему: "Romance never dies. It is like the moon, and lives forever" [13, с. 71].

Нередко сказочным персонажам приписываются эмоции и чувства, свойственные человеку. Видя страдания людей, статуя Счастливого Принца плачет: "The eyes of the Happy Prince were *filled with tears, tears were running down his golden cheeks*". Ласточка жалеет ее: "The little Swallow was *filled with pity*" [13, с. 37]. Ласточка радуется перспективе улететь в Египет: "He was *in high spirits* at the prospect of going to Egypt" [13, с. 39]. Бенгальский Огонь чувствует себя подавленным: "The Bengal Light *felt so crushed* that he began at once to bully the little squibs" [13, с. 73]. Огненное Колесо гордится собой: "Catherine Wheel... *prided herself*" [13, с. 71].

В целом ряде случаев персонификация возникает за счет использования в отношении неодушевленных предметов, растений и животных лексики, описывающей характер и моральные и личностные качества людей. Об отце Замечательной Ракеты говорится: "He was *of a kindly disposition*" [13, с. 72]. Ракета говорит о себе: "I am extremely *sensitive*" [13, с. 73]. Ласточка остается со Счастливым

Принцем, потому что у нее доброе сердце: “I will wait with you one night longer”, said the swallow, who really *had a good heart*” [13, с. 33].

Интересную группу персонифицирующей лексики составляет лексика, описывающая социальные отношения, характерные для людей, человеческого общества. Собравшись лететь в Египет, Ласточка спрашивает у Счастливого Принца, есть ли у него поручения: “*Have you any commissions for Egypt?*” [13, с. 40]. Рассуждая о возлюбленной, Ласточка говорит: “*She has no money and far too many relations*” [13, с. 39]. Водяная Крыса говорит о себе: “*I am not a family man... I have never been married*” [13, с. 54]. У Ракеты есть родители: “*I am a very remarkable rocket, and come of remarkable parents*” [13, с. 72]. У куста розы есть брат: “*Go to my brother...and perhaps he will give you what you want*” [13, с. 41].

Другим стилистическим средством, которым О. Уайльд нередко пользуется для создания парадоксального эффекта, является гипербола. В стилистике выделяют два вида гиперболического преувеличения – разумное и абсурдное. Последнее представляется парадоксальным по ряду причин. Во-первых, оно основано на противоречии между реальным признаком и нереально завышенной мерой его выражения. Во-вторых, в нем реализуется отношение контраста и тождества, так как реальное и нереальное сливаются в единое целое. В-третьих, такой вид гипербол алогичен ввиду своей абсурдности. В-четвертых, абсурдное преувеличение создает неординарный образ.

Парадоксальны у О. Уайльда рассуждения Замечательной Ракеты о собственной значимости, так как они не имеют ничего общего со здравым смыслом и противоречат фактическому положению дел, описанному в сказке. Высокомерная Ракета настолько поднялась в самооценке, что считает, что, если с нею что-нибудь случится, Король не вынесет этого, а Принц и Принцесса не смогут быть счастливы в семейной жизни: “*Suppose, for instance, anything happened to me to-night, what a misfortune that would be for everyone! The Prince and Princess would never be happy again, their whole married life would be spoiled; and as for the King, I know he would not get over it*” [13, с. 73]. Даже выброшенная за ненадобностью в канаву, грязная и промокшая,

она продолжает верить в свою исключительность и уверяет Лягушку, что является фавориткой в королевском дворе, и что бракосочетание Принца и Принцессы состоялось в ее честь: “I am a great favourite at Court; in fact, the Prince and Princess were married yesterday in my honour” [13, с. 78]. В приведенных примерах парадоксальность, вызванная гиперболическим преувеличением, усиливается за счет иронии, так как самооценка Ракеты не только преувеличена до абсурда, но и полностью противоречит ее истинной ценности.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что ирония играет важную роль в создании парадокса в творчестве О. Уайльда. О.С. Ахманова определяет иронию как «явно притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, чтобы путем доведения до абсурда самой возможности положительной оценки осмеять и дискредитировать данное явление, обратить внимание на тот его недостаток, который в ироническом изображении заменяется соответствующим достоинством» [2, с. 185]. Приведенная дефиниция, как представляется, позволяет утверждать, что ирония парадоксальна по своей сути, так как, во-первых, она основана на противопоставлении значения и смысла; во-вторых, ее контрастирующие составляющие материализуются в едином высказывании; в-третьих, являясь средством отрицательной оценки, она доводит до абсурда саму возможность положительной оценки; в-четвертых, она является нетривиальным, неожиданным способом выражения отношения к описываемому объекту.

В сказках О. Уайльда парадоксальный эффект от иронии проявляется по-разному:

1. В явной абсурдности поверхностного значения самого ироничного высказывания. О Мельнике в сказке «Преданный друг» говорится, что он настолько хороший друг, что никогда не проходит мимо сада Ганса, не наполнив свою корзину цветами и фруктами: “So devoted was the rich Miller to little Hans, that he would never go by his garden without leaning over the wall and plucking a large nosegay, or a handful of sweet herbs, or filling his pockets with plums and cherries if it was the fruit season” [13, с. 55]. Но совершенно очевидно, что

не тот зовется другом, кто берет у друга, а тот, кто готов отдать свое. Римская Свеча в ответ на просьбу Петарды («Замечательная Ракета») объяснить, что такое чувствительный человек, говорит: “A person who, because he has corns himself, always treads on other people’s toes” [13, с. 73]. В действительности же человек, осознанно причиняющий боль другим, – это бесчувственный человек.

2. В противоречии между тем, что говорит автор, и что он на самом деле думает. Так, в сказке «Преданный друг» автор говорит: “Little Hans had a great many friends, but the most devoted friend of all was big Hugh the Miller” [13, с. 55]. Автору также принадлежат слова: “Little Hans... was proud of having a friend with such noble ideas” [13, с. 55]; “Poor little Hans was very anxious to go and work in his garden... but he did not like to refuse the Miller, as he was such a good friend to him” [13, с. 62]. Однако все последующее повествование опровергает данные высказывания, а это значит, что в контексте данного произведения слова автора звучат иронично-парадоксально.

3. В противоречии между словами и действиями персонажа. Замечательная Ракета из одноименной сказки считает себя нежной и чувствительной натурой: “I am extremely sensitive. No one in the whole world is so sensitive as I am...” [13, с. 73]. На самом деле она груба и беспардонна по отношению к другим. Мельник («Преданный друг») говорит, что друг должен быть щедрым: “I think that generosity is the essence of friendship” [13, с. 59]; что друзья должны делиться: “Real friends should have everything in common” [13, с. 55]; что нет работы приятнее той, которая сделана на благо других: “There is no work so delightful as the work one does for others” [13, с. 63]. Сам же он скуп, эгоистичен и никогда не помогает другим. Приведенные выше сентенции в его устах звучат иронично и парадоксально ввиду того, что он не живет в соответствии с мудростью, заключенной в них.

4. В противоречии между субъективной оценкой персонажа другим персонажем и объективно-авторской оценкой. В ответ на эгоистичное замечание Мельника о том, что, когда люди в беде, их не нужно беспокоить посещениями, его жена искренне восхищается им: “You are certainly very thoughtful about others...” [13, с. 56]. Когда на-

ступает весна, и Мельник отправляется к Гансу за цветами с большой корзиной, она вновь восклицает: “Why, what a good heart you have... you are always thinking of others” [13, с. 58]. Скупость и эгоистичная жажда нажиться за счет Ганса считаются добротой и заботой. Ганс говорит о Мельнике как о щедром человеке: “He is going to give me his wheelbarrow and that is an act of pure generosity” [13, с. 64]. Он искренне так считает, но его точка зрения противоречит объективной. Если учесть, какую цену Мельник запросил у Ганса за свою старую сломанную тачку, то щедрость на самом деле оборачивается алчностью.

Часто для создания парадокса О. Уайльд использует антитезу и контраст. Антитеза – это относительное противопоставление языковых средств, возникающее в контексте. Контраст определяется как «резко выраженная противоположность черт, качеств, свойств одного человеческого характера, предмета, явления другому» [1, с. 151]. О.С. Ахманова видит основное назначение контраста в выявлении несходств каких-либо двух сущностей, сводимых в ассоциативное единство [2, с. 207]. Сосуществование противоположностей в ассоциативном единстве алогично с точки зрения здравого смысла и привлекает внимание своей необычностью. Таким образом, антитеза и контраст отвечает всем требованиям, предъявляемым к парадоксальным высказываниям.

В сказках О. Уайльда нередко контрастируют:

1. Пейзаж в отдельно взятом месте с остальным пейзажем. Например, в саду Великана из сказки «Великан-эгоист» отсутствует смена времен года, в нем круглый год зима: ”Then the spring came, and all over the country there were blossoms and little birds. Only in the garden of the Selfish Giant it was still winter” [13, с. 48].

2. Мысли и действительность. В сказке «Счастливый Принц» молодой драматург, увидев сапфир, принесенный ему Ласточкой, уверен, что к нему пришло признание: “I am beginning to be appreciated”, – восклицает он. В действительности же он забыт всеми, и голод и холод не позволяют ему закончить пьесу: “He is trying to finish a play for the Director of the Theatre, but he is too cold to write any more. There is no fire in the grate, and hunger has made him faint” [13, с. 33].

3. Жизнь бедных и богатых. Так описывается этот контраст в сказке «Счастливый Принц»: “...the rich making merry in their beautiful houses; the beggars sitting at the gates” [13, с. 36]. Убедительным примером является также контраст между условиями жизни Инфанты и Карлика («День рождения Инфанты»).

4. Внешность персонажей. Обратимся вновь к образам Инфанты и Карлика. Вот как описывает автор Инфанту: “But the Infanta was the most graceful of all... She had all the Queen’s pretty petulance of manner, the same willful way of tossing her head, the same proud curved beautiful mouth, the same wonderful smile” [6, с. 108]. А так выглядит Карлик: “So fantastic a little monster had never been seen... Not properly shaped, as all other people were, but hunchbacked, and crooked-limbed, with huge lolling head and mane of black hair” [13, с. 129].

5. Внешность и внутренний мир персонажа. Красоте Инфанты противостоит ее моральное убожество и бессердечность, которые нагляднее всего проявляются через ее поступки. Страдания Карлика лишь забавляют Инфанту, она воспринимает их как игру и аплодирует ему. Когда ей сообщают, что сердце Калика разорвалось от горя, она лишь хмурится и желает, чтобы у тех, кто играет с ней, впредь не было сердца: “‘For the future let those who come to play with me have no heart’, she cried, and she ran out into the garden” [13, с. 132].

А уродливая внешность Карлика контрастирует с его красивой душой, которая раскрывается через его отношение к Инфанте: “... He would make her a necklace of red bryony berries, that would be quite as pretty as the white berries that she wore on her dress, and when she was tired of them, she would throw them away, and he would find her others. He would bring her acorn-cups and dew-drenched anemones, and tiny glow-worms to be stars in the pale gold of her hair” [13, с. 123]; и окружающей его природе: “He had been kind to them [birds], and during that terrible bitter winter... he had never once forgotten them, but had always given them crumbs out of his little hunch of black bread, and divided with them whatever poor breakfast he had... He liked the birds and the lizards immensely, and thought that the flowers were the most marvelous things in the whole world” [13, с. 124]. Осуждение

бесчувственной красоты и восхищение одухотворенным уродством парадоксально для автора, пропагандирующего теорию «аморального эстетизма».

6. Природа и человек. Студент не может понять, о чем говорит ему Соловей, а Дуб понимает и печалится («Соловей и Роза»): “The Student looked up from the grass, and listened, but he could not understand what the Nightingale was saying to him... But the Oak-tree understood, and felt sad” [13, с. 43]. Студент не понимает ценности любви: “What a silly thing Love is...” [13, с. 46]. А Соловей жертвует жизнью ради Любви: “Love is wiser than Philosophy, though she is wise, and mightier than Power, though he is mighty” [13, с. 43]. Парадоксально, что Человек, которого Бог наделил душой и разумом, не способен постичь суть любви, а Соловей и Дуб могут.

7. Поведение и чувства людей и неживых объектов. Ночной сторож безжалостно выгоняет из-под моста в дождь двух маленьких бездомных мальчишек, где они, обнявшись, пытаются согреться («Счастливый Принц»): “You must not lie here, shouted the Watchman, and they wandered out into the rain” [13, с. 37]. Оловянное же сердце Статуи при виде страданий людей не выдерживает и раскалывается на две части: “At that moment a curious crack sounded inside the statue, as if something had broken. The fact is that the leaden heart had snapped right in two” [13, с. 37].

8. Растительный и животный мир. В сказке «День рождения Инфанты» маленький Карлик вызывает у цветов отвращение: “He is really too ugly to be allowed to play in any place where we are... He is a perfect horror... Really he makes me feel prickly all over, and if he comes near me I will sting him with my thorns... Even the red Geraniums, who did not usually give themselves airs, and were known to have a great many poor relations themselves, curled up in disgust when they saw him” [13, с. 120]. Животным же, наоборот, он нравится: “But somehow the birds liked him... The Lizards also took an immense fancy to him...” [13, с. 122]. Такова символика О. Уайльда: животные в его сказках часто олицетворяют настоящую красоту, растения – поверхностную.

Контраст основан на противопоставлении целых образов, поэтому его чаще рассматривают как литературный прием. Однако в литературном произведении противоположные образы – это результат использования противоположных по смыслу языковых средств, что позволяет рассматривать контраст и как языковой прием. Обратимся к примерам. В сказке «Великан-эгоист» весенний пейзаж описывается следующими существительными и прилагательными: blossom, birds, flowers, delicious, lovely, green, wonderful. А так выглядит именная и адъективная цепочка, характеризующая сад Великана: winter, snow, frost, hail, ice, white, silver, grey, cold. В приведенных цепочках отсутствуют антонимы, но смысловой эффект от используемой лексики явно противоположный. В сказке «День рождения Инфанта» автор подробно рассказывает о дворце, в котором живет Инфанта, и условиях проживания Карлика. Прочитируем некоторые из слов, относящихся к дворцу: curtains, velvet, stones, leather, statues, gilding, emblems, throne, chandelier, furniture, fire-places, pearls, gold, ivory, splendid, rich, silver, great, wonderful, florid, huge, ebony. Приведем далее лексику, описывающую дом Карлика: forest, animal, birds, moss, berries, orchards, flowers, sunlight, wind, leaves, trees, blossom, free, tremulous, sweetly scented, cool, grassy, yellow, blue, white, pallid, grey. Приведенные цепочки наглядно демонстрируют искусственную роскошь убранства апартаментов Инфанта и незамысловатую природную простоту места, в котором живет Карлик. Как и в предыдущем примере, здесь нет антонимов, но используемая лексика воспринимается как контекстуально противоположная по смыслу. Сосуществование столь контрастных образов в рамках одного пространственного континуума представляется парадоксальным с точки зрения здравого смысла.

В случае с антитезой противопоставление также возникает в результате использования лексических единиц, которые в описываемой ситуации воспринимаются как контекстуальные противоположности. Разница – в масштабах противопоставления: контраст – результат более объемного противопоставления, антитеза возникает

в микроконтексте. Проиллюстрируем сказанное на примере: “The Autumn gave golden fruit to every garden, but to the Giant’s garden she gave none” («Великан-эгоист») [13, с. 43]. Как и в предыдущих примерах, противопоставление *every garden – the Giant’s garden* вытекает из контекста.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что лексические стилистические средства играют важную роль в создании парадоксов. В сказочном творчестве О. Уайльда особую в этом отношении значимость приобретают персонификация, гипербола, ирония, антитеза, контраст. Очевидно, что выявленные приемы не исчерпывают всего арсенала стилистических приемов, способных породить парадоксальные высказывания.

Список литературы

1. Анищенко Г.А. Литературный справочник. М.: Форум, 2012. 301 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Либроком, 2016. 576 с.
3. Литературная энциклопедия. URL: <http://enc.-dic.com/> (дата обращения: 18.01.2017).
4. Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolslovar.ru/> (дата обращения 18.01.2017).
5. Танеев Б.Г. Парадокс: парадоксальные высказывания. Уфа: Высшая школа, 2011. 306 с.
6. Тумбина О.В. Контраст и парадокс в повествовательной прозе О. Уайльда: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/> (дата обращения 18.01.2017).
7. Урнов М.В. Оскар Уайльд // Урнов М.В. На рубеже веков: Очерки английской литературы (конец XIX – начало XX века). М.: Наука, 1970. С. 149–171.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка онлайн. URL: <http://ushakovdictionary.ru/>
9. Яшина Е.А. Оксюморон как средство создания алогизма в художественном тексте // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. М.: 2010. С. 65–92.

10. Henry James. Oscar Wilde and Aesthetic Culture. Edinburgh University Press: 2007. 312 c.
11. Longman Exams Dictionary. Edinburgh: Pearson Education Limited, 2006. 1833 c.
12. Macmillan English Dictionary. London: Macmillan Publishers Limited, 2007. 1749 c.
13. Oscar Wilde. Fairy tales. Moscow: Progress Publishers, 1979. 211 p.
14. Quintus John Allen. The Moral Prerogative In Oscar Wilde: A Look At The Fairy Tales. URL: <http://www.vqronline.org/essay/moral-prerogative-oscar-wilde-look-fairy-tales> (accessed January 18, 2017).
15. Webster's Dictionary Online. URL: <http://www.webster-dictionary.org/> (accessed January 18, 2017).

References

1. Anishchenko G.A. *Literaturniy spravochnik* [Literary reference]. Moscow: Forum, 2012. 301 p.
2. Akhmanova O.S. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Linguistic terms dictionary]. Moscow: Librokom, 2016. 576 p.
3. *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary encyclopedia]. <http://enc.-dic.com/> (accessed January 18, 2017).
4. *Obshchiy tolkoviy slovar russkogo yazika* [Explanatory dictionary of the Russian language]. <http://tolslovar.ru/> (accessed January 18, 2017).
5. Taneev B.G. *Paradoks: paradoksalniye viskazivaniya* [Paradox: paradoxical statements]. Ufa: High School, 2011. 306 p.
6. Tumbina O.V. *Kontrast i paradoks v povestvovatelnoy prose O. Wajlda: Avtopef. dis. ... kand. filol. nauk* [Contrast and paradox in the narrative prose of O. Wilde: synopsis of candidate thesis]. St Petersburg, 2004. <http://cheloveknauka.com/> (accessed January 18, 2017).
7. Urnov M.V. Oskar Wajld [Oscar Wilde]. *Urnov M.V. Na rubezhe vekov: Ocherky angliyskoy literatury (konets XIX – nachalo XX veka)* [Urnov M.V. At the turn of the centuries: Studies in English literature (the end of the XIX – the beginning of the XX century)]. Moscow: Science, 1970, pp. 149–171.

8. Ushakov D.N. *Tolkoviy slovar russkogo yazika* [Explanatory dictionary of the Russian Language]. <http://ushakovdictionary.ru/> (accessed January 18, 2017).
9. Yashina E.A. Oksumoron kak sredstvo sozdaniya alogisma v khudozhestvennom tekste [Oxymoron as a means of creating alogism in fiction]. *Proceedings of the Samara scientific center, Russian Academy of Science*. Moscow: 2010, pp. 65–92.
10. Henry James. *Oscar Wilde and Aesthetic Culture*. Edinburgh University Press: 2007. 312 c.
11. Longman Exams Dictionary. Edinburgh: Pearson Education Limited, 2006. 1833 c.
12. Macmillan English Dictionary. London: Macmillan Publishers Limited, 2007. 1749 c.
13. Oscar Wilde. *Fairy tales*. Moscow: Progress Publishers, 1979. 211 c.
14. Quintus John Allen. *The Moral Prerogative In Oscar Wilde: A Look At The Fairy Tales*. URL: <http://www.vqronline.org/essay/moral-prerogative-oscar-wilde-look-fairy-tales> (accessed January 18, 2017).
15. Webster's Dictionary Online. <http://www.webster-dictionary.org/> (accessed January 18, 2017).

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Лекова Марина Владимировна, доцент кафедры английского языка, кандидат филологических наук, доцент
Северо-Осетинский государственный университет
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
lekowa.marina@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lekova Marina Vladimirovna, Associate Professor of the English Department, Candidate of Science (Philology), Associate Professor
North-Ossetian State University
44-46, Vatutin Str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation
lekowa.marina@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-115-125
УДК 81'22

ПОНЯТИЕ VS ТЕРМИН: ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Тюрнева Т.В., Щурик Н.В.

Цель. В данной статье авторы ставят перед собой задачу провести лингвосемиотический анализ понятия и термина, предложить дифференциацию ментальных сущностей по признаку принадлежности к определенному типу дискурсивного сообщества, а также проиллюстрировать особенности интерпретации понятия и термина и сферу их употребления.

Метод и методология исследования. Для решения поставленных задач применялись следующие методы: интерпретативный метод, метод речеактового анализа, метод дефиниционного анализа.

Результаты. В статье приводится исследование семиотических сущностей в соотношении с определенными дискурсивными практиками, что позволяет дифференцировать термин и понятие.

Область практического применения. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании вузовских курсов межкультурной коммуникации, дискурсивного анализа и интерпретации текста.

Ключевые слова: понятие; термин; дискурс; знак; интерпретация.

NOTION VS TERM: LINGUO-SEMIOTIC ASPECT

Tyurneva T.V., Shchurik N.V.

Purpose. As the title implies the article describes linguo-semiotic analysis of the notion and term suggesting differentiation of the mental entities based on discourse community classification. The paper is con-

cerned with peculiarities of notion and term interpretation illustrating their different nature as well as sphere of usage.

Methods and methodology. *To achieve the objectives the following methods were used: interpretive method, method of speech act analysis, definitional analysis.*

Results. *The article presents a study of semiotic entities in relation to certain discursive practices that allows us to differentiate the term and concept.*

Applications. *Results of the study can be used in teaching such university courses as intercultural communication, discourse analysis and interpretation of the text.*

Keywords: *notion; term; discourse; sign; interpretation.*

В научном сообществе не утихают споры о дифференциации ментальных сущностей, их соотношении [7, с. 95] и возможной соотнесенности с определенным дискурсом. Сосредоточим внимание на понятии и термине, которые долгое время рассматривались в основном в рамках логики и философии, однако, в современной интердисциплинарной науке часто встречаются случаи употребления понятия и термина в контексте анализа ментальных сущностей, что, вероятно, связано с различными дискурсивными практиками, в рамках которых они функционируют.

В рамках данной статьи мы ставим перед собой задачу рассмотреть понятие и термин по признаку принадлежности к определенному типу дискурсивного сообщества и проиллюстрировать вектор интерпретации ментальных сущностей.

1. Понятие часто определяют как одну из основных форм мышления, поэтому именно этим подчеркивается его важная роль в познании. Переход от чувственной ступени познания к абстрактному мышлению характеризуется, прежде всего, как переход от отражения мира в формах ощущений, восприятий и представлений к отражению его в формах понятий и на их основе – в суждениях и теориях. «Именно благодаря понятиям мышление приобретает характер обобщенного отражения действительности» [1, с. 87].

В диалектической логике Г.В.Ф. Гегеля понятие рассматривается как член триадических отношений бытие – сущность – понятие, оно несет в себе чистый смысл, который синонимичен Логосу. Это категория, которая воплощает в себе сущность бытия. Г.В.Ф. Гегель говорит, что взаимосвязь понятий образует сеть, узлами которой являются многочисленные категории. Такое переплетение смыслов получила название «понятийная сеть» [2]. Результаты, в которых обобщаются данные естествознания, опыта – суть понятий, а они, в свою очередь, фиксируют существенные признаки вещей и явлений объективной действительности. Понятия не существуют в объективном мире, они возникают в нашем сознании и заменяют предметы, явления, процессы, эмоции и т.д. определенными образами, делая естественный язык общения более емким.

Рассуждая о содержании понятия, необходимо подчеркнуть, что наличествующие признаки, которые также являются способом дифференциации, – отличительная черта данного явления. Так как понятие – это общее представление о чем-либо, его признаки способствуют разграничению каких-либо явлений, предоставляя возможность определить объект исследования и выделить его из ряда с ним схожих. «Допустим, что «снег» или «кровь» обозначают естественно-научное понятие, отличительные признаки которого имеются налицо в памяти. Для того чтобы удостовериться, все ли признаки понятия соответствуют объекту, мы не станем судить об этом по первому взгляду; напротив, объект здесь подвергается исследованию со стороны своих различных свойств, и лишь на основании умозаключения объект подводится под понятие, то есть ему приписывается весь комплекс свойств» [3, с. 50].

Рассмотрим ряд примеров.

*So the traditional liberal position in support of giving wide scope to **freedom of speech**, even for extremists, is losing ground everywhere. (1)*

*He thought of nothing and was incapable of thinking; but he felt suddenly in his whole being that he had no more **freedom of thought**, no will, and that everything was suddenly and irrevocably decided. (2)*

*Thus free competition, or rather, **freedom of industry and enterprise**, was set loose to run, like a huge untrained monster, its wayward course. (3)*

*Draft amendments to the Criminal Code pertaining to, inter alia, greater **freedom of expression** and the introduction of penalties against domestic violence had been submitted to the national Parliament. (4)*

Приведем определения лексемы «freedom»: the quality or state of being free, independent (MWLD); the power or right to act, speak, or think as one wants (OWD); the condition or right of being able or allowed to do, say, think, etc. whatever you want to, without being controlled or limited (CED); Freedom is defined as the state of being free, independent, without restrictions (MWLD). Исходя из дефиниций, выделяются ключевые признаки понятия «freedom»: being free, have a right. Общие для широкого круга интерпретаторов признаки наделяют языковой знак качеством «общности» (Рис. 1).

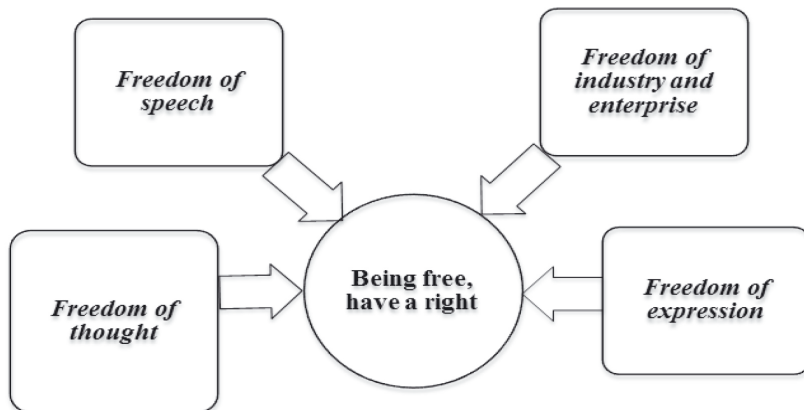

Рис. 1. Векторы интерпретант репрезентамена freedom

Свобода понимается как независимость, отсутствие ограничений и стеснений, права человека. Ключевые семантические признаки позволяют прийти к единому знаменателю и выстроить общий вектор интерпретации для всех участников дискурсивной практики, которую определим вслед за А.М. Каплуненко Дискурсом Согласования [6].

Рассуждая о содержании понятия, необходимо подчеркнуть, что наличествующие признаки, которые также являются способом дифференциации, – отличительная черта данного явления. Так как понятие – это общее представление о чем-либо, его признаки способствуют разграничению каких-либо явлений, предоставляя возможность определить объект исследования и выделить его из ряда с ним схожих. Таким образом, «понятие можно определить как мысль, в которой обобщены в класс и выделены из некоторого множества предметы по системе признаков, общей только для этих выделенных предметов» [5].

Развивая теорию понятия, позволим заключить, что понятие носит универсальный характер, объединяя носителей языка в силу их способности диалектически преодолевать разногласия.

2. В процессе коммуникации, а, следовательно, и интеракции, участники дискурса могут оказаться вовлеченными не только в дискуссию или согласование вопросов, но и столкнуться с узкой направленностью диалога, с его четкой спецификой, поэтому нельзя обойти вниманием еще один аспект классификации дискурсивных практик, предложенный А.М. Каплуненко [6]. Характерной чертой такой дискурсивной практики является использование терминов, знакомых только определенному кругу специалистов, поэтому все семиотические сущности будут мыслиться и интерпретироваться обывателем совершенно иначе в силу отсутствия специальных знаний об объекте.

Terminus – граница, которая изначально мыслилась «как вещественно намеченная», и потому означало «пограничный столб, пограничный камень, пограничный знак вообще». В греческом языке слову термин соответствует слово ὄρος, а также слово ὄρισμός, от ὄρος, что собственно значит: борозда, а затем: граница. «...Как известно, первоначальное право на собственность было понятием и установлением чисто религиозным, но отнюдь не внешне-юридическим. Оно существенно вытекало из страха Божия, именно страха задеть культ, к которому не принадлежит чужак <...> если бы нарушил священную неприкосновенность чего бы то ни было, входящего в организацию их культа, неминуемо потерпел бы страшные кары от самих оскорбленных покойников» [8, с. 218].

В рамках Экспертного Сообщества термин – орудие профессионального мышления, поэтому представители Экспертных Сообществ заинтересованы в том, чтобы значение термина было четким и единственным. В связи с этим будет уместно предположить, что термин должен быть однозначным, то есть не должен иметь большого количества синонимов (в пределах определенного Экспертного Сообщества), точным и кратким, и с точки зрения стилистики, термин должен быть нейтральным. Содержание и объем термина ограничены – одному знаку соответствует одно значение в пределах определенной терминосистемы. Знаки с плотным содержанием и узким объемом, функционирующие в Дискурсе Экспертного Сообщества, в результате становятся языком специальной области научного знания и не приемлют многозначности или субъективности интерпретации.

Рассмотрим ряд примеров, содержащих языковой знак «freedom». *A Cathay Pacific plane which pick up passengers in Hong Kong and delivers them to Tokyo is exercising its **third freedom** right.* (5)

*In order for Cathay Pacific to operate this flight, Canada and the US must grant Hong Kong fifth freedom for the route. **Fifth freedom rights** are rarely granted since the foreign airline is now competing with domestic airlines for the same traffic.* (6)

Данные фрагменты экспертного дискурса содержат такие термины, как «third freedom», «fifth freedom», которые калькируются при переводе на русский язык. Однако, без дополнительных фоновых знаний полноценная интерпретация этих терминов не возможна, поскольку имя числительное (third, fifth) никаким образом не связывается со свободой в рамках анализа авиационного текста. Ассоциативно интерпретатор может соотнести термин third/ fifth freedom со свободами человека, закрепленными в конституции, но и этот признак не приведет его к верному вектору интерпретации. В условиях функционирования экспертного дискурса эти термины должны пониматься, как «свободы воздушного пространства». Они представляют собой девять наборов правил гражданской авиации, дающих право авиакомпаниям страны привилегии входить в воздушное пространство другой страны и приземляться на её

территории, сформулированных в результате разногласий по поводу степени либерализации авиации, заложенной в Конвенции о международной гражданской авиации. Таким образом, под термином «third freedom» понимается право на полёт из своей страны в другую, «fifth freedom» означает право на полёт между двумя иностранными государствами в ходе перелёта, начинающегося или заканчивающегося в своей стране (Рис. 2).

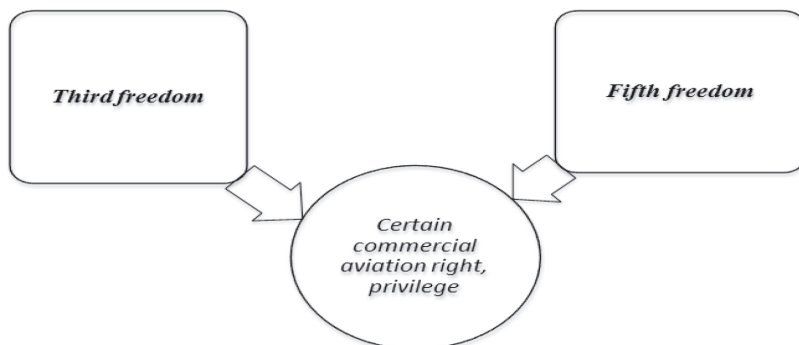

Рис. 2. Интерпренанта терминологизированного знака

Аналогичным образом проанализируем тот же языковой знак, но в другом экспертном сообществе.

6DoF refers to the movement of a rigid body in three-dimensional space. Specifically, the body is free to change position as forward/backward (surge), up/down (heave), left/right (sway) translation in three perpendicular axes, combined with changes in orientation through rotation about three perpendicular axes, often termed pitch, yaw, and roll. (7)

Шесть степеней свободы указывает на возможность геометрической фигуры совершать геометрические движения в (трёхмерном) пространстве, а именно: двигаться вперёд/назад, вверх/вниз, влево/вправо (в декартовой трёхмерной системе координат), включая повороты вокруг каждой из трёх взаимно перпендикулярных осей (рыскание, тангаж, крен). (7.1)

При переводе аббревиатуры «6DoF» переводчик руководствуется следующим алгоритмом: 6DoF – Six degrees of freedom – шесть

степеней свободы. В отличие от примера (6), экспертное сообщество вводит термин «шесть степеней свободы» не по признаку их перечисления от одного до шести. Числительное «шесть» применительно к «степени свободы» возникает из-за возможности геометрической фигуры совершать движения в трёхмерном пространстве. Поскольку движение вдоль каждой из трёх осей не зависит от движения по остальным двум и вращения вокруг любой из осей, движение имеет шесть степеней свободы. В данном примере наблюдается оперирование термином, содержание которого известно участникам Дискурса Экспертного Сообщества, поэтому интерпретанты экспертов стремятся к общему объекту реальной действительности и не являются разнонаправленными.

В научной литературе общепризнанным является тот факт, что термины – это слова или словосочетания специальной сферы употребления, которые отличаются от единиц общеупотребительного языка. О.А. Зяблова в своем исследовании экономических текстов предполагает, что термины могут выходить за пределы своей естественной среды обитания, которую принято называть «языками для специальных целей» [4]. Терминологические единицы зачастую теряют свои специфические особенности и, детерминируясь, либо становятся единицами общеупотребительного языка, либо сближаются с обиходной лексикой. Однако существует возможность обратного процесса метаморфоз: единица общеупотребительного характера приобретает новые характеристики и становится в дальнейшем термином. Количество специфических черт, отличающих термин от общеупотребительной единицы повседневного языка, зависят от множества параметров: отрасли знания, типа текста, коммуникативной ситуации, участников беседы и т.д. [4, с. 34–43].

Рассмотрев семиотические сущности в рамках классификации дискурсивных практик, которая строится главным образом по типу социализации точек зрения участников дискурса, мы можем заключить, что:

1. В условиях Дискурса Согласования участники дискурса оперируют понятиями с ограниченным объемом и содержанием, выстраивая вектор интерпретации, базируясь на ключевых признаках понятия;

2. В Дискурсе Экспертного Сообщества формулируется терминологический аппарат, который помогает дифференцировать экспертов от общества обывателей. Термин обладает наиболее узким объемом и специфичным содержанием, поскольку однозначность термина обуславливается предельной, конечной интерпретацией знака.

Список литературы

1. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: Либриком, 2009. 240 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1998. 172 с.
3. Зигварт Х. Логика. Том 1. Учение о суждении, понятии и выводе. М.: Территория будущего, 2008. 80 с.
4. Зяблова О.А. Стратификация экономических текстов и их насыщенность специальными терминами // Вопросы филологии. М.: Северный город, 2005. №2. 102 с.
5. Ивлев Ю.В. Логика. М.: Логос, 2001. 272 с.
6. Каплуненко А.М. Концепт – понятие – термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-тихоокеанский регион: диалог языков и культур: сб. науч. докладов межд. конф. (20–31 января 2007 г.). Иркутск: ИГЛУ, 2007. С. 115–120.
7. Крапивкина О.А. Концепт vs понятие: феноменологизм vs конвенционализм // Вектор науки ТГУ. Тольятти: ТГУ, 2016. С. 95–98.
8. Флоренский П.А. Сочинения в 2 т. Т. 2. У водоразделов мысли. М.: Изд-во Правда, 1990. 448 с.
9. CED – Collins English Dictionary. 9th ed. NY: HarperCollins, 2005. 1888 p.
10. Fairclough N. Critical Language awareness. London: Longman, 1992. P. 22.
11. Fasold R. Sociolinguistics of Language. Oxford: Blackwell, 1990. 360 p.
12. MWLD – Merriam-Webster’s learning dictionary [Electronic resource] / American English Dictionary for Students of ESL, EFL, and the TOEFL Test. URL: <http://www.learnersdictionary.com>. (дата обращения 15.02.2017).
13. OWD – Oxford Wordpower Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2000. 795 p.
14. Saintcrow L. Working for the Devil. NY: Warner books, 2006. 416 p.

15. Kwong K. Towards Open Skies and Uncongested Airports: An Opportunity for Hong Kong. Hong Kong: The Chinese University Press, 1988. 86 p.

References

1. Vojshvillo E.K. *Ponjatie kak forma myshlenija: logiko-gnoseologicheskij analiz* [The concept of a form of thinking: logical-epistemological analysis]. M.: Librikom, 2009. 240 p.
2. Hegel G.W.F. *Nauka logiki* [Science of logic]. M.: Mysl', 1998. 172 p.
3. Sigwart H. *Logika. Tom 1. Uchenie o suzhdenii, ponjatii i vyvode*. [Logic. Vol. 1. The Judgment, Concept, and Inference]. M.: Territorija budushhego, 2008. 80 p.
4. Zjablova O.A. Stratifikacija jekonomicheskikh tekstov i ih nasyshhenost' special'nymi terminami [Stratification of economic texts and their specific terms]. *Voprosy filologii*. M.: Severnyj gorod, 2005, №2. 102 p.
5. Ivlev Ju.V. *Logika* [Logic]. M.: Logos, 2001. 272 p.
6. Kaplunenko A.M. Koncept – ponjatie – termin: jevoljucija semioticheskikh sushhnostej v kon-tekste diskursivnoj praktiki [Concept – Notion – Term: evolution of semiotic entities in the context of discursive practice]. *Aziatsko-tihookeanskij region: dialog jazykov i kul'tur* [Asia-Pacific Region: Dialogue of Languages and Cultures: A Compilation of Scientific Reports of the International Conference (January 20–31, 2007)]. Irkutsk: ISLU, 2007, pp. 115–120.
7. Krapivkina O.A. Koncept vs ponjatie: fenomenologizm vs konvencionizm [Concept vs notion: fenomenologism vs conventionalism]. *Vektor nauki TSU, Tolyatti: TSU*, 2016, pp. 95–98.
8. Florensky P.A. *Sochinenija* [Writings]. Vol. 2. M.: Pravda, 1990. 448 p.
9. Collins English Dictionary. S. Anderson. NY: HarperCollins, 2005. 1888 p.
10. Fairclough, N. *Critical Language awareness*. London: Longman, 1992. P. 22.
11. Fasold, R. *Sociolinguistics of Language*. Oxford: Blackwell, 1990. 360 p.
12. Merriam-Webster's learning dictionary. American English Dictionary for Students of ESL, EFL, and the TOEFL Test. URL: www.learners-dictionary.com.

13. Oxford Wordpower Dictionary. J. Turnbull. Oxford: Oxford University Press, 2000. 795 p.
14. Saintcrow L. Working for the Devil. NY: Warner books, 2006. 416 p.
15. Kwong K. Towards Open Skies and Uncongested Airports: An Opportunity for Hong Kong. Hong Kong: The Chinese University Press, 1988. 86 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Тюрнева Татьяна Викторовна, доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук.

Иркутский государственный университет

ул. Ленина, 8, г. Иркутск, 664025, Российская Федерация

tyurueva_tv@bk.ru

Щурик Наталья Викторовна, доцент кафедры перевода и переводоведения, кандидат филологических наук, доцент

Иркутский государственный университет

ул. Ленина, 8, г. Иркутск, 664025, Российская Федерация

amistad@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tyurueva Tatyana Viktorovna, Associate Professor of the English Philology Department, Candidate of Philology

Irkutsk State University

8, Lenin Str., Irkutsk, 664025, Russian Federation

tyurueva_tv@bk.ru

ORCID: 0000-0001-9554-4526

Shchurik Natalia Viktorovna, Associate Professor of the Department of Translation and Translation Studies, Candidate of Philology, Associate Professor

Irkutsk State University

8, Lenin Str., Irkutsk, 664025, Russian Federation

amistad@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0036-5582

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

COGNITIVE LINGUISTICS AND LINGUOCULTURAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-126-135

УДК 800, 81

УСТОЙЧИВЫЙ СЛОВЕСНЫЙ КОМПЛЕКС В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Жебрунова Л.А.

Цель. Статья посвящена анализу устойчивого словесного комплекса как языкового явления в условиях интеграции специализированных научных знаний. Предметом анализа выступают процессы эволюции понятия устойчивого словесного комплекса с момента его определения в русскоязычной лингвистике XX века и по сей день. Автор ставит целью показать возможность применения данного понятия для исследования терминологических систем в рамках когнитивно-дискурсивной лингвистики.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляет метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Результаты. Результаты исследования заключаются в том, что автор показывает место сложного термина как устойчивого словесного комплекса во фразеологических исследованиях и уточняет статус последних в рамках лингвокогнитивной исследовательской парадигмы.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены для лингвистического анализа текстов и терминосистем в рамках когнитивно-дискурсивной фразеологии.

Ключевые слова: устойчивый словесный комплекс; воспроизводимость; фразеологизация; фразеологическая единица; сложный термин.

COGNITIVE AND DISCOURSE LINGUISTICS: STABLE WORD COMPLEXES

Zhebrunova L.A.

Purpose. *The article is devoted to analysis of the stable word complex as a linguistic unit as it is acquiring a new vision within the integrated scientific knowledge. The subject of analysis is the evolution of the above-mentioned notion from the moment of its defining in the Russian linguistics of the XX century and up to the present. The author aims to demonstrate the possible practical application of the above-mentioned notion to the terminological research within the cognitive-discourse paradigm.*

Methodology. *The comparative analysis constitutes the basis of the research.*

Results. *The results of the study are that the author defines the complex terminological unit as a stable word complex and shows its implementation in the phraseology within the field of cognitive linguistic research paradigm.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the linguistic texts analysis as well as the analysis of the terminological lexical systems within cognitive-discourse phraseology.*

Keywords: *stable word complex; replicating; phraseologisation; phraseological unit; complex term.*

В условиях глобализации лингвистические тексты все чаще становятся объектом научного исследования, когда становится особенно очевидным, что тот, кто владеет информацией – владеет миром. Одной из значимых частей лингвистического текста признаются устойчивые (воспроизводимые) сочетания слов. Знание об их природе, функционировании, развитии (т.е. приобретении новых черт в опре-

деленных условиях, трансформации и т.п.) возможно использовать напрямую – в лингвистических исследованиях (например, лексикографии, фразеологии, текстологии), и косвенно – в информационных технологиях (электронные словари, переводчики, базы данных), технологиях поиска и анализа информации (контент-анализ) и так далее. Подробно разработанная еще в двадцатом веке концепция устойчивого словесного комплекса сегодня приобретает новое звучание и дополняется новыми разработками, свежими взглядами в теории языка.

Определение устойчивого словесного комплекса в русскоязычной лингвистике полно и однозначно изложено в работах Л.И. Ройзензона [11, 12]. Устойчивый словесный комплекс (УСК) – это языковая единица, возникшая в результате фразеологизации, которой присуще свойство воспроизводимости в языке и речи в качестве готовой единицы более сложной организации, чем слово [12, с. 100], а все другие ее свойства являются вариантными. Подчеркивается, что воспроизводимость можно разделить на два типа: *фразеологическую* и *вероятностно-дистрибутивную*, причем в основе их лежат различные психолингвистические механизмы, хотя между ними наблюдаются и сходные моменты. Наиболее важный (и единственный общий для всех УСК!) признак – это воспроизводимость в качестве готовых единиц. «При таком подходе отпадает вопрос, относить ли к фразеологии все УСК или лишь некоторые их разряды, обладающие набором ряда признаков фразеологичности, которые выдвигают те или иные ученые» [12, с. 102]. Основным качеством фразеологической воспроизводимости является ее дихотомический характер: «В этом случае воспроизводимость понимается как повторение единицы в одном и том же качестве в ситуации, когда то же и подобное повторение может быть воспринято и в другом качестве» [12, с. 104]. Значит, некий оборот может воспроизводиться в качестве УСК только потому, что тот же оборот может восприниматься также как нефразеологическое лексемосочетание. Очень часто существует и теоретически всегда допустимо существование такого же свободного лексемосочетания, которому УСК и противопоставлен.

Воспроизводимыми являются лишь такие единицы, которые в процессе речи могут быть сконструированы заново, то есть качеством воспроизводимости могут обладать *делимые* единицы, состоящие из единиц низшего порядка. Смысл фразеологической воспроизводимости заключается в том, что УСК в процессе речи не создаются, как то может быть со словами или словосочетаниями (окказионализмы, например), а *воссоздаются*. И только после процесса речи возможно стабилизирование новых устойчивых образований и превращение их в УСК. Таким образом, УСК – это языковые единицы.

Таким образом, все УСК противопоставлены в системе языка, с одной стороны, слову, с другой – свободно организуемым лексемосочетаниям. Некоторые исследователи (А.В. Кунин [8] и другие), считают, что факт наличия в языке таких образований, которым не противопоставлены в языке лексические сцепления свободного синтаксического типа, противоречат понятию дихотомической воспроизводимости (терминологические сочетания типа «субстантивированное прилагательное»). Но Л.И. Ройзензон справедливо возражает, что отсутствие подобных «двойников» не говорит об отсутствии самого признака дихотомии, скорее всего, здесь мы имеем дело с «индиректной дихотомией» [12, с. 10]. Ведь если признать действительное отсутствие данного признака у таких УСК, то приходится говорить о том, что они возникли из ничего. На самом деле формальной схемой образования таких фразеологических единиц обязательно послужил какой-то свободный образец. В данном случае, наблюдается совпадение только формы, а содержание не совпадает, в отличие от обычной дихотомии, когда совпадают оба плана (частично или полностью).

В нашей работе [3] мы доказали, что к УСК можно также отнести сложные термины, следовательно, последние возможно рассматривать в рамках фразеологии (в ее «широком» понимании). Споры о языковой сущности сложных терминов и номенклатурных обозначений до сих пор очень актуальны. На природу терминов существуют две противоположные точки зрения: одни ученые говорят о полной их принадлежности к объекту изучения фразеологии; другие отрицают их фразеологическую природу (например, А.Н. Кожин) [7, с. 89–133].

А.И. Молотков и В.П. Жуков – сторонники второй точки зрения. О принадлежности сложных терминов к УСК А.И. Молотков говорит следующее: «В отличие от фразеологизма они возникли не за счет лексикализации словосочетаний, не за счет преобразования того или иного словосочетания в термин, а за счет обозначения определенным словосочетанием терминологического понятия. Они категориально суть словосочетания» [10, с. 13]. На это Л.И. Ройзензон, опираясь на теорию фразеологизации, возражает, что УСК возникают не только посредством лексикализации словосочетаний [12, с. 142], поэтому нельзя приписывать всем УСК признак лексикализации. Кроме того, А.И. Молотков утверждает, что «мотивация смысла в таком употреблении этих словосочетаний не объяснима прямолинейно из значений слов, составляющих эти словосочетания, хотя от этого подобное словосочетание не перестает быть сочетанием слов» [10, с. 13]. Однако, указывает Л.И. Ройзензон, если лексемосочетание обладает общим смыслом, не выводимых из суммы значений его составляющих, то оно, безусловно, является УСК.

В свою очередь, В.П. Жуков [4] говорит о близости сложных терминов к фразеологическим сочетаниям, но отмечает, что в составе их (сложных терминов) слова не утрачивают своей лексико-семантической самостоятельности. Он считает, что относить подобные словосочетания к фразеологии нужно на основе семантического критерия. Таким образом, к фразеологии он относит ряд сложных терминов, которые возникли на основе метафорического переосмысления словосочетаний, например, анютины глазки. Л.И. Ройзензон указывает на неправомерность использования в качестве решающего такого специфического признака, как семантические свойства компонентов словосочетания.

А.Н. Кожин в своей работе «Слова термины и термины-«фразеологизмы», развивая тему принадлежности сложных терминов к области фразеологии, подчеркивает, что, хотя последние и обладают устойчивостью, воспроизводимостью и реализуют целостный смысл, но, в то же время, имеют точки соприкосновения со свободными словосочетаниями [7, с. 71]. Фразеологические единицы

(ФЕ), по его мнению, не просто обладают целостным значением, но оно обычно бывает образным и характеристичным, что не присуще сложным терминам и номенклатуре. Л.И. Ройзензон указывает, что не все сложные термины не обладают данным свойством – с одной стороны, а с другой – данное свойство не является решающим признаком фразеологичности [12, с. 145].

Фразеология в ее «широком» понимании не состоит из однородных единиц (то есть не существует общего набора признаков фразеологичности), поэтому нельзя говорить о неправомерности противопоставления сложных терминов и других типов УСК на основании каких-то особых, только им присущих черт. Л.И. Ройзензон считает сложные термины и номенклатурные обозначения (СТН) частью фразеологии. Рассматривая СТН, он приходит к выводу, что они возникают в результате фразеологизации и обладают признаком воспроизводимости, вследствие чего ученый относит их к УСК (и области фразеологии).

Исследуя УСК в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, можно представить ФЕ как знак производно-образной (вторичной) номинации, важнейшей особенностью которого является воспроизведение ассоциируемых предметов в памяти [1]. Таким образом, в рамках теории языка приобретают большое значение работы, исследующие термины как языковые структуры, кодирующие развернутые информационные сообщения [5] [6] [9] [15]. Термины, состоящие из двух и более слов, рассматриваются как устойчивые словесные комплексы. Терминологика являет собой результат вербализации профессионального знания как когнитивной модели, определенным образом организованной и нацеленной на саморазвитие. Будучи знаковыми единицами, термины соотносятся не со статичными денотатами, а именно с когнитивно-дискурсивными моделями [14]. Таким образом, сложные термины как УСК подразумевают соотнесенность с целым фрагментом действительности, а не с отдельным денотатом. В последнее время терминосистемы не раз становились объектом изучения лингвистов – Л.А. Липилиной [9], Л.В. Ивиной [5], Е.О. Шибановой [15] и других. Разработаны специальные прави-

ла образования терминов для понятий или объектов определенного класса для различных областей знания. Так, сложные термины создаются добавлением к термину-доминанте конкретизирующих признаков, при этом получаются видовые понятия, непосредственно связанные с исходным. Такие термины фактически представляют собой «свернутые определения» или «свернутые смыслы». Они, указывая специфический признак, подводят данное понятие под более общее, образуя терминологические гнезда, куда входят многочисленные разновидности обозначаемого явления.

В завершение хотелось бы еще раз отметить, что к началу XXI века в языкознании оформилась когнитивно-дискурсивная исследовательская парадигма, акцентирующая внимание на получении, кодировке, хранении и передаче информации фразеологическими средствами [1, 2, 13]. В рамках этого подхода происходит интеграция концепций, идей и факторов из различных лингвистических парадигм: лингвокультурологической, коммуникативно-прагматической, когнитивной (все они объединены в когнитивно-дискурсивной фразеологии). Именно поэтому понятие устойчивого словесного комплекса приобретает новое звучание и может с успехом использоваться для общего обозначения фразеологической единицы, объекта изучения перечисленных выше направлений. В частности, в нашей работе [3] мы проанализировали концептуальные особенности фразеосемантических полей «страхование» и соответствующего ему в английском языке «insurance», а также выявили на примере данного материала основные аспекты терминологической номинации как процесса когнитивно-дискурсивного характера.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Эллис, 2008. 271 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и Мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
3. Жебрунова Л.А. Лингвокогнитивная модель фразеосемантического поля «Страхование» (на материале английского и русского языков):

- дис. ... к. филол. н. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2009. 225 с.
4. Жуков В.П. Фразеологическая переходность в русском языке. Л.: Наука, 1984. 93 с.
 5. Ивина Л.В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М.: Академический Проект, 2003. 304 с.
 6. Казарина С.Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий. Краснодар: изд-во Куб. гос. мед. акад., 1998. 276 с.
 7. Кожин А.Н. Слова-термины и термины-«фразеологизмы» // Вопросы фразеологии № 3. Самарканд, 1970. С. 89–133.
 8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.
 9. Липилина Л.А. Когнитивные аспекты семантики метафорических инноваций: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19. М.: МГУ, 1998. 24 с.
 10. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 274 с.
 11. Ройзензон Л.И. Фразеологизация как лингвистическое явление // Труды СамГУ им. А. Навои. Вып. 113. Самарканд: Новая серия, 1961. С. 101–117.
 12. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973. 221 с.
 13. Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. науч. трудов. Вып. 30. М.: МАКС-Пресс, 2005. С. 4–42.
 14. Хохлова Е.Л. Особенности терминосистемы исторической науки: определение границ предметной области и проблемы терминографирования // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс русистов-исследователей: Сб. материалов научно-практической конференции. М.: МГУ, 2004. С. 250–258.
 15. Шибанова Е.О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики (на материале англоязычной прессы): Дисс. канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1999. 198 с.

References

1. Alefirenko N.F. *Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm* [Phraseology in the modern linguistic paradigm]. M.: Elpis, 2008. 271 p.
2. Arutyunova N.D. *Yazyk i Mir cheloveka* [Language and the Human world]. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 895 p.
3. Zhebrunova L.A. *Lingvokognitivnaya model' frazeosemanticheskogo polya «Strakhovanie» (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [Cognitive linguistic model of the phraseosemantic field 'Insurance' on the material of the Russian and English languages]: PhD Dissertation. Smolensk: Smolensk University of Humanities, 2009. 225 p.
4. Zhukov V.P. *Frazeologicheskaya perekhodnost' v russkom yazyke* [Phraseological transitivity in the Russian Language]. L.: Nauka, 1984. 93 p.
5. Ivina L.V. *Lingvokognitivnye osnovy analiza otraslevykh terminosistem (na primere angloyazychnoy terminologii venchurnogo finansirovaniya)* [Cognitive linguistic basics of the analysis of the special terminological systems]. M.: Akademicheskii Proekt, 2003. 304 p.
6. Kazarina S.G. *Tipologicheskie kharakteristiki otraslevykh terminologii* [Typological characteristics of the special terminologies]. K., 1998. 276 p.
7. Kozhin A.N. Slova-terminy i terminy-«frazеологизмы» [Words-terms and terms-'phraseological units']. *Voprosy frazeologii*. № 3. Samarkand, 1970, pp. 89–133.
8. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [The course of phraseology of the modern English Language]. M.: Vysshaya shkola, 1986. 336 p.
9. Lipilina L.A. *Kognitivnye aspekty semantiki metaforicheskikh innovatsiy* [Cognitive aspects of the semantics of the metaphorical innovations]: Dissertation PhD (Autoreferat). M.: MGU, 1998. 24 p.
10. Molotkov A.I. *Osnovy frazeologii russkogo yazyka* [Phraseology basisc of the Russian Language]. L.: Nauka, 1977. 274 p.
11. Royzenzon L.I. *Frazeologizatsiya kak lingvisticheskoe yavlenie* [Phraseologisation as a linguistic phenomenon]. *Trudy SamGU im. A. Navoi*. Vol. 113. Samarkand: Novaya seriya, 1961, pp. 101–117.
12. Royzenzon L.I. *Lektsii po obshchey i russkoy frazeologii* [Lectures on the general and Russian Phraseology]. Samarkand, 1973. 221 p.

13. Teliya V.N. *O fenomenе vosproizvodimosti yazykovykh vyrazheniy. Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya: sb nauch. trudov* [On the phenomenon of the replicating of the language compounds. Language. Consciousness. Communication: collective works]. Vol. 30. M.: MAKS-Press, 2005, pp. 4–42.
14. Khokhlova E.L. Osobennosti terminosistemy istoricheskoy nauki: opredelenie granits predmetnoy oblasti i problemy terminografirovaniya [Peculiarities of the historical terminological system: definition of the subject field and issues of the terminography]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. II Mezhdunarodnyy kongress rusistov-issledovateley* [Russian language: historical destinies and the present. II International Congress of Russian Researchers: Proceedings of the Scientific and Practical Conference]. Collective Works. M.: MGU, 2004, pp. 250–258.
15. Shibanova E.O. *Metaforicheskie kontseptual'nye sistemy v sfere ekonomiki i politiki (na materiale angloyaychnoy pressy)* [Metaphorical conceptual systems in the fields of economics and politics: on the material of the English mass media]: PhD Dissertation. M., 1999. 198 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Жебрунова Людмила Александровна, доцент кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин, кандидат филологических наук

Смоленский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

ул. Нормандия-Неман, 21, г. Смоленск, Смоленская область, 214000, Российская Федерация

ludmila.888@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zhebrunova Lyudmila Aleksandrovna, Assistant Professor, Specialized Department of Sciences and Humanities, Ph. D. in Linguistics
*Smolensk Branch of Plekhanov Russian University of Economics
21, Normandia Neman Str., Smolensk, Smolenskaya oblast,
214000, Russian Federation
ludmila.888@mail.ru*

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES AND TRANSLATION STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-136-144

УДК 811.11-112

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

Кузнецова Т.Н., Трукова А.И.

***Цель.** Статья посвящена особенностям перевода немецкой поэзии на чувашский язык. На примере стихотворения Г. Гейне «Lorelei» и его перевода на чувашский язык, выполненном чувашским поэтом Г. Шевкен, проводится сравнительно-сопоставительный анализ перевода и оригинала, определяется качество перевода произведения. Цель исследования заключается в комплексном анализе перевода стихотворения Г. Гейне «Lorelei» на чувашский язык, рассмотрении лингвистических и стилистических особенностей перевода поэзии.*

***Метод или методология проведения работы.** Основными методами данной работы являются сопоставительный, лингвистический, описательный, историко-литературный методы исследования.*

***Результаты.** В статье проведен сопоставительный лингвистический анализ перевода и оригинала стихотворения Г. Гейне «Lorelei», показано качество перевода произведения.*

Область применения результатов. *Полученные результаты могут найти свое применение в учебных курсах по общему и сравнительному языкознанию, типологии языков, теории художественного перевода, стилистике, а также на практических занятиях по иностранному языку.*

Ключевые слова: *перевод; описание; сравнительно-сопоставительный анализ; текст оригинала; поэтический текст.*

GERMAN POETRY: LINGUISTIC AND STYLISTIC PECULIARITIES OF TRANSLATION INTO THE CHUVASH LANGUAGE

Kuznetsova T.N., Trukova A.I.

Purpose. *The article is devoted to peculiarities of German poetry translation into Chuvash language. Comparison and collation, based on Lorelei by H. Heine and its translation as an example, of both the translation and original is carried out along with evaluation of the translation quality. Lorelei by H. Heine was translated into the Chuvash language by G. Shevken.*

The purpose of the research is a complex analysis of the translation of the poem into Chuvash language, including consideration of the linguistic and stylistic peculiarities of the poetry translation.

Methodology. *The main methods of this work are as follows: comparative, linguistic, descriptive, historical and literary methods.*

Results. *The article provides a comparative linguistic analysis of both the translation and original of the poem by H. Heine, and shows the translation quality.*

Practical implications. *The results can find application in training courses on general and comparative linguistics, language typology, literary translation theory, stylistics, as well as practical foreign language training.*

Keywords: *translation; description; comparative analysis; original text; poetic text.*

Перевод поэзии представляет собой особую сложность, так как стихи являются краткими и сжатыми по структуре, глубокими по содержанию. «Перевод поэтического произведения в большей степени зависит от умелого использования многообразия языковых средств, неисчерпаемых смысловых и стилистических богатств языка, нежели проза; в силу специфики жанра в стихотворном переводе, кроме передачи основного содержания, необходимо передать ритмико-мелодическую и композиционно-структурную сторону подлинника» [5, с. 21]. «Переводные поэтические тексты служат для осуществления сложного коммуникативного процесса: духовного общения между автором и читателями, воспитанными в другой культуре и в лоне другого языка. Следовательно, поэтический перевод необходимо рассматривать как явление интерлингво-культурной коммуникации» [3, с. 290].

Рассмотрим лингвосемантический анализ перевода на примере произведений немецких поэтов. Выдающимся представителем немецкой поэзии является поэт и публицист с мировым значением Г. Гейне. Его произведения известны во всем мире и переводились на разные языки. Произведениями Г. Гейне были заинтересованы русские поэты разных направлений: М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.К. Толстой и др.

Творчество Г. Гейне также вызвал интерес у чувашских поэтов и литераторов. Переводами его произведений занимались следующие чувашские поэты-переводчики: Я.В. Турхан (Васильев), В.Е. Митта, А.С. Артемьев, Г.Г. Прокопьев (Шевкен) и др.

Чувашский поэт и фольклорист Я.В. Турхан перевел стихотворение Г. Гейне «Ein Fichtenbaum» («Сосна», 1822) на чувашский язык (1905), в котором он передал то же чувство одиночества и тоски, что и в оригинале, ту же мечту о друге, который где-то далеко испытывает то же настроение.

Стихотворение Г. Гейне «Лорелея» (1823) было переведено на русский язык многими авторами (К. Павлова, М. Михайлов, С. Черный, А. Блок, В. Левик и др.). В настоящее время существует более двадцати переводов данного стихотворения. На чувашский язык данное стихотворение перевел чувашский поэт, преподаватель немецкого языка Г.Г. Прокопьев (Г. Шевкен).

Рассмотрим особенности перевода стихотворения «Лорелея» на чувашский язык. Г. Гейне называет данное стихотворение *сказкой старых времен* (*ein Märchen aus alten Zeiten, нёр юмах*), которая *не выходит из головы* (*das kommt mir nicht aus dem Sinn, тухмасть ниепле нуçăмран*). При чтении этого произведения в первой же строке видим его автора (*Ich weiss nicht – нълместён, не знаю*); он говорит о своей печали – вначале это не ясное ему самому чувство, которое он пытается понять с помощью сказки «старых времен». Он медленно подходит к печальной ясности: *Ich weiss nicht – нълместён (не знаю)* – первая строка первой строфы; *Ich glaube, die Wellen verschlingen am Ende Schiffer und Kahn – кимми те, луткаçё те нутёç чарусăр хумсем вайёне* (*и лодка, и пловец утонут среди сильных волн*) – первые строки последней строфы – это путь, который проходит поэт от начала стихотворения к его концу. На основании оригинала произведения и перевода на чувашский язык можно сказать, что 1 и 6 строфы стихотворения «Лорелея» – это выражение собственного чувства поэта, его взгляды на жизнь, на любовь, а 2 – 5 строфы – это миф о Лорелее.

Первую строку первой строфы Г. Шевкен не начинает со слов *не знаю*, как автор данного стихотворения и многие переводчики, а ставит данное слово только после выражения *что это значит*:

Ich weiss nicht, was soll es bedeuten – Мёне нълтерет ку – нълместён (что это значит, не знаю). Скорее всего, переводчик не хочет начинать произведение с отрицания.

Предложение *Dass ich so traurig bin* в подлиннике является утвердительным, а на языке перевода автор переделывает его в вопросительное предложение: *Мён-ма-ха салху эп ялан? (Почему я всегда печальный?)*.

В переводе выражения *das Märchen aus alten Zeiten* Г. Шевкен добавляет глагол *илтсеччё* (*слышал*): *тахçан нёр юмах илтсеччё* (*слышал я когда-то сказку*).

Предложение *Die Luft ist kühl, und es dunkelt* автор переводит *Шăвать ту çине каçхи сулхăн* (*ночная мгла движется к горе*), используя метафору.

Третью строфу Г. Гейне начинает с описания красивой девушки *die schönste Jungfrau* и показывает, где она сидит: *dort oben*

wunderbar. Переводчик Г. Шевкен называет сначала где: *çÿлте, çыранта илёртÿллё (высоко над водой)*, а потом только кто сидит: *ытарма çук нике (ненаглядная красавица)*. В переводах русских поэтов (В. Левика, В. Брюсова) словосочетание *die schönste Jungfrau* передается только словом *девушка*, свойственным нейтральному стилю и не передающим всех значений. Г. Шевкен в своем переводе использует словосочетание *ытарма çук нике (ненаглядная красавица)*. В переводном стихотворении, как и у Г. Гейне, речь идет о прекрасной девушке, которая своей удивительной красотой и дивным пением заманивает проплывающих мимо корабельщиков.

В стихотворении «Лорелея» используются лексические повторы, например, слово *gold* – *ылтӑн (золотой)*:

*Ihr goldenes Geschmeide blitzet,
Sie kämmt ihr goldenes Haar.
Sie kämmt es mit goldenem Kamme –
Çиçет хёвелле ылтӑн тумё,
Турать юрласа хёр çÿсне.
Тури те ун, çÿçё те ылтӑн...
Одежда на ней золотая,
И гребень в руке — золотой.
И кос ее золото вьется... (В. Левик)*

В оригинале произведения слово *gold (золотой)* встречается три раза, в переводе слово *ылтӑн (золотой)* – только два раза, переводчик использует слово *ылтӑн (золотой)* в одной строке сразу для двух слов: *тури те, çÿçё те (и расческа, и волосы)*. Слово *kämmt (расчесывает)* в аналогичной грамматической форме используется в двух строках подряд, а в чувашском переводе первом случае используется глагол *турать (расчесывать)*, а в следующей строке используется однокоренное имя существительное *тура (расческа)*.

*Und das hat mit ihrem Singen
Die Lorelei getan. –
Çакна Лорелея йӑлт турё
Чуна тыткӑнлан юррине.
И это все Лорелея
Сделала пенъем своим. (В. Левик).*

Если сравнить эти строки, то в переводе автор применяет эпитет *чуна тыткӑнлан* к слову *юррине*, хотя в оригинале слово *Singen* употребляется без эпитета.

В переводе стихотворения «Лорелея» на чувашский язык используются слова различных стилистических окрасок. Это и нейтральная лексика: *пӗлместӗн* (*не знаю*), *юмах* (*сказка*), *ларать* (*сидит*), *юрри* (*ее песня*), *пӑхать* (*смотрит*), *луткаçӑ* (*пловец*), *путӗç* (*утонут*) и т. д.; и приподнято-романтическая: *илӗртӗллӗ* (*привлекательная*), *ытарма çук пике* (*ненаглядня девушка*), *чуна тыткӑнлан юррине* (*с захватывающей песней*) и т. д. Здесь представлены и конкретные существительные: *луткаçӑ* (*пловец*), *кимӗри* (*на лодке*), *тумӗ* (*ее одежда*), *тури* (*ее гребень*), *юмах* (*сказка*), *юрри* (*ее песня*) и т. д.; и абстрактные существительные, включая имена собственные – *Лорелея*, *Рейн*; наименования природных явлений – *каçхи сулхӑн* (*прохладные сумерки*), *çут шевкен* (*закат*).

О душевном переживании автора узнаем от глаголов, имеющих психологическую семантику: *пӗлместӗн* (*не знаю*), *тухмасть пуçӑман* (*не выходит из головы*), *çунать* (*горит*), *турать юрласа* (*расчесывает и поет*), *тыткӑнлат* (*затрагивает*), *пӑхать* (*смотрит*), *курмасть* (*не видит*), *вилет* (*умирает*) и др. Глаголы оригинала и перевода употреблены в настоящем времени, что подчеркивает изобразительность происходящего и создает ощущение реальности переживаемых автором чувств.

Слова *салху* (*грустный*), *тунсӑх* (*тоска*) передают душевное состояние автора и тончайшие нюансы чувств и эмоциональной выразительности. Романтическое описание лирического пейзажа изображает тревожность души поэта: *каçхи сулхӑн* (*прохладные сумерки*), *тусен тӑрринче çиçет çулӑм* (*вся в искрах вершина горы*), *çунать ялкӑшса çут шевкен* (*яркой искрой горит закат*).

Г. Шевкен в своем переводе сохранил фольклорные элементы, синкретизм образа Лорелеи, простоту форм, напевность произведения. Соблюдая особенности перевода поэтического текста, переводчик передает читателю его эстетическую ценность, сохраняя специфику произведения Г. Гейне, его историческое и национальное содержание. «Сопоставление оригинала и перевода «Лорелеи» следует рассматри-

вать как соответствие эстетической ценности подлинника созданному его художественному переводу при сохранении удивительной гармонии единства формы и содержания стихотворения» [4, с. 85].

Стихотворение Г. Гейне «Lorelei» и его перевод состоят из одинакового количества строф (по 6 строф), каждая строфа состоит из 4 строк, в которых используется ритмический параллелизм с перекрестной рифмовкой, синтез силлабо-тонического литературного стиха с тонизмом народного стиха. Следует отметить, что в переводе стихотворения «Лорелея» 9-сложные строки чередуются с 8-сложными, а в оригинале строки содержат разное количество слогов (в основном 6, 7, 8-сложные).

Сравнительно-сопоставительный анализ стихотворения Г. Гейне «Lorelei» и перевода на чувашский язык показал, что переводчику удалось передать содержание поэтического произведения, его эмоциональную окраску. Автор перевода также сохранил структуру произведения: количество строф и строк подлинника и переводного произведения совпадают, а количество слогов в стихе подлинника и перевода отличается.

Список литературы

1. Брандес М.П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка). М.: Высш. школа, 1988. 126 с.
2. Гончаренко С.Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика. М.: МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 108–111.
3. Латышев Л.К. Технология перевода. М.: Просвещение, 2000. 280 с.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. 207 с.
5. Родионов В.Г. Чувашский стих: Проблемы становления и развития. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1992. 224 с.
6. Современные проблемы филологии Урало-Поволжья: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд. Чуваш. ун-та, 2007. 286 с.
7. Трукова А.И. Поэтический дискурс и перевод // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 290–294.
8. Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высш. шк., 1971. 195 с.

9. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
10. Эткинд Е. Стихотворный перевод как проблема сопоставительной стилистики. Л., 1965. 136 с.
11. Яковлева Т.Н. Немецкий и чувашский поэтические дискурсы: лингвососемантические и стилистические особенности перевода: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2010. 183 с.
12. Яковлева Т.Н. Немецкий и чувашский поэтические дискурсы: лингвососемантические и стилистические особенности перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2010. 24 с.

References

1. Brandes M.P. *Stil' i perevod (na materiale nemeckogo jazyka)* [Style and the translation (on German material)]. М.: Vyssh.shkola, 1988. 126 p.
2. Goncharenko S.F. Pojeticheskij perevod i perevod poezii: konstanty i variativnost' [Poetic translation and poetry translation: constants and variability]. *Tetradj perevodchika* [Translator's notebooks]. М.: MGLU, 1999, no. 24, pp. 108–111.
3. Latyshev L.K. *Tekhnologiya perevoda* [Translation technology]. М.: Prosveshchenie, 2000. 280 p.
4. Min'yar-Beloručev R.K. *Teoriya i metody perevoda* [Theory and methods of translation]. М.: Moskovskiy Litsey, 1996. 207 p.
5. Rodionov V.G. *Chuvashskij stih: Problemy stanovlenija i razvitija* [Chuvash verse: Issues of formation and development]. Cheboksary: Chuv. kn. izd-vo, 1992. 224 p.
6. *Sovremennye problemy filologii Uralo-Povolzh'ja: materialy mezhtregion. nauch.-prakt. konf.* [Modern problems of Philology of the Ural-Volga region: materials of interregional scientific-practical conference]. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta, 2007. 286 p.
7. Trukova A.I. Poeticheskij diskurs i perevod [Poetic discourse and translation]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2015. no 4, pp. 290–294.
8. Fedorov A.V. *Očerki obshhej i sopostavitel'noj stilistiki* [Essays of general and comparative stylistics]. М.: Vyssh. shk., 1971. 195 p.
9. Shvejcer A.D. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation theory: status, problems, aspects]. М.: Nauka, 1988. 215 p.

10. Jetkind E. *Stihotvornyj perevod kak problema sopostavitel'noj stilistiki* [Poetic translation as problem of comparative stylistics]. L., 1965. 136 p.
11. Yakovleva T.N. *Nemetskiy i chuvashskiy poeticheskie diskursy: lingvosemanticheskie i stilisticheskie osobennosti perevoda* [German and Chuvash poetic discourses: linguosemantic and stylistic translation peculiarities]. Cheboksary, 2010. 183 p.
12. Yakovleva T.N. *Nemetskiy i chuvashskiy poeticheskie diskursy: lingvosemanticheskie i stilisticheskie osobennosti perevoda* [German and Chuvash poetic discourses: linguosemantic and stylistic translation peculiarities]. Cheboksary, 2010. 24 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ

Кузнецова Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков №1
*Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
пр. Московский, 15, г. Чебоксары, Российская Федерация
elre2007@mail.ru*

Трукова Алена Ивановна, кандидат экономических наук, заведующая кафедрой иностранных языков №1
*Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
пр. Московский, 15, г. Чебоксары, Российская Федерация
alenatrukova@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kuznetsova Tatiana Nikolaevna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Foreign Languages Department № 1
*Chuvash State University
15, Moskovski pr., Cheboksary, Russian Federation
elre2007@mail.ru*

Trukova Alena Ivanovna, Candidate of Economic Sciences, Head of
Foreign Languages Department № 1
*Chuvash State University
15, Moskovski pr., Cheboksary, Russian Federation
alenatrukova@mail.ru*

РУССКАЯ И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

RUSSIAN AND WORLD LITERATURE

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-145-153

УДК 81-119

СИМВОЛИКА КОЛОРАТИВОВ В РАССКАЗЕ Л.Н. АНДРЕЕВА «СТЕНА»

Морицинский В.С.

***Цель:** данная статья посвящена лингвокультурологическому исследованию особенностей функционирования цветообозначений в рассказе Л.Н. Андреева «Стена». Автор ставит своей целью выявление функций колоративов в художественном тексте, а также соотнесение их с одной из символических групп, реализующих оппозицию «жизнь – смерть».*

***Метод:** в работе, помимо традиционных – описательного, сравнительно-сопоставительного – методов, а также элементов компонентного анализа, нашел применение метод лингвокультурологической интерпретации, позволяющий определить соотношение языкового и культурологического в реализации функций колоративов в произведении Леонида Андреева.*

***Результаты:** в ходе произведённого анализа установлено, что колоративы, функционирующие в рассказе Л.Н. Андреева «Стена», выполняют символическую функцию и в рамках символического противопоставления реализуют оппозицию «жизнь – смерть», которая является базовой как в этнокультурной, так и в индивидуально-авторской художественной картине мира.*

Область применения результатов: результаты данного исследования могут найти применение в педагогической практике словесников в вузе и школе при изучении творчества Л.Н. Андреева, а также в ходе выполнения интегративных лингвистических и культурологических исследований.

Ключевые слова: лингвокультурология; колоратив; семантика; символ; экспрессионизм.

SYMBOLISM OF THE COLOR NAMES IN THE STORY THE WALL BY L.N. ANDREYEV

Morschinsky V.S.

Purpose: *this article is devoted to the linguocultural study of peculiarities of the of color terms functioning in the story The Wall by L.N. Andreyev. The author aims to identify the functions of coloration in the literary text, as well as their correlation with one of the symbolic groups that implement the opposition «life – death».*

Methodology: *in addition to the traditional descriptive and comparative methods, as well as elements of the component analysis, the method of linguoculturological interpretation was applied that allows to determine the correlation between language and culture in the implementation of the coloration functions in the work by Leonid Andreyev.*

Results: *it was found that color terms, functioning in the story The Wall by L.N. Andreyev carry a symbolic function as well as implement the opposition «life – death» within the symbolic opposition framework, the former being fundamental in both ethno-cultural and author's artistic world view.*

Practical implications: *the results of this study can be used at both the university and school while studying works by L.N. Andreyev, as well as performing integrative linguistic and cultural studies.*

Keywords: *cultural linguistics; color-name; semantics; symbol; expressionism.*

XX век оказался переломной эпохой в истории европейской цивилизации. Начало века стало решающим для воцарения жутких тоталитарных режимов, установившихся в результате кровавых переворотов и гражданских войн. Технический прогресс, вопреки мечтаниям о новой и лучшей жизни, подарил человечеству ужасающие в своей сокрушительности орудия уничтожения. Человеческая жизнь окончательно обесценилась. Коренные изменения в образе мышления людей того времени, отмена устаревшей морали, изменение самой сути духовности породили широкий отклик в искусстве, в том числе в литературе [10, с. 339].

Великий русский писатель Леонид Николаевич Андреев был одним из тех, кто заметил эти страшные и необратимые изменения. Будучи, безусловно, человеком передовых демократических взглядов, Андреев, тем ни менее, прекрасно понимал сущность человеческой природы, которая была далека от любых идеалистических представлений [6, с. 370].

Рассказ «Стена» (1901) был крайне мрачно принят критикой того времени. А. Луначарский считал, что этот рассказ идеален «для иллюстрации злобы против самой жизни» [11, с. 44]. Н. Жегалов позже, но вслед за А. Луначарским, определяет в рассказе «специфически декадентское стремление дискредитировать человека...», которое «проявилось здесь в форме нелепого и безвкусного гротеска» [8, с. 259].

Наполненный трагичностью и безысходностью, рассказ не был понят социалистами и передовой критикой, воспевающей идеального человека. Лишь много позже мы можем обнаружить более трезвый взгляд на это произведение: стихия «революционных настроений и переживаний... , высоких упований, надежд и крылатого духа сменяется трезвым сознанием того, что в действительности всё прозаично... – и в плане субъектно-индивидуального сознания, и в плане общечеловеческом (планетарном)» [9, с. 330].

Сюжет произведения предстаёт перед нами в крайне упрощённом виде. Это история-притча, содержащая огромное количество мрачных отталкивающих образов. Натуралистическое отображение

действительности здесь причудливо сочетается с экспрессионистским взглядом на искусство. Тяготея к эстетике экспрессионизма, ставшей популярной как раз на заре нового века, Леонид Андреев насыщает своё произведение многочисленными колоративами, которые зачастую несут в себе глубокий символический смысл [7, с. 566]. «Протестуя против мировой войны и социальной несправедливости, против бездуховности жизни и подавленности личности социальными механизмами, мастера экспрессионизма совмещали протест с ужасом перед хаосом бытия. Кризис современной цивилизации предстал в произведениях экспрессионизма одним из звеньев апокалиптической катастрофы» [13, с. 46].

Рассказ «Стена» открывается безжизненным пейзажем, будто настраивающим читателя на нужное восприятие рассказа. Уже здесь, в самом начале произведения, мы видим, насколько важны для автора цветообозначения: «*И наша половина неба была буро-чёрная, а к горизонту тёмно-синяя, так что нельзя было понять, где кончается чёрная земля и начинается небо*» [1, с. 59].

Бесконечная, до горизонта, равнина пересекается гигантской стеной – центральным образом произведения и главным препятствием для его действующих лиц. «*Она...мигала огненными страшными глазами, озарившими чёрные бездонные пропасти, мрачную стену...*» [1, с. 61]. Образ ужасной стены дополняется описанием отвратительных человекообразных существ, которые мечтают перебраться за её пределы, но уже потеряли всякую надежду на это, как и свой человеческий вид.

Они дерутся друг с другом, в порыве самоубийственной ярости бросаются на стену, и мы видим образ стены как своеобразный зловещий языческий алтарь, на котором «*кроваво-серым пятном выступали на стене мозги...*» [1, с. 65].

Стена сосуществует в этом страшном параллельном мире вместе с бесконечной ночью: «*Ночь никогда не уходила от нас и не отдыхала за горами, чтобы прийти оттуда крепкой, ясно-чёрной и спокойной*» [1, с. 61]. Ночь для героев произведения предстаёт живой, и в этом автору, безусловно, помогают цветообоз-

начения. Андреев оживляет её: «...и сама **чёрная** ночь замкнула стоны в своей груди...» [1, с. 66]. Она клубится вокруг полулюдей, сжимая их, мешая им добраться до заветной цели. Она чувствует боль тех, кто находится в её власти: «глубоко вздохнула **чёрная** ночь» [1, с. 66].

Редкие представители человечества представлены более «живыми» цветами. «Я обнимал её, а она смеялась, и зубки у неё были **беленькие**, и щёчки **розовенькие-розовенькие**» [1, с. 62]. Однако «живое», в интерпретации Андреева, очень быстро начинает путь к своему упадку. Умирающая старуха предстаёт перед нами, «...обнажая **жёлтые** костлявые плечи...» [1, с. 65].

Занимаясь исследованием цветообозначений сквозь призму их символических значений, имеющих характерные для европейской цивилизации черты, в сравнении с их символикой в контексте рассказа «Стена», мы выявляем соответствия и расхождения между этнокультурной и индивидуально-авторской картинами мира. Жизнь ассоциируются у автора с *белым* цветом и его оттенками, например, *серым* цветом, а также проявляется в символическом употреблении прилагательного *седой*. Известно, что *белый* в традиционном богословии – это символ святости, чистоты и духовности [3, с. 552]. Важным представляется такое религиозно маркированное значение белого цвета, как чистота и непорочность, освобождение от грехов, а, следовательно, вечная жизнь, то есть не сама смерть, а то, что, по мнению христиан, должно следовать за ней [5, с. 107]. Таким образом, в произведениях Л. Андреева проявляется индивидуально-авторская специфика в символическом наполнении белого цвета. Эту особенность как характерную для раннего творчества писателя отмечает в своей статье и Е.А. Копысова: «Во всех рассмотренных примерах *белый* цвет несет на себе отрицательную экспрессию, и нет ни одного примера, где бы *белый* цвет соответствовал традиционному значению: «ясный, светлый, чистый» [12, с. 75].

В ряду наименований ароматических цветов нередко используется автором прилагательное *черный*, символизирующее кар-

тину распада и запустения. *Чёрный* в «Стене» – это цвет рока, неизбежности. *Чёрный* цвет проникает в образы персонажей, в описание природы, становится постоянным спутником, предвестником смерти. Чёрный в христианской культуре – это традиционный цвет зла, греха (красный в определенных ситуациях также символизировал грех – несправедную кровь), дьявола и ада, а также смерти. В символических значениях черного, как и у первобытных народов, у индоевропейцев сохранился и даже развился аспект «ритуальной смерти», смерти для мира [12, 124]. Отражение традиции в реализации данной символики мы обнаруживаем и в рассказе Л.Н. Андреева.

Синий (голубой) для христиан символизировал небо, был цветом вечности, настраивал на смирение, благочестие, выражал идею самопожертвования и кротости, а красный мог символизировать несправедную кровь, ад [5, с. 84].

Таким образом, цвета смерти как репрезентанты вечного покоя, вечной жизни, противопоставлены цвету рока, отчаяния и неуспокоения [5, с. 63].

Информативным в этом контексте является соотношение колоративной лексики в рассказе Л. Андреева: репрезентанты белого цвета представлены 4 единицами, красного – 7, черного – 10, синего – 2, жёлтого – 1 номинацией.

При этом именно белый (волосы, зубы), красный (огонь, кровь) и жёлтый (цвет плоти) соотносятся с семантическим полем «Жизнь», чёрный (символ отчаяния и отсутствия всякого света), синий (как символ спокойствия и безучастности небес) ассоциируется с полем «Смерть» в символической оппозиции «жизнь – смерть». Как видим, количественное соотношение колоративных репрезентантов полюсов указанной оппозиции в рассказе оказывается паритетным: 12 номинант соотносятся с полем «Жизнь» и 12 единиц представляют поле «Смерть», что позволяет сделать соответствующий вывод: в рассказе Л.Н. Андреева, помимо сюжетной линии, выстраивается символическая перспектива, которая реализуется посредством противопоставления колоративной лексики.

Интересен также тот факт, что равное количество слов-колоративов, соотносимых с полюсами анализируемой оппозиции, которая реализуется в рассказе «Стена», создаёт своеобразный баланс проявлений жизни и смерти в произведении, однако такой баланс оказывается при этом символически напряженным противопоставлением (противостоянием), что детерминирует особый трагизм рассказа. Таким образом, можно утверждать, что Л.Н. Андреев, как один из ярчайших представителей экспрессионизма, мастерски использует цветообозначения для решения собственных авторских установок.

Список литературы

1. Андреев Л.Н. Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Богданова. М.: Сов. Россия, 1988. 336 с.
2. Брагина А.А. Красный, серый, голубой // РЯЗР, 1976, № 2. С. 89–91.
3. Бусева-Давыдова И.Л. Русская церковная живопись X–XX вв. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 551–553.
4. Василевич А.П. Категоризация цветоименований в английском, болгарском, русском и сербохорватском языках // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. М.: Наука, 1985. С. 94–109.
5. Василевич А.П. Язык и культура: Сопоставительный анализ группы слов цветообозначений // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. С. 58–64.
6. Вересаев В.В. Леонид Андреев: Литературные воспоминания // Литературные портреты. М., 2000. С. 367–391.
7. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVIII–XX веках. М., 2003. 1056 с.
8. Жегалов Н. Книга о Леониде Андрееве // Русская литература, 1961, № 2. С. 259.
9. Копысова Е.А. Особенности цветописи в раннем творчестве Л. Андреева // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки, 2006. № 5 (2). С. 73–78.

10. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 751 с.
11. Луначарский А.В. Критические этюды. Л.: Изд. книжного сектора Ленгубоно, 1925. С. 44.
12. Основные цветоименования // Тезисы УП Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Наука, 1982. С. 124–125.
13. Berlin B., Kay P. Basic color terms. Berkeley: Los Angeles. 1969. P. 37.

References

1. Andreyev L.N. *Izbrannoe* [Selected works] / Sost., vstup. st. I primеч. V.A. Bogdanova [Compiler of the introductory article and notes V.A. Bogdanov]. Moscow: Sov. Rossiya, 1988. Vol. 2, pp. 336.
2. Bragina A.A. Krasniy, seriy, goluboy [Red, grey, blue]. *RYAZR*, № 2 (1976), pp. 89–91.
3. Buseva-Davidova I.L. Russkaya tserkovnaya zhivopis X–XX vv. [Russian church painting of X–XXth centuries]. *Pravoslavnaya entsiklopedia* [Orthodox encyclopedia]. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov. Moscow, 2000, pp. 551–553.
4. Vasilevich A.P. Kategorizatsia tsvetooboznacheniy v angliyskom, bolgarskom, russkom i serbohorvatskom yazikah [Categorization of color terms in English, Bulgarian, Russian and Serbo-Croatian]. *Lingvisticheskie I psiholingvisticheskie strukturirechi* [Linguistical and psycholinguistical structures of speech]. Moscow: Nauka, 1985, pp. 94–109.
5. Vasilevich A.P. Yazik i kultura: Sopostavitelnyy analiz gruppi slov tsvetooboznacheniy [Language and culture: comparative analysis of color terms words group]. *Etnopsiholingvistika* [Ethnopsycholinguistics]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 58–64.
6. Veresayev V.V. Leonid Andreyev: Literaturniye vospominaniya [Leonid Andreyev: Literary memoirs]. *Literaturniye portreti* [Literary portraits]. Moscow., 2000, pp. 367–391.

7. Dunayev M.M. *Vera v gornile somneniy: Pravoslaviye I russkaya literatura v XVIII–XX vekah* [Faith in the crucible of doubt: Orthodoxy and Russian literature in XVIII–XX centuries]. Moscow., 2003. P. 1056.
8. Zhegalov N. *Kniga o Leonide Andreyeve* [The book on Leonid Andreev]. *Russkaya literatura* [Russian literature] 1961. № 2. P. 259.
9. Kopyisova E.A. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filologicheskie nauki* 2006. № 5 (2), pp. 73–78.
10. *Literaturniy entsiklopedicheskiy slovar* [Literary encyclopedia] / V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev (ed.). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. P. 751.
11. Lunacharskiy A.V. *Kriticheskie etudi* [Critical studies]. Leningrad: Book publishing sector Lengubono, 1925. P. 44.
12. *Osnovnie tsvetooboznacheniya* [The main color terms]. *Tezisi Vsesoyuznogo simposiuma po psiholingvistike i teorii kommunikatsii* [Theses of the All-Union Symposium of psycholinguistics and theory of communication]. Moscow: Nauka, 1982, pp. 124–125.
13. Berlin B., Kay P. *Basic color terms*. Berkeley: Los Angeles. 1969. P. 37.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Морщинский Владислав Сергеевич, аспирант очной формы обучения

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

*ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015, Российская Федерация
vmorsinskij@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Morschinsky Vladislav Sergeevitch, Postgraduate Student

*Belgorod National Research University
85, Pobedi Str., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Russian Federation
vmorsinskij@gmail.com*

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-154-166

УДК 81.42; 801.7

ПОВТОР КАК ОСОБЫЙ ВИД СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ: НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Пучинина О.П.

Автор статьи освещает особенности функционирования повтора, выступающего одним из способов выстроить синтаксические отношения в структуре несобственно-прямой речи, на материале прозаических текстов Марины Цветаевой. В статье описываются различные виды повторов, их отличительные черты и частотность употребления в исследуемых текстах. Типология повторов с позиционной точки зрения в исследуемых случаях несобственно-прямой речи разнообразна: повтор встречается в начале предложений, в конце, в начале и в конце одного высказывания или абзаца, в конце одного высказывания и в начале следующего, а также наблюдается повтор лексем в центре высказывания. Морфология повторов, а именно, частеречная принадлежность повторенных слов и конструкций, представляет интерес с точки зрения и функциональной грамматики. Автор отмечает, что повторы представлены разными частями речи: это могут быть союзы, предлоги, частицы, имена существительные, местоимения, наречия, числительные, комбинация двух слов, глаголы, модальные слова. Более того, в силу своего особого замысла Цветаева усиливает повтор фонетически: это может быть использование фонетических приёмов, таких, как аллитерация, рифма и ритм, что придаёт её прозе дополнительную поэтичность.

Цель. *Статья посвящена актуальной в современной лингвистике теме чужой речи. Предметом анализа выступают различные виды повторов в структуре несобственно-прямой речи на материале прозаических текстов М. Цветаевой. Автор ставит целью*

раскрыть особенности функционирования представленных в них типов повтора (лексического, синтаксического, семантического).

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образует метод сплошной выборки иллюстративного материала, а также статистический метод количественного подсчёта, направленный на то, чтобы выявить процентное соотношение случаев употребления разных видов повтора и частеречной принадлежности повторённых слов и конструкций в текстовом поле автора.

Результаты. Результаты работы заключаются в выявлении факта того, что в структуре несобственно-прямой речи писатель выстраивает единый комплекс разноуровневых типов повтора, представляющий собой одну из отличительных черт идиостиля автора. В текстовом поле М. Цветаевой, особенно в рамках несобственно-прямой речи, повторы выполняют самые различные функции: усилительную, ритмическую, связующую.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены студентами филологических отделений при изучении таких учебных дисциплин, как стилистика, синтаксис.

Ключевые слова: повтор; несобственно-прямая речь; Марина Цветаева; функции повторов; синтаксис; часть речи.

REPETITION AS A SPECIAL TYPE OF SYNTACTIC RELATIONS IN REPRESENTED SPEECH: BASED ON THE PROSE BY MARINA TSVETAEVA

Puchinina O.P.

The author studies the peculiarities of repetition, being one of the ways to build syntactic relations in the represented speech structure, based on the prose by Marina Tsvetaeva. The article describes the different types of repetitions, their distinctive features and frequency of usage in the studied tests. The author describes different types of repetitions in the studied cases of represented speech from the point of view

of their position. Repetition occurs at the beginning, end of sentences, beginning and end of a statement or paragraph, end of a statement and beginning of the next one; lexical items may be repeated in the middle of a statement. The morphology of repetitions, i.e., the way by what parts of speech the repeated words and structures are expressed, is of interest from the point of view of functional grammar. The author notes that Tsvetaeva repeats different parts of speech: conjunctions, prepositions, particles, nouns, pronouns, adverbs, numerals, verbs, modal words or a combination of two words. Moreover, due to her special intention, Tsvetaeva intensifies repetition through particular phonetic devices, such as alliteration, rhyme and rhythm, which make her prosaic works sound poetic.

Purpose. *The article is devoted to the topic of rendering another person's speech, as it continues to be one of the most important issues of modern linguistics. The subject of analysis is repetition and its different types in the structure of represented speech on the material of prose texts by Marina Tsvetaeva. The author's aims is to reveal the way these types of repetition (lexical, syntactic, semantic ones) function in the structure of represented speech and what effect is achieved with their help.*

Methodology. *The research has been conducted using the continuous sampling method and the quantitative estimation method, aimed to identify the frequency of using different types of repetition and repeated parts of speech and constructions in the text field of the writer.*

Results. *The author concludes that in the structure of represented speech the writer builds a unique set of multi-level types of repetition, being one of the characteristic features of her individual style. In Marina Tsvetaeva's texts, especially in the framework of represented speech, repetition performs a variety of functions, i.e., emphatic, intensifying, rhythmic and connective ones.*

Practical implications. *The results of the study can be used by students of philological departments, while taking such courses as stylistics and syntax.*

Keywords: *repetition; represented speech; Marina Tsvetaeva; functions of repetition; syntax; parts of speech.*

Проблема чужой речи интересует исследователей не одно десятилетие. В данной статье проводится анализ функциональных особенностей повтора как особого вида синтаксической связи в несобственно-прямой речи (далее НПР) на примере прозы Марины Цветаевой. Стилистические функции различных видов синтаксической связи (например, союзов, местоимений, наречной связи, повторов, связи при помощи единства времён, пропуск или замена подразумеваемого слова и других) до сих пор не изучены в достаточном объёме. К тому же язык прозы Марины Цветаевой и её выразительный синтаксис продолжают представлять интерес у различных исследователей. Ведь как писал американский исследователь Ричард Оман, «синтаксис определяет стиль» [8, с. 82].

Синтаксическими связями принято считать формальные строковые отношения между элементами синтаксической единицы, которые вскрывают семантические связи, т.е. синтаксические отношения, выраженные языковыми средствами [2, с. 544]. По мнению исследователей НПР, в том числе Е.Я. Кусько, одним из характерных для НПР средств синтаксической связи выступает повтор [3, с. 144]. Учитывая различные классификации и определения повтора (И.В. Арнольд, В.В. Данилин, З.П. Куликова, В.П. Москвин и др.), в данной работе мы будем придерживаться следующего рабочего определения повтора: «Повтором обычно считают фигуру речи, заключающуюся в повторении (итерации) языковых элементов, принадлежащих разным языковым уровням в условиях синтаксической близости и способствующих композиционно-смысловой организации текста» [5, с. 12]. Повторы повышают экспрессивность высказывания, представляя собой некоторую намеренную девиацию от синтаксически немаркированной нормы, для которой однократное употребление слова является достаточным.

Чаще всего к предметно-логической информации повтор ничего не прибавляет, и поэтому, как пишет И.В. Арнольд, его можно рассматривать как относительную «избыточность» [1, с. 182]. Тем не менее, В.А. Кухаренко отмечает, что слово или словосочетание, выдвинутое вперёд за счёт инверсии, обособления, повтора приоб-

ретаёт особый акцент и, сохраняя синтаксическую функцию, лексическое и грамматическое значение, получает дополнительную коннотацию и эмфатическое содержание [4, с. 62].

В своём исследовании мы придерживаемся точки зрения о том, что НПР является особым способом передать чужую речь, занимающим промежуточное положение между прямой речью и косвенной. Используя НПР в художественном произведении, автор преследует цель сохранить лексические, фонетические и синтаксические особенности внутренней и произнесённой речи своих персонажей, то есть НПР принадлежит одновременно плану автора и плану персонажа. Особенностью НПР в прозе Цветаевой является тот факт, что протагонистом в изучаемых произведениях выступает сама Марина, но в другом временном и пространственном измерении, т.е. Марина-ребёнок или Марина-подросток. Следовательно, данную речь можно назвать чужой только условно.

В данной статье мы преследуем цель проанализировать НПР прозаических текстов Марины Цветаевой и представленные в них лексический, синтаксический, семантический типы повтора. В качестве материала послужили около 300 примеров НПР, извлечённых нами методом сплошной выборки из прозы М. Цветаевой.

Проведённый анализ показал, что типология повторов с позиционной точки зрения в исследуемых случаях НПР разнообразна: повторы встречаются в начале предложений, в конце, в начале и в конце одного высказывания или абзаца, в конце одного высказывания и в начале следующего, а также повтор лексем в центре высказывания. Нами отмечено, что Цветаева часто прибегает к **анафоре (единоначалию)** (19%): *После ужина <...> я получила его (письмо с признанием в любви – Примеч. автора О.П.) обратно с подчеркнутыми красным карандашом ошибками. Было над чем задуматься. <...> **Разве** Онегин подчеркивал ошибки в Татьянинном письме? **Разве** Онегин был влюблен в Раечку? **Разве** он хотел ее увезти на Урал? **Разве** он учился в университете? **Разве** у него была желтая борода? **Разве**... Да **разве** я-то похожа на Татьяну?* [«То, что было», с. 103].

Повторение вопросительной частицы «разве» усиливает эффект растерянности главной героини рассказа, получившей назад своё письмо с подчёркнутыми ошибками. Можно предположить, что девушка, испытывающая первую влюблённость, ожидала совсем другого. Следовательно, мы имеем дело с усилительным повтором. К тому же использование параллельных конструкций придаёт ритмический эффект представленным вопросительным предложениям.

Эпифора (или концовка), т.е. повтор конечной части смежных единиц, по мнению ряда лингвистов, употребляется в текстах довольно редко, однако, по нашим наблюдениям, М. Цветаева применяет этот вид повтора достаточно часто (20%): *Почему Кирилловны? <...> Тогда же я над этим не задумывалась, как не задумывалась над тем, почему пароход – “Екатерина”. Екатерина – и всё тут. Кирилловны – и всё тут* [«Хлыстовки», с. 114]. В представленном примере концовкой является повторение простого предложения «и всё тут», что усиливает эффект твёрдой уверенности главной героини в том, что всех знакомых ей женщин в Тарусе по отчеству собирательно зовут Кирилловны. Этой же цели служат параллельные конструкции в последних двух предложениях и ещё один вид повтора – подхват – повторение глагола «задумывалась» с отрицательной частицей.

Анадиплосис (подхват или стык) обозначает дублирование слова, фразы или предложения в рамках двух граничащих смежных единиц. Подхват объединяет две идеи, усиливает выразительность и ритмичность. В НПР Цветаевой отмечаем частое применение подхвата (28%): ... *она все это уничтожила одной только обмолвкой: «Я вас люблю, – к чему лукавить?» К чему лукавить? Да к тому, чтобы торжествовать! А торжествовать – к чему? А вот на это, действительно, нет ответа для Татьяны – внятного, и опять она стоит, в зачарованном кругу залы, как тогда – в зачарованном кругу сада, – в зачарованном кругу своего любовного одиночества, тогда – непонадобившаяся, сейчас – возделенная, и тогда и ныне – любящая и любимой быть не могущая* [«Мой Пушкин», с. 34]. В данном отрывке Цветаева вступает в своеобразный диалог

с А.С. Пушкиным, цитируя его в конце первого предложения и подхватывая цитату в начале следующего. Отвечая на поставленный таким образом вопрос, она дублирует ещё одну мысль дальше. И как будто ей этого мало, она прибегает ещё к одному повтору словосочетания «в зачарованном кругу». И действительно, читая весь отрывок создаётся впечатление замкнутого круга, из которого нет выхода, одна безысходность.

Обрамление (кольцевой повтор или рамка) состоит в повторении одной и той же части в начале и конце предложения или абзаца. Данный вид повтора отмечен нами наименьшее число раз (3%): *Ихнее гнездо хлыстовское было, собственно, входом в город Тарусу. Последний – после скольких? – спуск, полная, после столько света, тьма (сразу полная, тут же зеленая), внезапная, после той жары, свежесть, после сухости – сырость, и, по раздвоенному, глубоко вросшему в землю, точно из нее растущему бревну, через холодный черный громкий и быстрый ручей, за первым по левую руку ивовым плетнем, невидимое за ивами и бузиною – «ихнее гнездо хлыстовское»* [«Хлыстовки», с. 114–115]. Автор повторяет словосочетание «ихнее гнездо хлыстовское» в начале и в конце абзаца, к тому же в данной отрывке отмечаем повтор предлога «после», вводящего определения к определяемым существительным «спуск», «тьма», «свежесть», «сырость». Немалый интерес представляет необычное положение данных определений: прилагательные «последний», «полная», «внезапная» Цветаева дополняет определениями, которые логично было бы поставить в постпозиции, обособляет их запятыми и употребляет их в качестве однородных определений, дополняющих упомянутые выше прилагательные.

Синонимичный повтор заключается в повторении одной и той же идеи при помощи синонимов. За счёт использования синонимических средств высказывание приобретает дополнительный оттенок, денотативное значение расширяется и конкретизируется. В структуре НПП Цветаевой синонимичный повтор встречается не так часто (5%). *Мать точно заживо похоронила себя внутри нас*

<...> *И какое счастье, что все это было не наука, а Лирика, – то, чего всегда мало, дважды – мало: как мало голодному всего в мире хлеба, и в мире мало – как радия, то, что само есть – недостаток всего, сам недостаток, <...> то, чего не может быть слишком, потому что оно – само слишком, весь излишек тоски и силы, излишек силы, идущий в тоску, горамидвигающую* [«Мать и музыка», с. 62–63]. В данном отрывке можно выделить два случая данного вида повтора: «мало» – «недостаток», «слишком» – «излишек» на фоне другого вида повтора – концовки («мало» и «слишком»). К тому же экспрессивность второго синонимичного повтора «слишком» – «излишек» усиливается за счёт аллитерации – фонетического повтора звука «ш». Такая стилистическая конвергенция, избыточность, повторяемость не только слов, даже звуков, служат средством усиления, становясь своеобразным способом выражения категории интенсивности. На наш взгляд, чтение с детства благотворно сказывалось на развитии ребёнка, и она была благодарна своей матери, что помимо любви к музыке, она с малых лет привила ей с сестрой любовь к чтению и классической лирической литературе.

Изредка Цветаева прибегает к **простому повтору**, используя какое-либо слово дважды, как бы обращаясь к читателю и ведя своего рода диалог (4%). *Звучало еще робкое, но и в робости своей грозное, ничем, кроме собственного звучания, не заполненное слово «свобода». Какая? Вся. От чего? От всего. И, конечно, прежде всего – от дома. Нет, нет, не от родителей. Родители еще были неприкосновенны, неподсудны, да и они ли гнали?* [«Дом у Старого Пимена», с. 137]. В данном случае Марина пишет о жизни сводных сестёр своего старшего брата, дочерей известного историка Д.И. Иловайского, отличавшегося строгостью в воспитании. Девушки подрастали и искали больше свободы от атмосферы дома, в котором умирали их старшие братья и сёстры, от этих стен, дверей, потолков, от рока преждевременной смерти, нависшей над домом, как ощущала Цветаева. В этом же отрывке отмечаем ещё один характерный для НПП вид повтора – **корневой повтор**, т.е. использование однокоренных слов «робкое» и «робостью», обладающий

усиливающим значением, расширяющим смысл высказывания от единичного к общему (8%).

Частотным и продуктивным видом повтора в НПП является **варьированный повтор**, когда к общему дословно повторяемому элементу речи (мысли) присоединятся видоизменённый элемент (5%). Эти примеры в комплексах НПП обладают значительным эмотивным содержанием, являются средством выделения, акцентирования определённых мыслей речевых элементов. «*Сквозь волнистые туманы пробирается луна...*» <...> «*На печальные поляны льет печальный свет она...*» *О, Господи, как печально, как дважды печально, как безысходно, безнадежно печально, как навсегда припечатано – печалью, точно Пушкин этим повторением печаль луною как печатью к поляне припечатал* [«Мой Пушкин», с. 43]. Данный пример также демонстрирует корневые повторы, представленные разными частями речи, то есть это повторение не одного и того же слова, а однокорневых лексем: печаль (в разных формах), печально и т.д., а также употребление рифмующегося слова «печатью», подчёркивая безрадостную картину природы.

Заслуживает особого научного внимания параллелизм – повтор смежных синтаксических конструкций: предложений или их частей. В структуру внутренней НПП параллельные конструкции вписываются вполне гармонично, хотя мы отмечаем не очень частое употребление поэтом параллельных конструкций в рамках НПП (8%): *Почему не Сережу (любила)?* <...> *Почему с его смертью примирилась, приняла ее – как все?*

А потому что Сережа сам смирился, а Надя – нет.

А потому что Сережа уже не хотел жить, а Надя – да.

А потому что Сережа совсем умер, а Надя – нет [«Старый Пимен», с. 155]. В этом примере параллелизм выполняет ритмическую функцию, прозаический текст приобретает стихотворное звучание, для усиления этого впечатления Цветаева начинает каждое предложение с новой строки, а синонимический повтор «совсем смирился», «уже не хотел жить» и «совсем умер» подчёркивает чувство апатии своего сводного брата, нежелание бороться за свою жизнь.

Как видим, в структуре Марина Цветаева употребляет разнообразные виды повтора, осложняя какой-то один повтор как минимум ещё одной его разновидностью.

Не меньший интерес представляет морфология повторов, а именно, какими частями речи они могут быть выражены. На материале иллюстративного материала нами отмечено, что повторы представлены разными частями речи: это могут быть предлоги (8%), частицы (10%), имена существительные (14%), корневой повтор различных частей речи (10%), комбинация двух слов (18%), глаголы (20%), модальные слова (6%), реже – союзы (4%) местоимения (4%), числительные (2%), прилагательные (2%) наречия (2%).

К тому же, повтор может усиливаться за счёт добавления повторяемых элементов. Например, в рассказе «Мать и музыка», повествуя о своих уроках музыки с матерью, на протяжении практически двух страниц Цветаева перечисляет, за что она любит клавиши. К повторяемому предлогу «за» добавляются местоимение «то», союзное слово «что», и союз «и», однако в конце отрывка Цветаева возвращается к повтору предлога «за». И.В. Арнольд отмечает, что связь при помощи предлогов имеет более конкретный характер, чем союзная связь благодаря своей материальной выраженности [1, с. 185].

Нами отмечено, что Цветаева подкрепляет повтор фонетическими средствами. Даже в прозе Цветаева употребляет рифмующиеся слова, что придаёт её текстам дополнительную поэтичность. Например, в следующем отрывке, связывающем неполные придаточные предложения за счёт повторяющегося союза «за то, что», она использует рифмующиеся существительные «хроматика», «грамматика», «романтика», «драматика». *За то, что – это я сейчас говорю – Хроматика есть целый душевный строй, и этот строй – мой. За то, что Хроматика – самое обратное, что есть грамматике, – Романтика. И Драматика* [«Мать и музыка», с. 65].

Таким образом, анализ исследованных нами примеров позволяет сделать следующие выводы: 1. Повтор занимает важное место в синтаксисе текстов Марины Цветаевой, содержащих несобственно-прямую речь в частности. Структурная типология повтора в исследуемых

случаях несобственно-прямой речи разнообразна: повтор встречается в начале предложений, в конце, в начале и в конце одного высказывания или абзаца, в конце одного высказывания и в начале следующего, а также повтор лексем в центре высказывания. Писатель прибегает к простым и варьированным модификациям повторов, а также усиливает ритмический эффект за счёт параллельных конструкций, являющихся синтаксическим видом повтора. 2. Морфология повторов, а именно, частеречная принадлежность повторенных слов и конструкций, представляет интерес с точки зрения и функциональной грамматики. Нами отмечено, что повторы представлены разными частями речи: это могут быть союзы, предлоги, частицы, имена существительные, местоимения, наречия, числительные, комбинация двух слов, глаголы, модальные слова. 3. Более того, в силу своего особого замысла Цветаева усиливает повтор фонетически: это может быть использование фонетических приёмов, таких, как аллитерация, рифма и ритм, что придаёт её прозе дополнительную поэтичность. 4. В структуре несобственно-прямой речи проанализированных текстов отмечаем, что Цветаева прибегает к повторам разных уровней (лексическому, синтаксическому, реже звуковому) и видов в едином комплексе, следовательно, повтор является одной из отличительных особенностей идиостиля автора. 5. Повторы выполняют в текстовом поле Марины Цветаевой, особенно в рамках несобственно-прямой речи, самые различные функции: усилительную, ритмическую, связующую, устанавливая определённую иерархию элементов-повторов.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). М.: Просвещение, 1981. 295 с.
2. Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А., Милославский И.Г. и др. Современный русский язык. Под редакцией В.А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
3. Кусько Е.Я. Проблемы языка современной художественной литературы. Несобственно-прямая речь в литературе ГДР. Львов: Вища школа, 1980. 208 с.

4. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
5. Минакова А.А. Типы и функции повторов в поэтических текстах Евгения Евтушенко: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2012. 22 с.
6. Цветаева М.И. Проза. М.: Современник, 1989. 590 с.
7. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М.: Эллис Лак, 1994. 720 с.
8. Ohmann R. *Prolegomena to the Analysis of Prose Style // Style in Prose Fiction*. N.Y.: Columbia University Press, 1959. 82 p.

References

1. Arnol'd I.V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka (stilistika dekodirovaniya)* [Stylistics of Contemporary English (Stylistics of Decoding)]. Moscow: Prosveshcheniye, 1981. 295 p.
2. Beloshapkova V.A., Bryzgunova E.A., Zemskaya E.A., Miloslavskiy I.G. et al. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Contemporary Russian language]. Edited by V.A. Beloshapkova. M.: Vysshchaya shkola, 1989. 800 p.
3. Kus'ko E.Ya. *Problemy yazyka sovremennoy khudozhestvennoy literatury. Nesobstvenno-pryamaya rech' v literature GDR* [The language problems of the contemporary fiction. Represented speech in the literature of the GDR]. L'vov: Vishcha shkola, 1980. 208 p.
4. Kukharenko V.A. *Interpretatsiya teksta* [Interpretation of the text]. M.: Prosveshchenie, 1988. 192 p.
5. Minakova A.A. *Tipy i funktsii povtorov v poeticheskikh tekstakh Evgeniya Evtushenko* [Types and functions of repetitions in poetic texts of Evgeniy Evtushenko]: Thesis Abstract ... Candidate of Philology. Maykop, 2012. 22 p.
6. Tsvetaeva M.I. *Proza* [Prose]. M.: Sovremennik, 1989. 590 p.
7. Tsvetaeva M. *Sobranie sochineniy: V 7 t. T. 5: Avtobiograficheskaya proza. Stat'i. Esse. Perevody* [Collected edition: In 7 Vol. Vol. 5: Autobiographical prose. Articles. Essays. Translations.]. M.: Ellis Lak, 1994. 720 p.
8. Ohmann R. *Prolegomena to the Analysis of Prose Style: Style in Prose Fiction*. New York: Columbia University Press, 1959. 82 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пучинина Ольга Павловна, старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, аспирант 1-го года обучения

Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета

ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423604, Российская Федерация

olga.puchinina@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Puchinina Olga Pavlovna, Senior Lecturer, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, 1st year Graduate Student

*Elabuga Institute of Kazan' (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Tatarstan Republic, 423604, Russian Federation*

olga.puchinina@gmail.com

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7-24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с.5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗА-
НИЯ ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7-24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p.5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

РОССИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ XVIII–XIX ВЕКОВ О КОНФЛИКТАХ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ И УЧАСТИИ В НИХ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА Дубовиков А.М.	7
--	---

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ИСТОКИ УСТАНОВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ С КИТАЕМ Ларченко В.Ю.	26
--	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ. ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА СТАХАНОВЦЕВ КИРОВСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ Чемоданов П.А.	42
---	----

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ПРИЧИНЫ РАЗРАСТАНИЯ КОРРУПЦИИ: ПАТЕРНАЛИСТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ Мухамедьярова Л.В.	57
--	----

ИЗМЕНЕНИЯ СЕМЕЙНО-ГЕНДЕРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИЕТАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ
Сазонова П.В. 67

**ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЫ.
ЭТИКА И ЭСТЕТИКА**

ЭНТЕЛЕХИЯ ИКОНОПИСНОГО ОБРАЗА
ЮРОДИВОГО
Туминская О.А. 77

**ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА
Котова Н.С., Кудряшов И.А. 88

РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
В СОЗДАНИИ ПАРАДОКСА
Лекова М.В. 100

ПОНЯТИЕ VS ТЕРМИН: ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
Тюрнева Т.В., Щурик Н.В. 115

**КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ**

УСТОЙЧИВЫЙ СЛОВЕСНЫЙ КОМПЛЕКС
В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
Жебрунова Л.А. 126

**ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ**

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
НА ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

Кузнецова Т.Н., Трукова А.И. 136

РУССКАЯ И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

СИМВОЛИКА КОЛОРАТИВОВ В РАССКАЗЕ
Л.Н. АНДРЕЕВА «СТЕНА»

Морщинский В.С. 145

ПОВТОР КАК ОСОБЫЙ ВИД СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ
В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ: НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Пучинина О.П. 154

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 167

CONTENTS

HISTORIOGRAPHY. HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY. SOURCE STUDIES

RUSSIAN SOURCES OF THE XVIII–XIX CENTURIES
ABOUT THE CONFLICTS IN THE KAZAKH STEPPE
AND THE INVOLVEMENT AND PARTICIPATION
OF THE URAL COSSACKS

Dubovikov A.M. 7

HISTORY OF FOREIGN AFFAIRS AND FOREIGN POLICY

ORIGINS OF RELIGIOUS ESTABLISHMENT
OF RUSSIAN INTERACTION WITH CHINA

Larchenko V.Y. 26

REGIONAL AND LOCAL HISTORY. REGIONAL STUDIES THROUGH HISTORY

MAIN DIRECTIONS OF INCENTIVE STAKHANOVISTS
KIROV REGION IN THE SECOND HALF OF 1930

Chemodanov P.A. 42

SOCIAL PHILOSOPHY

THE REASONS FOR THE PROLIFERATION OF CORRUPTION:
PATERNALISTIC RELATIONS IN THE RUSSIAN SOCIETY

Mukhamedyarova L.V. 57

SOCIETAL TRANSFORMATIONS OF MODERN SOCIETIES:
CASES OF FAMILY AND GENDER RELATIONS

Sazonova P.V. 67

**PHILOSOPHY OF RELIGION AND CULTURE.
ETHICS AND AESTHETICS**

ENTELECHIES ICON IMAGE A HOLY FOOL

Touminskaya O.A. 77

GENERAL AND APPLIED LINGUISTICS

FUNCTIONAL INTERACTION OF LEXICAL AND GRAMMATICAL
FACTORS IN THE ENGLISH VERB SYSTEM

Kotova N.S., Kudryashov I.A. 88

THE ROLE OF STYLISTIC MEANS IN CREATING PARADOX

Lekova M.V. 100

NOTION VS TERM: LINGUO-SEMIOTIC ASPECT

Tyurneva T.V., Shchurik N.V. 115

**COGNITIVE LINGUISTICS
AND LINGUOCULTURAL STUDIES**

COGNITIVE AND DISCOURSE LINGUISTICS:
STABLE WORD COMPLEXES

Zhebrunova L.A. 126

**LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES
AND TRANSLATION STUDIES**

GERMAN POETRY: LINGUISTIC AND STYLISTIC PECULIARITIES
OF TRANSLATION INTO THE CHUVASH LANGUAGE

Kuznetsova T.N., Trukova A.I. 136

RUSSIAN AND WORLD LITERATURE

SYMBOLISM OF THE COLOR NAMES IN THE STORY

THE WALL BY L.N. ANDREYEV

Morschinsky V.S. 145

REPETITION AS A SPECIAL TYPE

OF SYNTACTIC RELATIONS IN REPRESENTED SPEECH:

BASED ON THE PROSE BY MARINA TSVETAeva

Puchinina O.P. 154

RULES FOR AUTHORS 167

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 17.03.2017. Заказ СИСП12017.
Тираж 5000. Усл. печ. л. 12,68. Формат 60×84/16